ISSN 2312-7899 (print)
ISSN 2408-9176 (online)

ΠΡΑΞΗΜΑ

проблемы визуальной семиотики

2023

№ 1 (35)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ΠΡΑΞΗΜΑ

ПРОБЛЕМЫ ВИЗУАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ

Научный журнал

2023 № 1 (35)

ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 1 (35) [18+]

Главный редактор
В. В. Обухов (Томский государственный педагогический университет)

Заместители главного редактора
С. С. Аванесов (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого)
И. В. Мелик-Гайказян (Томский государственный педагогический университет)

Ответственный секретарь
М. С. Горбулёва (Томский государственный педагогический университет)

Редакционная коллегия
Е. В. Афонасин (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск)
М. Н. Вольф (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск)
И. Н. Инишев (Высшая школа экономики, Москва)
С. Б. Куликов (Томский государственный педагогический университет)
А. М. Лидов (Научный центр восточнохристианской культуры, Москва)
М. Моравчикова (Трнавский университет, Словакия)
К. Е. Осетрин (Томский государственный педагогический университет)
О. В. Рыбчинский (Национальный университет «Львовская Политехника», Украина)
В. В. Савчук (Санкт-Петербургский государственный университет)
Н. И. Сазонова (Томский государственный педагогический университет)
В. А. Суровцев (Томский государственный университет)
В. А. Суханов (Томский государственный университет)
П. Я. Ференски (Вроцлавский университет, Польша)
А. И. Щербинин (Томский государственный университет)

Редакционный совет
Т. Андина (Туринский университет, Италия)
Р. Г. Апресян (Институт философии РАН, Москва; Апресян Р. Г. признан иностранным агентом Министерством юстиции Российской Федерации 09.12.2022)
О. А. Донских (Новосибирский гос. университет экономики и управления)
И. Т. Касавин (Институт философии РАН, Москва)
Л. Карали (Национальный университет, Афины, Греция)
Е. Н. Князева (Высшая школа экономики, Москва)
В. В. Лепахин (Университет г. Сегед, Венгрия)
Т. С. Симян (Ереванский государственный университет, Армения)
Н. В. Ссорин-Чайков (Высшая школа экономики, Санкт-Петербург)
И. Топп-Вуйтович (Вроцлавский университет, Польша)
Е. Р. Ярская-Смирнова (Высшая школа экономики, Москва)

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»
Адрес учредителя: ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел.: (3822) 52-17-54
Адрес редакции: ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел.: (3822) 52-06-17
E-mail: praxema@tspu.edu.ru
Электронная версия журнала: http://praxema.tspu.edu.ru

Отпечатано: ПК «Скорость Цвета»,
пр-т Ленина, 30/2, Томск, Россия, 634050. E-mail: voc2006@mail.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 57493
Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

Подписано в печать: 27.12.2022. Дата выхода в свет: 31.01.2023. Формат: 70×100/16. Бумага: офсетная.
Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 10,9. Тираж: 500 экз. Цена свободная. Заказ: 1240/н.
Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: А. И. Алышева
© Томский государственный педагогический университет, 2023. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

ΠΡΑΞΗΜΑ

JOURNAL OF VISUAL SEMIOTICS

Научный журнал

2023 № 1 (35)

ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics. 2022. № 4 (34) [18+]

Chief Editor
Valery Obukhov (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Deputy Chief Editor
Sergey Avanesov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)
Irina Melik-Gaykazyan (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Executive Secretary
Maria Gorbuleva (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Editorial Board
Eugene Afonasin (Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)
Piotr Jakub Fereński (University of Wroclaw, Poland)
Ilya Inishev (Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Sergey Kulikov (Tomsk State Pedagogical University, Russia)
Alexei Lidov (Scientific Center of Eastern Christian Culture, Moscow, Russia)
Michaela Moravchikova (University of Trnava, Slovakia)
Konstantin Osetrin (Tomsk State Pedagogical University, Russia)
Oleh Rybchynskyi (Lviv Polytechnic National University, Ukraine)
Valery Savchuk (Saint-Petersburg State University, Russia)
Natalia Sazonova (Tomsk State Pedagogical University, Russia)
Alexei Scherbinin (Tomsk State University, Russia)
Vyacheslav Sukhanov (Tomsk State University, Russia)
Valery Surovtsev (Tomsk State University, Russia)
Marina Volf (Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)

Editorial Council
Tiziana Andina (University of Turin, Italy)
Ruben Apressyan (Institute of Philosophy, Moscow, Russia; Ruben Apressyan recognized as a foreign agent by the Ministry of Justice of the Russian Federation 09.12.2022)
Oleg Donskih (Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia)
Elena Iarskaia-Smirnova (Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Lilian Karali (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)
Ilya Kasavin (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
Helena Knyazeva (Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Valerij Lepahin (University of Szeged, Hungary)
Tigran Simyan (Yerevan State University, Armenia)
Nikolai Ssorin-Chaikov (Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)
Izolda Topp-Wójtowicz (University of Wroclaw, Poland)

Founder:
Tomsk State Pedagogical University
Address: ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel.: +7 (3822) 52-17-54
Corresponding address: ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel.: +7 (3822) 52-06-17
E-mail: praxema@tspu.edu.ru
Online version: http://praxema.tspu.edu.ru

Printed by: "Skorost' Tsveta",
Lenina avenue, 30/2, Tomsk, Russia, 634050. E-mail: voc2006@mail.ru

Certificate PI № FS 77 – 57493
by the Ministry of Mass Communication of the Russian Federation

Approved for printing on: 27.12.2022. Date of issue: 31.01.2023. Format: 70×100/16. Paper: offset.
Printing: screen. Edition: 500. Price: not settled. Order: 1240/н.
Production editor: Yu . Yu . Afanasyeva. Text designer: A. I. Alisheva.
© Tomsk State Pedagogical University, 2023. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Брызгалина Е. В. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия)
Цифровая биоэтика как этика цифрового здравоохранения.....9

Гиздатов Г. Г. (Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Казахстан);
Буренина-Петрова О. Д. (Цюрихский университет, Швейцария);
Сопиева Б. А. (Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Казахстан)
Культура как текст и проект в постсоветском дискурсе (на примере Казахстана) 30

Дорофеев Д. Ю. (Санкт-Петербургский горный университет, Россия)
Человек как визуальное сообщение: семиотика и эстетика человеческого образа..... 48

Жюслен Ш. (Университет Париж-Дидро, Франция);
Майленова Ф. Г. (Институт философии РАН, Россия)
Нарративная алгология..... 78

Рожкова Т. В. (Самарский государственный медицинский университет, Россия)
Глаголы медицинского дискурса как средство представления количественной определенности процессов.....91

Сидорова Т. А. (Новосибирский государственный университет, Россия)
Цифровая трансформация как семантический переключатель в медицине.....113

ПЕРЕВОД КАК ИССЛЕДОВАНИЕ

Жюслен Ш. (Университет Париж-Дидро, Франция)
Человек страдающий.
Перевод Ф. Г. Майленовой.....130

ЭССЕ

Горбулёва М.С. (Томский государственный педагогический университет, Россия)
Хороший, плохой зеленый 140

Сведения об авторах 163

CONTENTS

ARTICLES

E. Bryzgalina (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation)
Digital Bioethics as Digital Health Ethics 9

G. Gizdatov (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan);
O. Burenina-Petrova (University of Zurich, Zurich, Switzerland);
B. Sopieva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan)
Culture as a Text and a Project in the Post-Soviet Discourse (By the example of Kazakhstan) 30

D. Dorofeev (Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russian Federation)
A Person as a Visual Message: Semiotics and Aesthetics of the Human Image 48

Ch. Joussellin (Paris Diderot University, Paris, France);
F. Mailenova (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Narrative Algology 78

T. Rozhkova (Samara State Medical University, Samara, Russian Federation)
Verbs in Medical Discourse As a Means for Quantifying Special Processes 91

T. Sidorova (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)
Digital Transformation as a Semantic Switch in Medicine 113

TRANSLATION AS RESEARCH

Ch. Joussellin (Paris Diderot University, Paris, France)
The Person in Pain.
Translated by F. G. Mailenova 130

ESSAY

M. Gorbuleva (Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation)
The Good, Bad Green Colour 140

Authors 165

СТАТЬИ / ARTICLES

ЦИФРОВАЯ БИОЭТИКА КАК ЭТИКА ЦИФРОВОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Е. В. Брызгалина
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия
evbrz@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

Распространение биоэтического дискурса в цифровое пространство и формирование этических проблем цифрового здравоохранения вызвали формирование концепта «цифровая биоэтика». В статье анализируется цифровая биоэтика, понимаемая как этика цифрового здравоохранения, отличающаяся от понимания цифровой биоэтики как использования цифровых методов сбора и анализа данных для описания цифрового ландшафта биоэтического дискурса и действия биоэтических принципов.

Задачей цифровой биоэтики, понимаемой как этика цифрового здравоохранения, является анализ взаимозависимости технологий цифрового здравоохранения и социальных практик. Ее предмет выходит за пределы биоэтического дискурса по поводу создания и применения цифровых технологий для медицинских целей и включает изучение влияния цифровых систем на распространение таких ценностей, как общественное благополучие, социальная справедливость, солидарность, а также на связь ценностей с инфраструктурой и интересами акторов здравоохранения. Цифровая биоэтика как этика цифрового здравоохранения не разрабатывает отдельных методов анализа, в отличие от цифровой биоэтики, понимаемой как использование цифровых методов исследования социальных репрезентаций биоэтического дискурса в открытом цифровом пространстве.

Перспективы развития цифровой биоэтики связаны с развитием эмпирической и нормативистской традиций биоэтического дискурса, проходящего в аналоговом и цифровом форматах. Особенности функционирования биоэтических институций в цифровом пространстве также должны быть дополнительно описаны. Отдельной задачей становится комплексное междисциплинарное обсуждение этических проблем различных проявлений цифрового мира (биоэтика, этика искусственного интеллекта, алгорэтика).

Ключевые слова: этика, биоэтика, цифровая биоэтика, социально-гуманитарная экспертиза, цифровое здравоохранение, мобильное здравоохранение, цифровое здоровье

DIGITAL BIOETHICS AS DIGITAL HEALTH ETHICS

Elena V. Bryzgalina
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
evbrz@yandex.ru

Personalized medicine development includes an active use of digital products and tools for diagnosing, treating and monitoring health. This phenomenon generates such digital-related concepts as “digital health,” “Digital Medicine,” “Digital Therapeutics,” or “Digital Wellness.” Digital health includes tele- and algorithmic medicine, e-health, and mobile health. Bioethics represents a research area and social institution. Bioethics should increase the ethical support for bioethical choice subjects in the context of the social practices’ transformation in personal and public health. The article highlights the features of the subject and methodology interpretation; indicates the prospects for the development of digital bioethics. This article describes digital bioethics as digital health ethics. This interpretation differs from the understanding of digital bioethics as a field of using digital methods of empirical research. The research subject is social relations regarding confidentiality, truthfulness, trust, justice, and accountability. The entire social system is involved in the bioethical analysis, since the ethical issues of digital health are considered in a wide context of social dynamics, economic interactions, and political governance. Thus, digital bioethics is close to biopolitics. Digital bioethics uses several approaches. It refers to certain ethical theories to evaluate the results of the digital health technologies’ use. It considers different digital health-related situations through bioethical principles. It also describes the ethical harm in the digital technologies’ creation and integration in healthcare. Ethical issues are related to the social mechanisms in which they are created and used. The moral dilemmas’ resolution is seen as power relations’ manifestation. Digital bioethics analyzes the policy of various healthcare actors, the dependence of digital health on communication infrastructure and economic influence. Digital bioethics proposes to address treatment depersonalization and anonymization which represent the consequences of health and disease datafication. Digital bioethics complements empirical description of digital health practices and public health policies. On the one hand, digital bioethics is a field of digital methods’ application for studying bioethical discourse in the digital space. Thus, digital bioethics digitizes analog methods and additionally develops digital analysis methods. On the other hand, digital bioethics is defined as digital health ethics, and does not pay attention to the development of its own research methods. These two interpretations are interconnected. According to digital bioethics, ethically acceptable futures are the basis for management decisions in healthcare. This fact enhances a comprehensive transdisciplinary description of digital ethical foundations and ethical regulation mechanisms. Bioethics, algoretics, artificial intelligence ethics, engineering ethics, business ethics, political ethics, and other manifestations of applied ethics can be combined into a unique research complex and form a common mechanism for social and humanitarian innovations’ expertise. Prospects for the digital bioethics’ development should be comprehended

through the empirical and normative traditions, the correlation of analog and digital discourses of bioethics, as well as the peculiarities of the bioethical institutions' functioning in the digital space

Keywords: ethics, bioethics, digital bioethics, social and humanitarian expert appraisal, digital healthcare, digital health

DOI 10.23951/2312-7899-2023-1-9-29

Распространение новых технологий и цифровизация существенно влияют на сферу медико-биологического знания и практики здравоохранения. Цифровые продукты все шире включаются в процессы диагностики, лечения и контроля здоровья, создают и одновременно поддерживают тренд на развитие персонализированной медицины, ориентированной на предикцию и превенцию. Они способны расширить возможности специалистов за счет применения систем поддержки врачебных решений, повысить включенность пациентов в поддержание собственного здоровья и лечение, оптимизировать уход и методы оказания помощи в системе здравоохранения и социального обеспечения, повысить эффективность управления системой здравоохранения. Цифровизация призвана улучшить доступность и качество оказания медицинской помощи при оптимизации расходов на здравоохранение.

Возникает понятие «цифровое здоровье», под которым в «Глобальной стратегии развития цифрового здравоохранения на 2020–2025 гг.» понимается область знаний и практики, связанная с разработкой и использованием цифровых технологий для улучшения здоровья [Global Strategy on Digital Health 2020–2025 2019].

Цифровая медицина (Digital Medicine, Medtech) представляется зонтичным понятием, включающим разнообразные цифровые продукты и решения, которые в сочетании с традиционными методами диагностики и лечения или независимо от них используются для научных биомедицинских исследований, а также для восстановления и поддержания здоровья отдельных людей и групп населения. Цифровая терапия (Digital Therapeutics, DTx) обеспечивает на основе данных терапевтические вмешательства и уход за пациентами под управлением специальных программных продуктов. Цифровая фармация ассоциируется с цифровыми лекарствами (сенсоры, вносимые в лекарства и попадающие в организм вместе с ними) и системами контроля за их принятием пациентом при помощи приложений или программ. Цифровое оздоровле-

ние (Digital Wellness) опирается на мобильные приложения, программное обеспечение и онлайн-платформы как веб-инструменты управления здоровьем, применяемые здоровыми людьми без использования рецептурных лекарств.

Понятие «цифровое здравоохранение (Digital Health) отражает активно развивающиеся процессы автоматизации и оптимизации оказания медицинской помощи. Под определение цифрового здравоохранения подводят несколько форм медицинской помощи, оказываемой с использованием технологий: телемедицину (синхронная или асинхронная помощь на расстоянии), электронное здравоохранение (поиск и обмен медицинской информацией), мобильное здравоохранение (использование мобильных цифровых устройств по причинам, связанным со здоровьем) и алгоритмическую медицину (использование технологий Big Data и искусственного интеллекта) [Marent, Henwood 2021]. За счет цифрового формата данных, использования технологий блокчейн для распределенного хранения информации, сервисов облачных вычислений, Интернета вещей в инфраструктуре клиник, системы поддержки врачебных решений на основе искусственного интеллекта (ИИ), сервисов дистанционного взаимодействия врача и пациента, устройств мониторинга жизненных показателей, различных приложений и других технологий решаются задачи обеспечения качества, повышения результативности, доступности и разумности (экономичности) медицинской помощи.

Отмечу, что описанное выше содержание понятий «цифровая медицина» и «цифровое здравоохранение», а также их соотношение не являются общепринятыми. В силу новизны представленных этими понятиями феноменов и высокой динамики в сфере технологических решений для нужд медицины описание цифровой медицины и цифрового здравоохранения нуждается в дальнейшей концептуализации. Однако при любой трактовке нельзя не обратить внимания на то, что с появлением цифровой медицины и цифрового здравоохранения, использующих цифровые технологии как инструменты, происходит изменение смыслообразующих процессов и значимых практик в системе здравоохранения. Соответственно, актуализируются и задачи регулирования социальных отношений по поводу цифрового здоровья, конфиденциальности данных, эффективности и безопасности цифровых продуктов, прав пациентов и рисков использования их цифровых аватаров, кибербезопасности в системе здравоохранения в целом.

Расширение ниши цифрового здравоохранения переносит фокус управленческих задач с оптимизации работы отдельных уч-

реждений на формирование эффективных каналов взаимодействия специалистов с пациентами по всему спектру вопросов – от профилактики и просвещения до диагностики и лечения. Развитие цифровой медицины является фактором трансформации роли пациента, поскольку доступ к достоверным и персонализированным данным повышает информированность, дает возможность принимать ответственные решения по вопросам профилактики, участия в исследованиях и лечения, но одновременно повышает ответственность, лишает возможности отказаться от принятия решений в сфере биомедицины, увеличивает риски несанкционированного доступа к чувствительной информации. С учетом расширения сферы применения цифровых решений в медицине меняются подходы к установлению ответственности.

Биоэтика делает акцент на экзистенциальный опыт проживания здоровья и болезни каждым человеческим существом, оказавшимся в силу развития биомедицинских наук и технологий в пограничной ситуации. На это призывал обращать особое внимание основатель и лидер биоэтики в России Борис Григорьевич Юдин [Юдин 2011]. Цифровой поворот биомедицинских исследований и здравоохранения требует формирования и реализации механизма сочетания цифровых технологий клинических исследований и терапевтических вмешательств с личным ценностным восприятием здоровья и болезни, в том числе выраженным в цифровом публичном пространстве. Цифровая экосистема здравоохранения как информационно-технологическая инфраструктура должна учитывать этические аспекты отношений между субъектами, решать вопросы справедливого распределения ресурсов здравоохранения, преодолевать неравный доступ к качественному медицинскому обслуживанию, укреплять доверие к медицинским работникам, учитывать уязвимость человека перед лицом технологий в широком социально-политическом контексте. Общество и человек должны быть защищены от негативных последствий цифровизации медицины и здравоохранения. Риски разработки и использования цифровых решений должны быть минимизированы.

Соответственно развитию цифрового здравоохранения со стороны биоэтики как исследовательской области и социального института должна расширяться поддержка морального выбора человека, оказавшегося вовлеченным в цифровизацию здравоохранения. Пересмотр моделей оказания медицинской помощи в медицинских учреждениях при внедрении цифровых решений, ориентация на контроль над биологическими и социальными де-

терминантами здоровья, повышение гибкости и адаптированности элементов системы здравоохранения требуют уточнения механизмов, сохраняющих ориентацию медицинских практик на этические маяки, такие как уважение автономии субъектов посредством добровольного информированного согласия, принципы конфиденциальности и правдивости. Указанные этические маяки были исследованы методами информационного подхода, что позволило высказать утверждение: «…биоэтика существует в семиотических моделях» [Мелик-Гайказян 2018, 75]. Данное утверждение делает уместным рассмотрение биоэтики в журнале, посвященном визуальной семиотике, поскольку маяки или иные сооружения во всей наглядности представляют обзор трансформаций жизни человека. «Констатируемая сложность современной действительности оборачивается тотальным упрощением: у всех одна роль профана, один язык коммуникаций (основанный на упрощенном двоичном коде «цифровой культуры») и единая мечта о жизни на “башне”, поднимающей нас на недосягаемую высоту научно-технического прогресса, о жизни, в которой средствами Hi-Tech будут решены все проблемы» [Мелик-Гайказян 2016, 96].

Отметим, что параллельно развитию цифрового здравоохранения и расширению биоэтических дискуссий по поводу цифрового настоящего и будущего медицины [Гребенщикова, Тищенко 2020] происходит расширение тем и форматов цифровой репрезентации биоэтических проблем[1].

Функционирование биоэтики в цифровом пространстве, актуальность исследования этических аспектов цифровизации здравоохранения породили феномен «цифровой биоэтики», который стал обсуждаться в профильной литературе [Schneider, Vayena, Blasimme 2021].

Цель данной статьи – описать концепт «цифровая биоэтика», понимаемый как этика цифрового здравоохранения, в отличие от трактовки цифровой биоэтики как использования цифровых методов эмпирических исследований; выделить особенности данной трактовки предмета и методологии; указать перспективы развития цифровой биоэтики.

Первая интерпретация цифровой биоэтики делает акцент на использовании цифровых методов анализа цифровых биоэтических нарративов. Такая трактовка фиксирует существование био-

[1] Эти темы стали объектом специального трансдисциплинарного рассмотрения (выпуск журнала «ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики». 2021. № 3, посвященный этой проблематике).

этики как проблемного поля, обращающегося в эмпирических исследованиях с помощью цифровых методов к задачам описания цифрового биоэтического дискурса. Дискурс в публичном цифровом пространстве, сведенный к двоичному коду, становится для биоэтики материалом для анализа тематических, культурных, географических, социологических аспектов биоэтических нарративов. Цифровая биоэтика включает в пул дискриптивных задач биоэтики выявление актуальных тем биоэтических обсуждений в цифровой среде, формирование динамических моделей коллективных и индивидуальных представлений и взаимодействий акторов биоэтических обсуждений и активностей. Цифровые следы биоэтических дискуссий могут быть использованы для уточнения содержания биоэтических принципов, определения их соответствия актуальным представлениям и действиям различных социальных субъектов. Сопоставление цифровых фактов, свидетельствующих о биоэтическом выборе субъектов, с моральными концепциями [Hedgecoe 2004] позволяет цифровой биоэтике описывать этический ландшафт на различных уровнях – от индивидуального до глобального.

Цифровая биоэтика, ориентированная на использование цифровых методов эмпирических исследований, может как использовать оцифрованные варианты традиционных исследовательских инструментов социально-гуманитарных дисциплин (опросы, интервью, контент-анализ и пр.) [Stützer, Welker, Egger 2018], так и формировать собственные цифровые инструменты (например, анализ значимости тем через статистику хеш-тегов, сетевой анализ политики обмена данными и пр.)[2].

Описанная интерпретация цифровой биоэтики не предполагает изменения трактовки предметного поля в сравнении с «аналоговой» биоэтикой, делает акцент на использование цифровых методов анализа биоэтического дискурса, представленного в онлайн-пространстве. Она позволяет достичь «высокого разрешения» при эмпирической фиксации цифровых активностей в отношении скорее не локальных, а общественно значимых тем.

Развитие цифровой биоэтики, ориентированной на анализ специальными методами цифровых форматов биоэтического дискурса, зависит от решения ряда теоретических, методологических и организационных задач. В первую очередь в концептуальном уточнении нуждаются специфика биоэтического дискурса в цифровом пространстве, соотношение характеристик оффлайн- и

[2] См. подробнее о методах цифровой биоэтики: [Schneider et al. 2021].

онлайн-дискурса по биоэтическим вопросам. В отношении методологии цифровой биоэтики необходимо уточнить стандарты, возможности и пределы цифровой адаптации традиционных эмпирических методов, стандарты специально разработанных цифровых методов, влияние технических решений, лежащих в основе цифровых методов, на результаты анализа цифровых следов. Для развития цифровой биоэтики должны быть подготовлены специалисты, обладающие компетенциями одновременно в технических решениях и содержательных проблемах биоэтики. Специалисты должны быть интегрированы в междисциплинарные команды биоэтических проектов, получить финансирование и публикационную поддержку. Отдельно следует рассмотреть содержательные и организационные аспекты функционирования и трансформации в цифровой среде биоэтических институций (комитетов, комиссий).

Отметим, что описанная выше интерпретация цифровой биоэтики не является единственной. Обратимся далее к другой интерпретации цифровой биоэтики, а именно к цифровой биоэтике как этике цифрового здравоохранения.

Вторая интерпретация цифровой биоэтики актуальна в связи с тем, что цифровизация здравоохранения идет быстрыми темпами и объявляется приоритетом развития национальных систем здравоохранения. Документально подтвержденное отношение общественности и пациентов к использованию цифровых технологий в здравоохранении характеризуется в литературе как в целом положительное, причем значительное влияние на готовность людей активно включить цифровые технологии в собственные действия, связанные со здоровьем, оказала пандемия [Bayram et al. 2020]. Цифровое взаимодействие все большего числа людей с институтами науки и здравоохранения по вопросам охраны здоровья, исследований и медицинской помощи требует рассмотрения возникающих отношений с этической точки зрения. Доминирующим подходом к этическому анализу вопросов развития здравоохранения и медицины является биоэтика. Биоэтический анализ технологий цифрового здравоохранения начал развиваться в последние несколько лет [Brall, Schröder-Bäck, Maeckelberghe 2019; Milosevic 2019; Nebeker, Torous, Bartlett Ellis 2019; Ruotsalainen, Blobel 2020].

В биоэтической литературе, посвященной цифровому здравоохранению, анализ возникающих при цифровизации этических вопросов представлен через призму нескольких подходов. Во-первых, исходя из определенной этической теории анализируются такие вопросы, как конфиденциальность, безопасность, управление

данными, распределение выгод и бремени, возникающих в результате использования технологий цифрового здравоохранения [Brall, Schröder-Bäck, Maeckelberghe 2019; Char, Abràmoff, Feudtner 2020; Winters et al. 2020]. Во-вторых, к цифровому здравоохранению применяется продемонстрировавший свою эвристичность нормативистский подход: анализ ситуации, конфликтов, дилемм, связанных с цифровым здравоохранением, через призму биоэтических принципов [Nebeker, Torous, Bartlett Ellis 2019; Schmietow, Marckmann 2019; Joerin et al. 2020; Mulvenna et al. 2021]. Например, в статье об этике цифрового фенотипирования для целей здравоохранения авторы фиксируют: «Четыре этических столпа медицины – это автономия (право на выбор), благодеяние (делать добро), непричинение вреда (не навреди) и справедливость (равный доступ), и эти столпы нельзя упускать из виду при демократизации цифровых технологий» [Mulvenna et al. 2021]. В-третьих, уточнение связей биоэтических принципов с различными аспектами проектирования и внедрения цифровых технологий здравоохранения [Joerin et al. 2020] включает выявление этически значимого вреда самой технологии или ущерба при ее применении для конфиденциальности или справедливости [Morley et al. 2020; Ruotsalainen, Blobel 2020; Winters et al. 2020].

Цифровизация здравоохранения создает новые форматы получения и использования значимых данных, конструирования датифицированного образа человека. Как результат использования цифровых технологий самоконтроля, получения и обмена медицинской информацией в цифровой форме формируется понятие «цифровое здоровье», являющееся отражением редукционистских построений «квантифицированной идентичности» [Гребенщикова, Тищенко 2020]. Сбор, хранение, распространение и использование цифровых данных для медицинских целей создают этические проблемы в отношении конфиденциальности, правдивости, доверия, справедливости, подотчетности, которые могут быть рассмотрены в широком социальном, экономическом, политическом контексте. Непосредственное предоставление медицинской помощи посредством цифровых технологий может быть представлено как проявление тотальной цифровизации социальных взаимодействий, нуждающееся в этическом обосновании.

Такая трактовка цифровой биоэтики существенно расширяет предметную область «аналоговой» биоэтики и приближает ее к биополитике, не предлагая, по крайней мере на данном этапе, специфических методов. Эта позиция представлена, например,

в публикации исследователей из Университета Торонто (Канада) Джеймса Шоу и Джозефа Дони [Shaw, Donia 2021]. Они отмечают, что понимание этических проблем, вызванных широким внедрением цифровых технологий, требует точки зрения, «которая привлекает внимание к гораздо более широкому кругу вопросов, представленных социотехнической системой, связанной с данной технологией цифрового здравоохранения, и благополучием многих сообществ, связанных с ней» [Shaw, Donia 2021, 7]. С цифровизацией здравоохранения в биоэтике, таким образом, формируется принципиально новый вектор анализа, расширяющий предметное поле биоэтики как исследовательской области. Речь идет о попытках связать этически обоснованные утверждения или принципы с реальной практикой разработки или внедрения технологий цифрового здравоохранения в широком контексте, выходящем за границы полного цикла технологии. Исследователь, изучавший работы специалистов по биоэтике в области фармакогенетики, обратил на это внимание: «Непонятно также, почему специалисты по биоэтике довольствуются тем, что их дискурс остается в рамках его нынешних параметров, и не желают по-новому думать об этических проблемах, поднятых фармакогенетикой» [Hedgecoe 2010].

Цифровая биоэтика как этика цифрового здравоохранения раздвигает границы этического дискурса по поводу определенной медицинской технологии, вовлекая в биоэтический анализ всю общественную систему. «Солидарность и справедливость являются свойствами социальных и правовых систем, таких как занятость и уголовное правосудие, а не свойствами технических инструментов внутри» [Selbst et al. 2019]. Эффективность, удобство использования, инклюзивность, прозрачность и справедливость не распространяются лишь на свойства самих технических систем, их этическая значимость рассматривается в более широких системах, в которых технические решения составляют лишь один из элементов [Selbst et al. 2019; Char, Abràmoff, Feudtner 2020].

Выделим в качестве одной из причин появления такой расширенной трактовки сложность и специфику цифровых технологий. Разработка цифровых продуктов для здравоохранения сопряжена с техническими решениями, напрямую не прозрачными ни для кого из традиционных субъектов биоэтики – врачей, исследователей, пациентов, участников экспериментов. Представления и модели разработчиков цифровых продуктов, не вовлеченных непосредственно в процесс оказания медицинской помощи, присутствуют опосредованно в самих технологических решениях. Циф-

ровую медицинскую информацию как потенциальный источник прибыли, злоупотреблений и дискриминации следует рассматривать как фактор установления властных отношений. Это означает, что биоэтика должна принимать во внимание значимость внемедицинского дискурса, зависимость позиций разработчиков, лиц, принимающих решения о применении цифровых технологий, от экономических и политических факторов.

Биоэтические проблемы цифровая биоэтика призывает трактовать как нерешаемые сугубо внутри ситуаций разработки и применения технологий. Конечно, такие проблемы, как конфиденциальность и безопасность, могут рассматриваться как технические. Например, З. Милошевич дает подробный обзор деонтологической этической теории и обрисовывает, как конкретные концепции могут быть напрямую связаны с процессом разработки программного обеспечения [Milosevic 2019]. Ниалл Винтерс и соавторы указывают, что ориентация на подотчетность, конфиденциальность и безопасность при разработке технологий способствует более глубокому осмыслению и решению вопросов доверия [Winters et al. 2020]. Очевидно, что ряд акторов цифрового здравоохранения заинтересованы в том, чтобы сосредоточить внимание на проблемах, которые можно локализовать и решить с помощью технических подходов. Однако сведение этических вопросов к техническим решениям внутри самих технологий игнорирует значимость действия власти и культуры в формировании моральных убеждений и способы, которыми биоэтика связана с существующими системами власти [Mithani, Cooper, Boyd 2021]. Именно на это пытается обратить свое внимание цифровая биоэтика.

Подход к цифровой биоэтике как этике цифрового здравоохранения связывает ее развитие с STS – междисциплинарной областью исследований, сосредоточенной на взаимосвязях науки, технологий и общества. Соответственно, этические вопросы относятся не к самим технологиям, а к взаимозависимости технологий цифрового здравоохранения и социальных механизмов, в которых они создаются и используются [Selbst et al. 2019]. Так, например, экономические аспекты использования данных позволяют обратить внимание на институты управления данными и заинтересованность определенных субъектов в извлечении прибыли из сбора и использования данных для технологий цифрового здравоохранения [Prainsack 2020].

Цифровая биоэтика формирует запрос на этический анализ более высокого порядка и одновременно отвечает на этот запрос: каковы этические основания той социальной системы, которая

формируется посредством развертывания технологий цифрового здравоохранения? Так, например, оттолкнувшись от конкретных технологий цифрового здравоохранения, цифровая биоэтика предлагает перейти к анализу политики коммерческих технологических корпораций, влияющих на управленческие решения в области здравоохранения как общественного блага [Shaw et al. 2019]. Примером реализации такого подхода к пониманию цифровой биоэтики является анализ технологий искусственного интеллекта, связанных со здоровьем, или алгоритмов, определяющих функционирование конкретной технологии цифрового здравоохранения [Char, Abràmoff, Feudtner 2020; Morley et al. 2020].

При таком подходе в сферу цифровой биоэтики попадает весь цикл цифровой трансформации здравоохранения: от вопросов справедливости при добыче полезных ископаемых, использующихся при производстве смартфонов, проблем эксплуатации рабочей силы в странах с низким уровнем доходов при изготовлении медицинских устройств до этических последствий цифрового потребления (неравенство геополитических отношений, структурный расизм и климатический кризис) [Hockenberry 2021]. Этический анализ, начинающийся как биоэтический, становится частью биополитики, что отчетливо прослеживается при анализе зависимости цифрового здравоохранения от инфраструктуры, обеспечивающей доступность цифровой связи, когда отсутствие доступа к высокоскоростному Интернету не позволяет определенным группам получить доступ к цифровому здравоохранению [Gray, Gerlitz, Bounegru 2018]. Этический анализ практик селф-трекинга[3] выявляет связь использования систем самоконтроля здоровья с принуждающим действием социальных норм, когда формирование поведения человека в области сохранения или улучшения здоровья с использованием цифровых технологий зависит не от автономных решений субъекта, а от канализирующего влияния социальных и экономических механизмов [Yeung 2016].

Цифровая биоэтика призвана проанализировать новые объекты (например, «цифровое здоровье», «цифровой пациент») и ценностные конфликты, порожденные процессами цифровизации. Обратим внимание, что цифровая биоэтика в сравнении с аналоговой биоэтикой не имеет жесткой привязки к поведению отдельных субъектов, поскольку взаимодействие по медицинским

[3] В уже упомянутом номере журнала «ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики». 2021. № 3 опубликована статья: *Брызгалина Е. В.* Селф-трекинг как скетч цифровой медицины и объект эпистемического анализа.

вопросам становится в условиях складывания цифрового здравоохранения все более деперсонифицированным, анонимизированным и опосредованным. «Дистанционное лечение при всей его оперативности и индивидуальности рискует абстрагироваться от реальных страданий пациента, превратиться в лечение абстракции, а не человека. Цифровая телемедицина отодвигает пациента от врача, что на практике вполне может приводить к невозможности "достучаться" до системы здравоохранения, в которой нет людей, в которой на любой вопрос пациенту отвечает компьютер» [Беляева 2018, 74]. Даже распространенность в социальных сетях определенных эпистемологических точек зрения на вопросы, связанные со здоровьем и цифровыми медицинскими технологиями, рассматривается как фактор, влияющий на межличностные отношения между врачом и пациентом [Allington et al. 2021; Schillinger, Chittamuru, Ramírez 2020]. Цифровая биоэтика, таким образом, переносит акценты от анализа этической размерности поведения отдельных субъектов к этическим параметрам и регулятивам всей системы здравоохранения, рассматривая его как один из элементов общественной системы. Так, возрастающая включенность коммерческих технологических корпораций в цифровое здравоохранение актуализирует необходимость этического внимания к противоречиям в мотивах технологических компаний и целях развития национальных систем здравоохранения. Переход от аналоговой к цифровой среде в здравоохранении подлежит биоэтической оценке с точки зрения влияния на общественное и личное здоровье, а также на представления общества об их соотношении как благ в настоящем и будущем.

Отметим, что данная трактовка цифровой биоэтики, так же как и другая трактовка (цифровая биоэтика как область применения цифровых методов), ориентируется на развитие эмпирических описаний этического ландшафта цифровых практик здравоохранения и политики в области общественного здравоохранения.

Трактовка цифровой биоэтики как этики цифрового здравоохранения представляется менее оформленной с методологической точки зрения. Она в меньшей степени озабочена разработкой собственных методов. Например, предлагается использовать методы, связанные с так называемым «упреждающим управлением», которое представляет собой «распространенную на общество способность на широкой основе воздействовать на различные входные данные для управления появляющимися технологиями, основанными на знаниях, пока такое управление еще возможно» [Guston

2014, 219], что требует высокой вовлеченности различных слоев населения в определение значения и желательности технологии.

Цифровая биоэтика работает на эмпирическом уровне для понимания моральных установок, которых придерживается общественность по отношению к конкретной технологии, а затем участвует в моделировании вероятности и этической значимости возможных вариантов будущего [Lucivero 2016; Floridi, Strait 2020]. Признанные этически приемлемыми варианты будущего становятся основаниями для текущих решений в области управления здравоохранением. Тем самым достигается соединение процесса принятия решений в области общественного здравоохранения с пониманием того, каковы этические последствия цифровых решений в здравоохранении для социальных групп и сообществ, затронутых их разработкой и распространением, какой образ мира поддерживается цифровыми технологиями здравоохранения.

Такая постановка вопросов вписывает цифровую биоэтику в более широкий пласт задач исследования этических оснований построения цифрового общества и выработки механизмов этического регулирования цифрового мира. Развивающиеся в настоящее время концепции прикладной этики и этического регулирования отдельных аспектов жизни общества и видов деятельности (биоэтика, алгорэтика, этика искусственного интеллекта, этика инженерной деятельности, этика бизнеса, политическая этика и т. д.) в перспективе могут быть связаны в единый исследовательский комплекс и стать основанием для единой регуляторики этических проблем цифровизации всех сфер жизни. Указанная перспектива исследовательской интеграции требует отдельного обсуждения, как и перспективы появления социальных механизмов и институтов, обеспечивающих обязательность социально-гуманитарной экспертизы инноваций и следования ее рекомендациям.

Трактовка цифровой биоэтики как этики цифрового здравоохранения представляет собой расширительный подход к пониманию проблемного поля биоэтики, когда вклад цифровых систем здравоохранения в развитие социальных практик и институтов рассматривается как этически значимый способ повлиять на ценностные основы будущего мира [Costanza-Chock 2020]. Цифровая биоэтика задается вопросом о том, как создание и распространение цифровых технологий в здравоохранении способствует распространению таких ценностей, как социальная справедливость и солидарность. Она привлекает внимание к балансу выгод и обре-

менений субъектов и институций на локальном, национальном и глобальном уровнях.

Подводя итог, укажем, что развитие биоэтики как исследовательской области и социальной практики в условиях цифровизации позволяет говорить о начале складывания «цифровой биоэтики». Можно констатировать формирование по крайней мере двух ее трактовок. Выделение цифровой биоэтики можно связать с ориентацией на применение цифровых методов эмпирических исследований. Кроме того, выделение цифровой биоэтики, понятой как этика цифрового здравоохранения, можно связать с расширением трактовки предметного поля биоэтики в сравнении с «аналоговой биоэтикой» и включением в него рассмотрения взаимозависимости цифровых технологий здравоохранения и этической наполненности социальных практик настоящего и будущего. В такой трактовке цифровая биоэтика способна привлечь внимание к широкому кругу вопросов, касающихся справедливости, солидарности, благополучия. Цифровая биоэтика требует не только этической оценки собственно цифровых решений в здравоохранении, но и определения этической размерности настоящего и будущего того социума, в который они внедряются.

Перспективы развития цифровой биоэтики должны быть осмыслены с позиции взаимодействия эмпирической и нормативистской традиций развития биоэтики, с точки зрения соотношения аналогового и цифрового дискурсов биоэтики, с учетом особенностей функционирования биоэтических институций в цифровом пространстве. Кроме того, отдельной задачей является комплексное междисциплинарное обсуждение этических проблем становления цифрового мира, в котором биоэтика, цифровая этика, этика искусственного интеллекта и политическая этика могут быть переосмыслены в единстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

Беляева 2018 – *Беляева Е. В.* Цифровое общество и возможности его этического регулирования // Ведомости прикладной этики. 2018. № 52. С. 74–82.

Гребенщикова, Тищенко 2020 – *Гребенщикова Е. Г., Тищенко П. Д.* Оцифрованное будущее медицины: вызовы для биоэтики // Философские науки. 2020. № 63 (2). С. 83–103.

Мелик-Гайказян 2016 – *Мелик-Гайказян И. В.* Вавилонская башня – метафора о «семиотическом аттракторе» динамики Hi-Tech // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 1. С. 92–103.

Мелик-Гайказян 2018 – *Мелик-Гайказян И. В.* Диагностика моделей биоэтики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 75–82.

Юдин 2011 – *Юдин Б. Г.* Человек как объект технологических воздействий // Человек. 2011. № 3. С. 5–20.

Allington et al. 2021 – *Allington D., Duffy B., Wessely S., Dhavan N., Rubin J.* Health-protective behaviour, social media usage and conspiracy belief during the COVID-19 public health emergency // Psychological medicine. 2021. Vol. 51 (10). P. 1763–1769.

Bayram et al. 2020 – *Bayram M., Springer S., Garvey C. K., Özdemir V.* COVID-19 Digital Health Innovation Policy: A Portal to Alternative Futures in the Making // OMICS: A Journal of Integrative Biology. 2020. Vol. 24 (8). P. 460–469.

Brall, Schröder-Bäck, Maeckelberghe 2019 – *Brall C., Schröder-Bäck P., Maeckelberghe E.* Ethical aspects of digital health from a justice point of view // European Journal of Public Health. 2019. Vol. 29, Suppl. 3. P. 18–22.

Char, Abràmoff, Feudtner 2020 – *Char D. S., Abràmoff M. D., Feudtner C.* Identifying ethical considerations for machine learning healthcare applications // The American Journal of Bioethics. 2020. Vol. 20, № 11. P. 7–17.

Costanza-Chock 2020 – *Costanza-Chock S.* Design Justice: Community-Led Practices to Build the Worlds We Need (Information Policy). Boston: The MIT Press, 2020.

Floridi, Strait 2020 – *Floridi L., Strait A.* Ethical Foresight Analysis: What it is and Why it is needed? // Minds and Machines. 2020. Vol. 30. P. 77–97.

Global Strategy on Digital Health 2020–2025 2019 – Global Strategy on Digital Health 2020–2025 // World Health Organization. 2019. URL: https://www.who.int/docs/default-source/documents (accessed: 04.04.2022).

Gray, Gerlitz, Bounegru 2018 – *Gray J., Gerlitz C., Bounegru L.* Data infrastructure literacy // Big Data & Society. 2018. Vol. 5 (2). Art. 2053951718786316.

Guston 2014 – *Guston D. H.* Understanding «anticipatory governance» // Social Studies of Science. 2014. Vol. 44 (2). P. 218–242.

Hedgecoe 2004 – *Hedgecoe A. M.* Critical bioethics: beyond the social science critique of applied ethics // Bioethics. 2004. Vol. 18 (2). P. 120–143.

Hedgecoe 2010 – *Hedgecoe A. M.* Bioethics and the reinforcement of socio-technical expectations // Social Studies of Science. 2010. Vol. 40 (2). P. 163–186.

Hockenberry 2021 – *Hockenberry M.* Redirected entanglements in the digital supply chain // Cultural Studies. 2021. Vol. 35 (4-5). P. 641–462.

Joerin et al. 2020 — *Joerin A., Rauws M., Fulmer R., Black V.* Ethical Artificial Intelligence for Digital Health Organizations // Cureus. 2020. Vol. 12 (3). e7202.

Lucivero 2016 — *Lucivero F.* Ethical Assessments of Emerging Technologies. Cham: Springer, 2016.

Marent, Henwood 2021 – *Marent B., Henwood F.* Digital health. New York: Routledge, 2021.

Milosevic 2019 – *Milosevic Z.* Ethics in Digital Health: a deontic accountability framework // 2019 IEEE 23rd International Enterprise Distributed Object Computing Conference (EDOC). IEEE, 2019. P. 105–111.

Mithani, Cooper, Boyd 2021 – *Mithani Z., Cooper J., Boyd J. W.* Race, Power, and COVID-19: A call for Advocacy within Bioethics // The American Journal of Bioethics. 2021. Vol. 21 (2). P. 11–18.

Morley et al. 2020 – *Morley J., Machado C. C., Burr C., Cowls J., Joshi I., Taddeo M., Floridi L.* The ethics of AI in health care: A mapping review // Social Science & Medicine. 2020. Vol. 260. Art. 113172.

Mulvenna et al. 2021 – *Mulvenna M. D., Bond R., Delaney J., Dawoodbhoy F. M., Boger J., Potts C., Turkington R.* Ethical Issues in Democratizing Digital Phenotypes and Machine Learning in the Next Generation of Digital Health Technologies // Philosophy & Technology. 2021. Vol. 34 (4). P. 1945–1960.

Nebeker, Torous, Bartlett Ellis 2019 – *Nebeker C., Torous J., Bartlett Ellis R. J.* Building the case for actionable ethics in digital health research supported by artificial intelligence // BMC Medicine. 2019. Vol. 17 (137). P. 1–7.

Prainsack 2020 – *Prainsack B.* The political economy of digital data: introduction to the special issue // Policy Studies. 2020. Vol. 41 (5). P. 439–446.

Ruotsalainen, Blobel 2020 – *Ruotsalainen P., Blobel B.* Health Information Systems in the Digital Health Ecosystem – Problems and Solutions for Ethics, Trust and Privacy // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17 (9). Art. 3006.

Schneider, Vayena, Blasimme 2021 – *Schneider M., Vayena E., Blasimme A.* Digital bioethics: introducing new methods for the study of bioethical issues // Journal of Medical Ethics. 2021. Art. 107387.

Schillinger, Chittamuru, Ramírez 2020 – *Schillinger D., Chittamuru D., Ramírez A. S.* From "infodemics" to health promotion: A novel framework for the role of social media in public health // American Journal of Public Health. 2020. Vol. 110 (9). P. 1393–1396.

Schmietow, Marckmann 2019 – *Schmietow B., Marckmann G.* Mobile health ethics and the expanding role of autonomy // Medicine, Health Care and Philosophy. 2019. Vol. 22 (4). P. 623–630.

Selbst et al. 2019 – *Selbst A. D., Boyd D., Friedler S. A., Venkatasubramanian S., Vertesi J.* Fairness and abstraction in Sociotechnical Systems // Proceedings of the Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. 2019. P. 59–68.

Shaw, Donia 2021 – *Shaw J., Donia J.* The Sociotechnical Ethics of Digital Health: A Critique and Extension of Approaches from Bioethics // Front Digit Health. 2021. Art. 725088.

Shaw et al. 2019 – *Shaw J., Rudzicz F., Jamieson T., Goldfarb A.* Artificial intelligence and the implementation challenge // The Journal of Medical Internet Research. 2019. Vol. 21 (7). e13659.

Stützer, Welker, Egger 2018 – *Stützer C. M., Welker M., Egger M.* (eds.). Computational social science in the age of big data: concepts, methodologies, tools, and applications. Herbert von Halem Verlag, 2018.

Winters et al. 2020 – *Winters N., Venkatapuram S., Geniets A., Wynne-Bannister E.* Prioritarian principles for digital health in low resource settings // Journal of Medical Ethics. 2020. V. 46 (4). P. 259–264.

Yeung 2016 – *Yeung K.* 'Hypernudge': big Data as a mode of regulation by design // Information, Communication & Society. 2016. Vol. 20 (1). P. 1–19.

REFERENCES

Allington, D., Duffy, B., Wessely, S., Dhavan, N., & Rubin, J. (2021). Health-protective behaviour, social media usage and conspiracy belief during the COVID-19 public health emergency. *Psychological medicine*, *51*(10), 1763–1769.

Bayram, M., Springer, S., Garvey, C. K., & Özdemir, V. (2020). COVID-19 Digital Health Innovation Policy: A Portal to Alternative Futures in the Making. *OMICS: A Journal of Integrative Biology*, *24*(8), 460–469.

Belyaeva, E. V. (2018). Tsifrovoe obshchestvo i vozmozhnosti ego etich-eskogo regulirovaniya [Digital society and the possibilities of its ethical regulation]. *Vedomosti prikladnoy etiki – Statements of the Applied Ethics*, 52, 74–82.

Brall, C., Schröder-Bäck, P., & Maeckelberghe, E. (2019). Ethical aspects of digital health from a justice point of view. *European Journal of Public Health*, 29, Supplement 3, 18–22.

Char, D. S., Abràmoff, M. D., & Feudtner, C. (2020). Identifying ethical considerations for machine learning healthcare applications. *The American Journal of Bioethics*, *20*(11), 7–17.

Costanza-Chock, S. (2020). *Design Justice: Community-Led Practices to Build the Worlds We Need (Information Policy).* The MIT Press.

Floridi, L., & Strait, A. (2020). Ethical Foresight Analysis: What it is and Why it is needed? *Minds and Machines*, 30, 77–97.

Gray, J., Gerlitz, C., & Bounegru, L. (2018). Data infrastructure literacy. *Big Data & Society*, *5*(2), 2053951718786316.

Grebenshchikova, E. G., & Tishchenko, P. D. (2020). Digitized future of medicine: Challenges for bioethics. *Filosofskie nauki – Russian journal of philosophical sciences*, *63*(2), 83–103. (In Russian). https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-2-83-103

Guston, D. H. (2014). Understanding "anticipatory governance". *Social Studies of Science*, *44*(2), 218–242.

Hedgecoe, A. M. (2010). Bioethics and the reinforcement of socio-technical expectations. *Social Studies of Science*, *40*(2), 163–186.

Hedgecoe, A. M. (2004). Critical bioethics: beyond the social science critique of applied ethics. *Bioethics*, *18*(2), 120–143.

Hockenberry, M. (2021). Redirected entanglements in the digital supply chain. *Cultural Studies*, *35*(4-5), 641–662.

Joerin, A., Rauws, M., Fulmer, R., & Black, V. (2020). Ethical Artificial Intelligence for Digital Health Organizations. *Cureus*, *12*(3), e7202.

Lucivero, F. (2016). *Ethical Assessments of Emerging Technologies*. Springer.

Marent, B., & Henwood, F. (2021). *Digital health*. Routledge.

Melik-Gaykazyan, I. V. (2016). Tower of babel as the metaphor of hi-tech dynamics "semiotic attractor". *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*, *21*(1), 92–103. (In Russian).

Melik-Gaykazyan, I. V. (2018). Diagnosis of bioethics models. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 45, 75–82. (In Russian). https://doi.org/10.17223/1998863X/45/8

Milosevic, Z. (2019). Ethics in Digital Health: a deontic accountability framework. *In 2019 IEEE 23rd International Enterprise Distributed Object Computing Conference (EDOC)* (pp. 105–111). IEEE.

Mithani, Z., Cooper, J., & Boyd, J. W. (2021). Race, Power, and COVID-19: A call for Advocacy within Bioethics. *The American Journal of Bioethics*, *21*(2), 11–18.

Morley, J. et al. (2020). The ethics of AI in health care: A mapping review. *Social Science & Medicine*, 260, 113172.

Mulvenna, M. D. et al. (2021). Ethical Issues in Democratizing Digital Phenotypes and Machine Learning in the Next Generation of Digital Health Technologies. *Philosophy & Technology*, *34*(4), 1945–1960.

Nebeker, C., Torous, J., Bartlett Ellis, R. J. (2019). Building the case for actionable ethics in digital health research supported by artificial intelligence. *BMC Medicine*, *17*(137), 1–7.

Prainsack, B. (2020). The political economy of digital data: introduction to the special issue. *Policy Studies*, *41*(5), 439–446.

Ruotsalainen, P., & Blobel, B. (2020). Health Information Systems in the Digital Health Ecosystem–Problems and Solutions for Ethics, Trust and Privacy. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, *17*(9), 3006.

Schillinger, D., Chittamuru, D., & Ramírez, A. S. (2021). From "infodemics" to health promotion: A novel framework for the role of social media in public health. *American journal of public health*, *110*(9), 1393–1396.

Schmietow, B., & Marckmann, G. (2019). Mobile health ethics and the expanding role of autonomy. *Medicine, Health Care and Philosophy*, *22*(4), 623–630.

Schneider, M., Vayena, E., & Blasimme, A. (2021). Digital bioethics: introducing new methods for the study of bioethical issues. *Journal of medical ethics*, medethics-2021-107387. Advance online publication. https://doi.org/10.1136/medethics-2021-107387

Selbst, A. D., Boyd, D., Friedler S. A., Venkatasubramanian, S., & Vertesi, J. (2019). Fairness and abstraction in Sociotechnical Systems. *In Proceedings of the conference on fairness, accountability, and transparency* (pp. 59–68). Atlanta, GA, USA. Association for Computing Machinery.

Shaw, J., & Donia, J. (2021). The Sociotechnical Ethics of Digital Health: A Critique and Extension of Approaches from Bioethics. *Front Digit Health*, 3, 725088.

Shaw, J., Rudzicz, F., Jamieson, T., & Goldfarb, A. (2019). Artificial intelligence and the implementation challenge. *The Journal of Medical Internet Research*, *21*(7), e13659.

Stützer, C. M., Welker, M., & Egger, M. (Eds.). (2018). *Computational social science in the age of big data: concepts, methodologies, tools, and applications*. Herbert von Halem Verlag.

WHO. (2019). *Global Strategy on Digital Health 2020–2025*. World Health Organization. Available at: https://www. who.int/docs/ default-source/documents

Winters, N., Venkatapuram, S., Geniets, A., & Wynne-Bannister, E. (2020). Prioritarian principles for digital health in low resource settings. *Journal of Medical Ethics*, *46*(4), 259–264.

Yeung, K. (2016). 'Hypernudge': Big Data as a mode of regulation by design. *Information, Communication & Society*, *20*(1), 1–19.

Yudin, B. G. (2011). Chelovek kak ob"ekt tekhnologicheskikh vozdeystviy [Man as an object of technological influences]. *Chelovek*, 3, 5–20.

Материал поступил в редакцию 06.03.2022
Материал поступил в редакцию после рецензирования 01.11.2022

КУЛЬТУРА КАК ТЕКСТ И ПРОЕКТ В ПОСТСОВЕТСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА)

Г. Г. Гиздатов
Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
gizdat@mail.ru

О. Д. Буренина-Петрова
Цюрихский университет, Швейцария
olga.burenina@access.uzh.ch

Б. А. Сопиева
Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
bayan.sopieva@mail.ru

Представлен анализ семиотических аспектов значимых текстов и визуальных образцов в дискурсивной арт-практике постсоветского Казахстана. Литературоцентричность как универсальное свойство всей постсоветской визуальной культуры раскрывается на не изученном ранее материале, имеющем интермедиальную и интертекстуальную специфику. Анализ арт-дискурса осуществляется как на тематическом, так и на риторическом уровне с использованием верифицируемых для данных уровней научных методов (контент-анализ, метод критического дискурс-анализа, метод деконструкции). В результате арт-объекты постсоветского Казахстана с включенными в них текстами или их заменяющие проанализированы в локальном историко-политическом контексте. Выявлены три проекта: евразийский, пантюркский и либеральный, которые в качестве заданных интертекстов определили социальные и культурные границы и оценки казахстанских художников. Проекты имели свои исторические основы, они по-прежнему определяют реальную политику, а сами арт-идеи, возникшие в рамках этих проектов, находят медиальное отражение. В работе впервые в научной литературе доказывается, что медиальные эксперименты в практике казахстанского актуального искусства (тексты и перфомансы Сергея Маслова, Зияхана Шайгельдинова (Шай-Зии), Ербола Мельдибекова) задокументировали процесс происходящего, отразили травматичность самой реальности. Они в первый и единственный раз в общественном пространстве страны средствами арт-практики критиковали квазиреальный мир казахстанского общественного и культурного пространства. В самом казахстанском актуальном искусстве всегда было много текста и подтекста, который нередко непосредственно включался в арт-объекты и / или же их создавал. В статье прослеживается, что это были такие текстовые образчики, которые рождали свой смысл вместе с визуальной идеей в заданной точке времени, что можно назвать созда-

нием дискурса. В работе также выявлено, что представители актуального казахстанского искусства использовали эстетику абсурда как механизм преобразования постсоветской обыденности в иную и новую реальность аналогично тому, как это происходило в литературе абсурда XX столетия. При этом визуальные образчики в казахстанской практике конца XX и начала XXI века стали реальными культурными агрегаторами, они заменили письменный текст и повлияли на его функционирование в культуре при переходе от слова к взгляду. В работе выявлено практически не изученное до сих пор использование эстетики телевизионной интермедиальности в казахстанском contemporary art. Арт-проекты и манифесты казахстанских художников 90-х годов XX века и 2000-х годов представлены как уникальные общественно-политические дискурсивные тексты, спрогнозировавшие конкретные социально-политические реалии постсоветской страны.

Ключевые слова: арт-проект, дискурсивная практика, литературоцентричность, интермедиальный, интертекстуальный, культурный текст, перфоманс, постсоветский, эстетика абсурда

CULTURE AS A TEXT AND A PROJECT IN THE POST-SOVIET DISCOURSE (BY THE EXAMPLE OF KAZAKHSTAN)

Gazinur G. Gizdatov
Kazakh Ablai Khan University of International Relations
and World Languages, Almaty, Kazakhstan
gizdat@mail.ru

Olga D. Burenina-Petrova
University of Zurich, Zurich, Switzerland
olga.burenina@access.uzh.ch

Bayan A. Sopieva
Kazakh Ablai Khan University of International Relations
and World Languages, Almaty, Kazakhstan
bayan.sopieva@mail.ru

The article presents an analysis of the semiotic aspects of significant texts and visual samples in the discursive art practice of post-Soviet Kazakhstan from the 1990s to nowadays. Literary centricity as a universal property of the entire post-Soviet visual culture is revealed on the previously unstudied material, which has intermedial and intertextual specifics. Art discourse is analyzed on the thematic and rhetorical levels, using verifiable scientific methods for these levels (content analysis, critical discourse analysis, the deconstruction method). As a result, the art objects of post-Soviet Kazakhstan, with the texts

included in them, are analyzed in the article in the local historical and political context. Three projects were identified: Eurasian, Pan-Turkic, and liberal. As given intertexts, they determined the social and cultural boundaries and assessments of Kazakhstani artists. The projects, as written and proved in the article, had their historical foundations and still determine the real policy. The art ideas which appeared within the framework of these projects find a modern medial reflection. The work, for the first time in the scientific literature, proves that medial experiments in the practice of Kazakhstani contemporary art (texts and performances by Sergei Maslov, Ziyakhan Shaigeldinov (Shai-Ziya), Yerbol Meldibekov, Elena and Viktor Vorobyov, as well as modern actionists) documented the process of what is happening, reflected the traumatic nature of reality itself. For the first and only time in the public space of the country, as the article shows, by means of art practice, these experiments have criticized the quasi-real world of Kazakhstan's social and cultural space. In the Kazakh contemporary art itself, there have always been a lot of texts and subtexts, which are often directly included in art objects or have created them. The article traces that these were such text samples that generated their own meaning along with a visual idea at a given point in time, which can be called the creation of discourse. The work also reveals that representatives of contemporary Kazakh art used the aesthetics of the absurd as a mechanism for transforming post-Soviet everyday life into a different and new reality, similar to how it happened in absurdist fiction of the twentieth century. At the same time, visual samples in Kazakhstani practice of the late 20th and early 21st centuries became real cultural aggregators, they replaced the written text and influenced its functioning in culture. The article reveals the still practically unexplored usage of the aesthetics of television intermediality in Kazakhstani contemporary art. Art projects and manifestos of Kazakh artists of the 1990s and the 2000s are presented as unique socio-political discursive texts that predicted the specific socio-political realities of the post-Soviet country.

Keywords: art project, discursive practice, literary centricity, intermedial, intertextual, cultural text, performance, post-Soviet, aesthetics of absurd

DOI 10.23951/2312-7899-2023-1-30-47

Образчики актуального искусства и сосуществующие и / или вплетенные в них тексты являются репрезентативными для понимания культуры позднесоветского времени и постсоветского пространства. В особенности для того, что называется в исследованиях по культурной памяти «идеологической сферой». М. Дэвид-Фокс по отношению к своему материалу исследования выделил в качестве объекта научной рефлексии символический, лингвистический и дискурсивный аспекты советской идеологии [Дэвид-Фокс 2020, 167]. Данным подходом и этими же аспектами научной рефлексии

определен наш анализ проявления идеологии на уровне репрезентаций в арт-практике Казахстана. В современном казахстанском социокультурном пространстве идеология, начиная с 90-х годов прошлого века до нашего времени, стала дискурсом в ряде образцов contemporary art. Вслед за Рут Водак полагаем, что в этом случае анализ возможен в виде как анализа «на входе», сконцентрированного на тематическом аспекте медиальных образчиков, так и «анализа в глубину», направленного на тщательный и детальный анализ их риторичности [Водак 2018, 112]. Именно такой подход позволяет увидеть модели ситуаций, которые стоят за медиальным дискурсом и шире – культурным пространством: «При операции деконструкции вскрываются культурные клише, культурные штампы, культурные конструкции, стоящие за привычным набором понятий» [Марков 2018, 47].

В свою очередь, предварительно отметим: в казахстанском официальном дискурсе, в том числе в его казахскоязычном и русскоязычном проявлениях, наиболее очевидны культурные коды, сохранившиеся от советского прошлого. Этот локальный историко-политический контекст определяет тенденции и образчики официального, в определенной мере художественного и целиком массового дискурса – от сохранившихся советских штампов до форм создания национальной идентичности. В нашем случае все это не только было в совсем недавнем прошлом, но и есть в реальном настоящем времени. Сложившийся симбиоз постсоветской и постколониальной идентичностей – это то, что отличает общественный дискурс постсоветского Казахстана. Застывший общественный дискурс обусловливает неизменное в своем визуальном проявлении пространство, в том числе эстетические, а также этические и языковые стереотипы дискурса страны.

Для дальнейшего осмысления темы необходимо обозначить, что в социокультурном пространстве страны вычленяемы три проекта: евразийский, пантюркский и либеральный. Эти проекты имеют свои исторические основы, определяют одновременно реальную политику и арт-идеи и, соответственно, находят свое медиальное отражение. Вкратце обозначим суть каждого из них. Все они возникали и продолжают существовать в виде не только документов, но и иных текстов, дискурсов, визуальных образцов. Евразийский проект полностью состоялся в официальном русскоязычном дискурсе, но не нашел вне политического дискурса власти внятного отражения. Пантюркский политико-идеологический проект близок, а иногда и равен национал-патриотическому, популярен в собственно

казахском дискурсе, особенно в современной арт-практике. Либеральный проект фрагментарно присутствует в околополитическом дискурсе экспертов, больше отмечен в новых медиа- и арт-дискурсе. Все три проекта – это постоянные рамки, за пределы которых медийные носители этих дискурсов предпочитают не выходить. По сути, сейчас, после и вместо этих сумбурно осмысленных политических проектов, мы наблюдаем в казахстанской социальной сфере неловкий возврат к соцреализму, даже с повторением его базовой задачи – производства действительности через переработку реальности в идеологически значимый продукт, в нашем случае – государственный информационный заказ. События января 2022 года в стране в их медиальном и визуальном освещении стали только дополнительным подтверждением состоявшейся установки: «Соцреализм не есть нарратив; он есть дискурс, производящий – при посредстве нарратива – реальность» [Добренко 2008, 86].

Заметим, что в значительной мере визуальные и текстовые практики, выработанные в рамках этих проектов, помогают не только понять прошедшее, но и предвосхитить будущее: «Ментальные, материальные и медиальные образы выполняют важную функцию, когда сообщество хочет выработать некое представление о самом себе. Конечно, в этом участвуют не только визуальные образы, но и нарративы, места, мемориалы и ритуальные практики [Ассман 2014, 28]. Но и официальная пропаганда, и протест против нее тоже осуществляются через текст и квазитекст (государственные и политические документы и заявления), однако только образчики актуального искусства сумели визуальные объекты превратить в дискурсивные высказывания. Заметим, что именно они смогли попутно утилизировать советский канон. На смену доступному многим в советские годы литературному тексту пришли визуальный текст и визуальные образы, которые универсальны и не зависят от конкретного языка.

Все обозначенное подтверждается также экспериментальным языковым материалом. В массовом сознании, как свидетельствуют психолингвистические исследования [Gizdatov, Sopieva 2018, 33–35], уже давно зафиксирован разворот к ценностям советского прошлого. Сама социальная природа казахстанского общества оказалась предрасположенной к такому повороту: социально-политическая архаика не могла не отразиться в языке и медиальном пространстве. Для казахстанского и / или казахского официального и массмедийного дискурса существует только собственный мир, замкнутый и спроецированный на самого себя, являющийся национальным

нарративом. Такая однозначность подводит к упрощению дискурса. Сохранение советской эстетики, сочетающейся с попыткой возродить придуманное здесь и сейчас национальное, очень точно характеризует, в свою очередь, образчики официального и массового общественного арт-дискурса. Данные концепты легко поддаются визуальной верификации. Стереотипное и стандартное структурирование политической и духовной жизни наглядно отразилось в казахстанском монументальном искусстве начиная с 1990-х годов. Современный ретростиль, который только декларирует оригинальность и ценность казахстанского опыта, оказался созвучным пустотности советского языка. Этот код сохраняется в новых монументальных работах, в которых все строго ранжировано, так же как и в социалистическом каноне, – позы, поведение, выражение лиц. Именно эти черты сохранили и казахстанские художественные выставки последнего десятилетия, получившие государственную поддержку. Одной из таковых была Республиканская выставка «… сегодня завтра…», которая нехотя даже в названии отразила желание ее организаторов продлить перманентное состояние застоя [Выставка 2009]. Инвентаризация образцов культуры в этом случае зафиксировала только инерционность культурных процессов.

В официальном казахстанском искусстве советская эстетика логично соединяется с созданием нового мифа – к настоящему времени артикулированной идеи о глубоких и древних исторических корнях. Национальный миф стал конструктом одновременно художников и новой политической власти. Но приемы, при помощи которых рассказывается об истории страны и ее личностях, примитивны по своей эстетике, архаично литературоцентричны и непонятны современному потребителю (советская графика, рисунки и зарисовки Тараса Шевченко). Из этого же ряда проникновение мифологических стереотипов восприятия исторической действительности в учебно-образовательный процесс – тематическая направленность текстов в современных казахстанских учебниках по истории, литературе, казахскому и русскому языкам, ориентированных на имитационную модель самоидентификации. С полным, как это было и в позднесоветских идеологических языке и культуре, освобождением от смысла. Попутно происходит процесс, названный А. Юрчаком «гипернормализацией»: «Под гипернормализацией мы понимаем процесс, в результате которого в языке не просто возникает большое количество стандартных фраз и оборотов, но и происходит постепенное усложнение этих стандартных фраз и оборотов» [Юрчак 2020, 116]. В свою очередь, использование

советских гипернормализированных эстетических систем нередко приводит только к элементарному плагиату, а интертекстуальность, по сути, оказывается разрушенной.

Что можно противопоставить советскому варианту существования культуры? То, что не было сказано в слове / тексте, в Казахстане выявлялось посредством визуализации идеи, но с сохранением литературоцентричного механизма создания образа. Новое казахстанское искусство – конец 1980-х – середина 2000-х годов – это особый период в культурной и политической жизни страны, роль и значение которого в научной литературе до сих пор не определены. Необходимо уточнить, что до определенного времени в СССР в значительной степени только литература, в том числе советского Казахстана, воспринималась как культурный дистиллят времени. О литературоцентричности советского мира в свое время высказались и антропологи, и литературоведы [Гудков, Дубин 2020; Дэвид-Фокс 2020; Юрчак 2020]. Но на смену литературе в постсоветский период, в том числе и в Казахстане, пришел визуальный текст. Визуальные образы стали реальными культурными агрегаторами, они заменили письменный текст. Западный славист Эндрю Вахтель указывает: «…визуальное искусство является великолепным инструментом для понимания того, что такое современный Казахстан» [Вахтель 2019].

Наиболее очевидны следующие две идеологические линии его развития. Первая определена тем, что в значительной мере его предыстория сформировалась в начала 1980-х годов, когда в казахской творческой среде обозначилось своеобразное русло инакомыслия – возрождение «вспоминающей» и «фантазирующей» функции этнической памяти. Отсюда тогда же проявившаяся популярность жанров исторической и научно-фантастической литературы, интерес всех форм гуманитарного знания к прошлому, всему, связанному с «возрождением тела этноса» [Ауэзов 2016, 351]. В этот же период начинают появляться визуальные тексты, составившие определенную часть казахстанского варианта актуального искусства, эксплуатирующие номадическую идею: «Созданный шестидесятниками, в скандалах с ЦК и министерством культуры утверждавшими оригинальность молодой казахстанской школы, очень быстро адаптировали эпигоны» [Ибраева 2014, 29]. Однако на сегодняшний день последнее все же больше воспринимается как эксперимент с содержанием и больше вписано в процесс мифотворчества: «Это выразилось в откровенной тяге к архаическим доисторическим знакам-первоэлементам: свету, огню, земле, кам-

ням, телу человека и животного, жесту, действию в их подлинном несимуляционном виде» [Art Discourse-97, 1998, 13]. Собственно, стиль «номадического» реализма ныне доведен до китча.

Второе направление, которое тоже рождалось вне конкретного языка, было созвучно с не состоявшимся в общественном дискурсе либеральным проектом и отличалось изначально заданным критическим характером. Это искусство оказалось тем единственным «посредником», который идеально подошел для передачи идей, возникающих в стране, оно же верно подмечало квазиреальный мир казахстанского общественного и культурного пространства. В ситуации, когда отсутствали критические дискурс-исследования, внятные экпертные заключения ученых, актуальное и радикальное искусство обозначило существующие проблемы общества, подчеркивало изношенность и лживость существовавшего слова. При этом осталось практически не изученным и даже не отмеченным в казахстанском contemporary art использование эстетики телевизионной интермедиальности. Именно эта линия развития современного искусства не только привела к символической документации происходящего, но и позволила передать травматичность происходящей реальности.

Интермедиальные эксперименты представителей contemporary art не только приводили к новым художественным концепциям: они стали единственными критическими арт-проектами, в силу разных причин не получившими внятного описания и осмысления. Конечно, они целиком вписаны в эстетику постмодернизма, но последнее именно у казахстанских авторов-художников не является декоративной чертой, как у создателей казахстанского же национального мифа. В самом казахстанском актуальном искусстве всегда было много текста и подтекста, который нередко непосредственно включался в арт-объект. Тексты, создаваемые в рамках актуального искусства, были хронологически разными: возможными до, во время и после создания визуального образа. Но были такие, которые рождали свой смысл вместе с визуальной идеей в заданной точке времени, они были тем, что можно назвать созданием дискурса. Именно о таком существовании текста пойдет далее речь на примере арт-практики Сергея Маслова (1952–2002), Зияхана Шайгельдинова – Шай-Зия (1956–2000), Ербола Мельдибекова и акционистов нашего времени.

Формы взаимодействия вербального, сценического и иконического приводили в казахстанском варианте актуального искусства к созданию критически преобразующего действительность

дискурса. Больше всего напрямую с текстом, сопровождавшим, дополнявшим, преобразующим художественные акции и перфомансы, экспериментировал Сергей Маслов. Одна из его персональных выставок так и называлась: «Маслов рядом с искусством, около литературы» [Маслов 2022, 92]. Ему удалось уловить и передать посредством текста, который он вплетал в сюжет своих дискурсивных акций, главное в деталях постсоветского существования и быта и трансформировать это в эстетику абсурда. Так, представленная в 1997 году на выставке «Инструкция по выживанию для граждан бывшего СССР» включалась в цепочку действий: юноша на возвышении в окружении гламурно одетых людей в кичливом интерьере пел итальянские арии, потом доставал пачку листовок и швырял ее вниз. Под продолжающуюся мелодию люди ловили и читали эти листовки. Восемь положений «Инструкции» были нарочито бытовыми, но сатирически описывали абсурд жизни: «Часто на дне находимых бутылок собирается жидкость, содержащая в своем составе алкоголь. С ее помощью можно устроить праздник для души, стоит только методично начать сливать все в одну посуду. Если коктейль покажется вам невкусным, можно ввести его в организм через задний проход. Для инъекции можно использовать пластиковую бутылку из-под Фанты или Кока-колы. Эти же бутылки с удовольствием обменивают на деньги торговцы разливным растительным маслом. Одна бутылка – одна тенге, десять бутылок – десять тенге» [Neon Paradise / Artbook 2019, 28]. Как замечает исследовательница абсурда, «…пародия, карикатура и пробел – жанры, в художественном смысле значительно повышающие абсурдность символистских текстов путем нарушения законов логики и эксплицирующие в метафизическом смысле абсурд как особый модус бытия – негативную реакцию на синтетическую завершенность бытия» [Буренина 2015, 143]. Именно это и происходит при восприятии текстов данного художника. Абсурд – игровое поле для него, которое и есть его жизненное пространство и время, ставшие искусством в его реальности. Мелкие детали постсоветского быта трансформированы в глобальный абсурд. Но при этом бытийный абсурд в эстетике С. Маслова становился тем самым трансформационным механизмом преобразования и перехода из обыденной сферы в сферу новую и неожиданную, из привычной формы и смысла – в иные, непривычные и данные со всеми присущими С. Маслову иронией и простодушием. Самое главное: провокативные жесты-перфомансы этого автора-художника позволяли преодолевать (или создавали такое впечатление для зрителей) физическое и символическое давление Власти.

Интермедиальность уже не только как форма, но и как эстетический принцип в арт-практике Казахстана получила свое воплощение в начале 1990-х годов также в видеодокументалистике Шай-Зии и чуть позже в видеоинсталляциях Ербола Мельдибекова. Изначально подчеркнем, в экспертной среде Шай-Зия всегда декларативно признавался ярким представителем «контркультуры», нонкомформистом, революционером в предметном искусстве. Но его актуальное и радикальное искусство, вскрывающее проблемы общества, на сегодняшний день не получило даже формального описания. Каковы были материальные и медиальные образы, посредством которых Шай-Зия документировал эпоху и запечатлел настроения одновременно меняющегося и застывшего на тридцать лет общества? 28 октября 1988 года Вадим Ганжа (соавтор многих проектов, композитор, автор опытов с электронной музыкой) и Шай-Зия открыли частную галерею Поп Арта и Электроабсурда в Алма-Ате. На открытии своей выставки, раздвигая медиальные границы, они предлагали посетителям оставлять рядом с экспонатами письменные комментарии: «Вы становитесь соавтором любого экспоната» [Experimental electronic music by Vadim Ganzha 1990]. Инсталляции, соединенные с текстом-комментарием зрителей, в свою очередь, сами становились новым арт-объектом, продолжая дискурсивный ряд арт-высказывания. Далее последовал литературно-политический манифест, тогда воспринятый казахстанским социумом большей частью лишь как курьезный случай. В 1998 году Шай-Зия вместе с Вадимом Ганжой выступили с новым художественным жестом – заявлением о создании политической партии пофигизма (ППП). Пофигизм стал искренним ответом потерянного постсоветского человека тому симулякру, который стал называться независимым государством. Источниками пофигизма признались эгоизм, здравый смысл и профессионализм. В нем совершенно точно была предугадана идеология Казахстана на последующие тридцать лет: «Государство не отвечает перед обществом и не отчитывается за свои действия, обладает правом неприкосновенности» [Neon Paradise / Artbook 2019, 49]. Манифест отражал мир постсоветского человека, стал ответом потерянного человека наступающему хаосу: «Это и есть ответ развитой личности на давление сложившихся обстоятельств. Это жизнеутверждающее и образное утверждение вливает силы в наших сторонников! Пофигист ставит свою личность в центре модели мироздания и строит свои отношения с окружающим миром с этой точки зрения» [Neon Paradise / Artbook 2019, 51].

В свою очередь, при оценке и анализе двух сохранившихся видеоопытов Шай-Зии («Burocrat» 1990; «Анти-Бутя» 1994) необходимо помнить, что художник работал на ТВ оператором, и это, конечно, отличало данного автора от других. В 1990 году был создан видеосюжет «Burocrat», фоном к нему шла электронная музыка Вадима Ганжи [Burocrat 1998]. Ролик создан средствами мультипликации, идет полторы минуты. Сначала на рисованном фоне фигуры сталевара, явно отсылающего к фигуре первого президента страны, некогда начинавшего таковым, из пластмассовых прямоугольников коричневого, желтого и синего цветов, напоминающих сюжет детского мультфильма «Пластилиновая ворона», складывается и скручивается пока еще бесформенная фигура (ил. 1), потом из общей массы выталкиваются ноги, далее – руки, зримого лица долго нет, наконец появляется отталкивающее своими гримасами лицо-маска. Теперь фоном резко меняющегося лица под музыку являются рисунки плачущей американской Свободы, в завершение этот гомункулус вновь преобразуется в некий бесформенный кусок, в котором все размыто и все переплетено. Мультипликационный ролик Шай-Зии как реплика на предсказанные им же политические константы страны так и остался единственным художественным высказыванием, но можно предположить его актуализацию в коммуникативной памяти общества нашего времени, так как в него уместилась вся история последних тридцати лет: от наивных надежд на преобразование до понимания реалий наступившего дня. Образ внешнего мира передан посредством мультипликационной изобразительности, и только такой язык подходит для передачи иронии, и на наших глазах создается игровой текст.

Ил. 1. Кадр фильма «Burocrat» [Burocrat 1998]

Критизизм в визуальном тексте казахстанских художников принимает форму документального видеофакта. Канадский теоретик указывал: «Телевидение – это такое средство коммуникации, которое отвергает резко очерченную личность и отдает предпочтение представлению процессов, а не продуктов» [Маклюэн 2017, 351]. Все это можно проследить в фильме Шай-Зии 1994 года «Анти-Бутя» [Анти-Бутя 1994], в котором мирно сосуществует эстетика кино и телевидения (ил. 2). Фильм с высоты нынешнего времени воспринимается как сообщение-предостережение.

Название символично: Анти-Бутя – по имени известного в те годы бизнесмена Булата Абилова, воспринимавшегося многими возможным преобразователем социального климата в стране. Камера скользит по залу: общая сцена благотворительной раздачи, сами подарки, все буднично, наконец мальчик, которого видит камера, и он ее видит, он ей улыбается как доброму знакомому. Наплыв камеры: все дети с родителями с бумажками-талончиками, а у мальчика ее нет. Он заглядывает в чужие руки и глаза раздающих, но его никто не видит, затем появляется типично советская начальница, которая его выталкивает. Как указывает семиотик В. Руднев, «…участники коммуникации – отправитель, адресат, канал информации – должны быть погружены в семиотическое пространство, то есть иметь предшествующий семиотический культурный опыт» [Руднев 2017, 558–559]. К чему он сводится в этом случае? Простой документальный сюжет о попытке мальчика получить подарок от фирмы на бесплатной акции местного олигарха воспринимается как нарратив о судьбе самой страны и всего постсоветского пространства. Здесь нет монтажа, нет игры со скрытыми смыслами,

Ил. 2. Кадр из фильма «Анти-Бутя» [Анти-Бутя 1994]

идет только документальная хроника. Повествование же возникает за счет движения камеры: это те слова, которыми оперирует художник. В восприятии зрителя сюжет становится многослойным: от кафкианского ужаса маленького человека до неизживаемой советской обыденности-конвейера. Маленький человек и его глаза напоминают что-то очень знакомое из многих итальянских фильмов 60-х годов XX века, но совсем не обязательно предполагать, что могло послужить в этом случае реминисценцией: «Извлекая текст из фильма, мы фактически указываем на ту зону фильмического, которая не может быть воспроизведена, которая воскрешается лишь благодаря нашей памяти о фильме, если мы его видели раньше, или остается полной загадкой в обратном случае» [Аронсон 2007, 147]. В своих видеосюжетах Шай-Зия больше выступает как телевизионный повествователь, у которого тщательно продуманы и представлены, так же как и в текстовом нарративе, последовательные этапы происходящего. Безусловно, данный автор общался с миром через окуляр своей камеры исключительно как с телезрителем, обращаясь к нему на «ты», а мы при просмотре его видеосюжетов полностью в процессе сочувствия и сопереживания. У Шай-Зии образы-персонажи постоянно движутся, но они случайны, он посредством мозаичного образа дает много работы своему зрителю.

Далее, после 1990-х годов, в арт-жизни Казахстана произошел семантический и эстетический провал. Символичной была инсталляция Елены и Виктора Воробьевых «Художник спит» [Воробьева, Воробьев 2018, 54]. Критический возврат к интермедиальности (значимое использование фоторяда, эстетики радио и телевидения) в казахстанском арт-пространстве после долгого периода самоповторения и ухода в спекулятивную этнонарративность произошел только в последние три-четыре года (2017–2022). Многое из того, что когда-то выявлялось С. Масловым и Шай-Зией, получило определенное расширение в разные годы в творчестве казахстанского художника-перформациста Ербола Мельдибекова. Так, вновь актуализировался его давний фотопроект из 1990-х «Семейный альбом», в нем, уже включенном в наше время, точными средствами обозначены новые общественно-социальные реалии [Meldibekov 2016, 136–139]. Идея проста и уже использовалась в современном фото-арте, но интересна местным колоритом. Давние фотографии советских лет дополнены современными снимками. Люди взрослеют, специально для снимка счастливые или, наоборот, напряженные лица, но неизменен постамент. Там, где был памятник «всесоюзному старосте» Михаилу Калинину, теперь на постаменте герой

современной истории Абылай хан. Самое главное – персонажи альбома живут в своей хронологии, не пересекаясь и не обращая внимания на то, что «сверху». На персональной выставке Ербола Мельдибекова осенью 2018 года многосмысловая аудиоинсталляция «24 часа в сутки» заняла особое место [Дурные шутки 2020, 179]. Художник находится в диалоге с современностью, но взаимодействует с ней критически, игровым способом, в трансмодерной парадигме. Биографические фильмы о жизни первого президента страны пересказаны безымянным рассказчиком своими словами. Пересказ представлен в формате радиопередачи. Все пересказано просто, последовательно, без каких-либо оценочных дополнений. Голос доносится из репродуктора. По сути, нам предложили воочию увидеть и услышать создание мифа. Подобное же мы видим в самой политической реальности, когда на наших глазах сотворяются современные мифы и стереотипы. Машиной по производству смысла вновь стало устное слово – радио. Действительно, симулякр, но данный уже с иронией художника.

Наконец, особое место в современном арт-дискурсе, по всей видимости, будет занимать выставка десяти художников «50 оттенков голубого» (2019), очень точно объединенная одной идей и практически составившая большую часть альбома «Дурные шутки» [Дурные шутки 2020]. Объединяющую идею актуального искусства 1990-х годов и современного художественного акционизма можно обозначить так: арт-объекты, выполненные в разных техниках и мультимедийных проявлениях, зафиксировали некое движение в казахстанской социальной жизни. Именно по этой причине для передачи основой идеи такой медиажанр, как фотография, на выставке кажется самым актуальным, так как он впервые зафиксировал художественный акционизм в казахстанской практике: будь то ироничная фотография «Пророчество» Елены и Виктора Воробьевых, фотохронография событий 2018 года Тамины Оспановой алматинской акции на марафоне «От правды не убежишь», «Городской пейзаж» Светланы Глушковой – документальное фото дома, сплошь заклеенного изображениями первого президента. Жесты, безусловно, как и их фиксаторы, оказались современными и талантливыми.

Безусловно, особое место в дискурсе художников занял 2019 год, который предложил нам воспринимать фиксацию уличного активизма как художественные тексты. Конечно, все это воспринимается несколько прямолинейно, особенно в сравнении с творчеством С. Маслова и Шай-Зии. Но во всех своих проявлениях идеология

становится объектом и субъектом искусства. От скрытого критизма актуальное искусство переходит к открытым высказываниям, о чем свидетельствуют выставки 2017–2020 годов. Однако сегодня реальное в казахстанском пространстве кажется условным и выступает как художественное высказывание. Современный арт-коллаж с включенным в него текстом также фиксирует и прогнозирует интермедиальными средствами нынешнее состояние и вызревание нового и другого. Это актуальное искусство в застывшем ‘арт’ пробуждает мысль, а не предъявляет набор мыслей, как это уже произошло со многими другими официальными эрзац-образцами культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

Анти-Бутя 1994 – Анти-Бутя / experimental electronic music by Vadim Ganzha Ehrlich POP ART. URL: https://www.youtube.com/watch?v=830GlbNmPJc&t=1s (дата обращения: 10.04.2022).

Аронсон 2007 – *Аронсон О.* Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия). М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Ассман 2014 – *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Ауэзов 2016 – *Ауэзов М. М.* Времен связующая нить. Алматы: Жибек Жолы, 2016.

Буренина 2015 – *Буренина О. Д.* Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре. СПб.: Алетейя, 2015.

Вахтель 2019 – *Вахтель Э.* Современный Казахстан: от слов к изображению // Neon Paradise / Artbook / Культура потребления и повседневности в работах современных казахстанских художников с 1981 по 2019 г. Алматы: Magnum, 2019. С. 171–175.

Водак 2018 – *Водак Р.* Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Харьков: Гуманитарный центр, 2018.

Воробьева, Воробьев 2015 – *Воробьева Е., Воробьев В.* Художник спит: каталог. Алматы: Aspan Gallery, 2015.

Выставка 2009 – Выставка «…сегодня завтра…» в рамках форума СХ РК «Искусство против кризиса. Инвентаризация»: каталог. Алматы: Елнур, 2009.

Гудков, Дубин 2020 – *Гудков Л., Дубин Б.* Литература как социальный институт: сборник работ. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Добренко 2007 – *Добренко Е. А.* Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Дурные шутки 2020 – *Дурные шутки*: каталог выставок галереи Artmeken, посвященных правам человека в Казахстане. 2017, 2018–2019, 2020. Алматы: Галерея Artmeken, 2020.

Дэвид-Фокс 2020 – *Дэвид-Фокс М.* Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Ибраева 2014 – *Ибраева В.* Искусство Казахстана: постсоветский период. Алматы: Тонкая грань, 2014.

Маклюэн 2017 – *Маклюэн Г. М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2017.

Марков 2018 – *Марков А. В.* Постмодерн культуры и культура постмодерна: лекции по теории культуры. М.: РИПОЛ классик, 2018.

Маслов 2022 – *Маслов С.* Ловец снов. Каталог выставки. Алматы: Aspan Gallery, 2022.

Руднев 2017 – *Руднев В. П.* Энциклопедический словарь культуры XX века. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2017.

Юрчак 2020 – *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Art Discourse 1998 – Art Discourse – 97. Almaty: Asia Art, 1998.

Burocrat 1998 – Burocrat / experimental electronic music by Vadim Ganzha Burocrat. URL: https://www.youtube.com/watch?v=g0JRLDCVm9I (accessed: 10.04.2022).

Experimental electronic music by Vadim Ganzha 1990 – Experimental electronic music by Vadim Ganzha Ehrlich POP ART. URL: https://www.youtube.com/watch?v=830GlbNmPJc&t=1s (accessed: 10.04.2022).

Gizdatov, Sopieva 2018 – *Gizdatov G., Sopieva B.* Discourse and Identity in the Medial Space of Kazakhstan // Media Education (Mediaobrazovanie). 2018. № 4. P. 29–38.

Meldibekov 2016 – *Meldibekov Y. E.* Eternal Return: catalogue. Almaty: Aspan Gallery, 2016. 212 p.

Neon Paradise / Artbook 2019 – Neon Paradise / Artbook / Культура потребления и повседневности в работах современных казахстанских художников с 1981 по 2019 г. Алматы: Magnum, 2019. 196 с.

REFERENCES

Aronson, O. (2007). *Kommunikativnyy obraz (Kino. Literatura. Filosofiya)* [Communicative image (Cinema. Literature. Philosophy)]. Novoe literaturnoe obozrenie.

Artmeken Gallery. (2020). *Durnye shutki: Katalog vystavok galerei Art meken, posvyashchennykh pravam cheloveka v Kazakhstane. 2017, 2018–2019, 2020* [Bad Jokes: Catalog of Artmeken Gallery exhibitions dedicated to human rights in Kazakhstan. 2017, 2018–2019, 2020]. Artmeken Gallery.

Asia Art. (1998). *Art Discourse – 97*. Asia Art.

Assmann, A. (2014). *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik.* Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Auezov, M. M. (2016). *Vremen svyazuyushchaya nit'* [The connecting thread of time]. ID "Zhibek Zholy".

Burenina, O. D. (2015). *Simvolistskiy absurd i ego traditsii v russkoy literature i kul'ture* [Symbolist absurdity and its traditions in Russian literature and culture]. Alateya.

David-Fox, M. (2020). *Crossing Borders, Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Dobrenko, E. A. (2007). *Politekonomiya sotsrealizma* [Political economy of socialist realism]. Novoe literaturnoe obozrenie.

Elnur. (2009). *Vystavka "…segodnya zavtra…" v ramkakh foruma SKh RK "Iskusstvo protiv krizisa. Inventarizatsiya". Katalog* [Exhibition "... today tomorrow ..." within the framework of the forum of the Union of Artists of the Republic of Kazakhstan "Art against the crisis. Inventory". Catalog]. Elnur.

Gizdatov, G., & Sopieva, B. (2018). Discourse and Identity in the Medial Space of Kazakhstan. *Mediaobrazovanie – Media Education*, 4, 29–38.

Gudkov, L., & Dubin, B. (2020). *Literatura kak sotsial'nyy institut: Sbornik rabot* [Literature as a social institution: Collection of works]. Novoe literaturnoe obozrenie.

Ibrayeva, V. (2014). *Iskusstvo Kazakhstana: Postsovetskiy period* [Art of Kazakhstan: Post-Soviet period]. Tonkaya gran'.

Magnum. (2019). *Neon Paradise. Artbook. Kul'tura potrebleniya i povsednevnosti v rabotakh sovremennykh kazakhstanskikh khudozhnikov s 1981 po 2019 g.* [The culture of consumption and everyday life in the works of contemporary Kazakhstani artists from 1981 to 2019]. Magnum.

Markov, A. V. (2018). *Postmodern kul'tury i kul'tura postmoderna. Lektsii po teorii kul'tury* [Postmodernism of culture and postmodern culture. Lectures on the theory of culture]. RIPOL klassik.

Maslov, S. (2022). *Dream Catcher. Exhibition catalog.* Almaty. (In Russian).

McLuhan, G. M. (2017). *Understanding media: The extensions of man.* Kuchkovo pole. (In Russian).

Meldibekov, Y. E: (2016). *Eternal Return: catalogue.* Aspan Gallery.

Rudnev, V. P. (2017). *Entsiklopedicheskiy slovar' kul'tury XX veka* [Encyclopedic Dictionary of Culture of the 20th Century]. Azbuka, Azbuka-Attikus.

Vakhtel', E. (2019). Sovremennyy Kazakhstan: ot slov k izobrazheniyu [Modern Kazakhstan: from words to images]. In *Neon Paradise. Artbook. Kul'tura potrebleniya i povsednevnosti v rabotakh sovremennykh kazakhstanskikh khudozhnikov s 1981 po 2019 g.* [The culture of consumption and everyday life in the works of contemporary Kazakhstani artists from 1981 to 2019] (pp. 171–175). Magnum.

Vorobyeva, E., Vorobyov, V. (2015). *The artist sleeps: catalogue.* Almaty, 2015. (In Russian).

Wodak, R. (2018). *The politics of fear: What right-wing populist discourses mean*. Izd-vo "Gumanitarnyy tsentr". (In Russian).

You Tube. (2022, April 10). *Anti-Butya. Experimental electronic music by Vadim Ganzha Ehrlich "POP ART".* [Video]. https://www.youtube.com/watch?v=830GlbNmPJc&t=1s

YouTube. (2022, April 10). *Burocrat – Burocrat.* [Video]. https://www.youtube.com/watch?v=g0JRLDCVm9I

YouTube. (2022, April 10). *Experimental electronic music by Vadim Ganzha Ehrlich "POP ART"*. [Video]. https://www.youtube.com/watch?v=830GlbNmPJc&t=1s

Yurchak, A. (2020). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it ended. The last Soviet generation]. Novoe literaturnoe obozrenie.

Материал поступил в редакцию 06.05.2022
Материал поступил в редакцию после рецензирования 28.11.2022

ЧЕЛОВЕК КАК ВИЗУАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ: СЕМИОТИКА И ЭСТЕТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБРАЗА

Д. Ю. Дорофеев
Санкт-Петербургский горный университет, Россия
dandorof@rambler.ru

В современной социогуманитарной науке и повседневной реальности проблема визуальной семиотики является одной из ключевых, учитывая процесс тотальной визуализации современного мира, что требует серьезной критической рефлексии этого феномена. Автор раскрывает данную проблему в фундаментальном контексте философской и визуальной антропологии, представив оригинальный проект семиотики и эстетики человеческого образа, для чего использует и переосмысляет основные подходы современной философии в этой области. Статья посвящена развитию основных проблем семиотики в пространстве целостного эстетического образа человека, представленного как визуальное сообщение. Автор стремится раскрыть и обосновать суверенное, самостоятельное и центральное значение визуального образа человека в современных семиотических, визуально-антропологических, философско-антропологических и эстетических исследованиях, отличия его от визуального изображения. Исследованы механизмы и уровни восприятия и понимания человека, представленного как определенное визуальное сообщение, в повседневной жизни. Критически используя и развивая подходы Ролана Барта в отношении анализа текста и изображения, подробно анализируются уровни визуального сообщения, встречающиеся в современном мире. Отдельное внимание обращается на значение современных цифровых технологий в процессе визуализации повседневного существования человека и его образа. Так, подробно представлены семиотический и визуально-антропологический анализ современной визуальной рекламы и медиа, характер использования в них изображения человека и специфика моделирования его определенного значения. Рассмотрение же образа человека осуществляется в более фундаментальном визуально-антропологическом и философско-антропологическом ключе, представляя его Я в качестве спонтанной, осуществляющейся в основном на дорефлексивном уровне манифестации человеческого бытия в феноменальной эстетической форме. Используется выделение Роланом Бартом трех уровней значений – языкового; имеющего код иконического, или денотативного; не имеющего кода иконического, или коннотативного – для исследования целостного визуального образа человека, на формирование которого так или иначе влияют все его составляющие (личное имя, особенности речи, стиль одежды и т.д.). Особенно подробно автор останавливается на значении языка как манифестации, способа формирования и восприятия визуального человеческого образа, соотношений в нем денотативного и коннотативного уровней, выявляя специфические особенности визуальной автопрезентации, коммуникации и интерсубъективности в современном мире.

Ключевые слова: семиотика человеческого образа, визуальная антропология, эстетика образа, Р. Барт, визуальное сообщение, уровни значений, язык и образ

A PERSON AS A VISUAL MESSAGE: SEMIOTICS AND AESTHETICS OF THE HUMAN IMAGE

Daniil Yu. Dorofeev
Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia
dandorof@rambler.ru

In modern socio-humanitarian science and everyday reality, the problem of visual semiotics is a key one, given the process of total visualization of the modern world, which requires a serious critical reflection of this phenomenon. The author of this article wants to reveal this problem in the fundamental context of philosophical and visual anthropology, presenting an original project of semiotics and aesthetics of the human image, for which he uses and rethinks the main approaches of modern philosophy in this area. The article is dedicated to the development of the main problems of semiotics in the space of a holistic aesthetic image of a person, presented as a visual message. The author seeks to reveal and substantiate the sovereign, independent and central significance of the visual image of a person in modern semiotic, visual-anthropological, philosophical-anthropological and aesthetic studies. The article explores the mechanisms and levels of perception and understanding of a person, presented as a certain visual message, in everyday life. Critically using and developing the approaches of Roland Barthes in relation to text and image analysis, the author analyses in detail the levels of visual communication encountered in the modern world. He draws special attention to the importance of modern digital technologies in the process of visualizing the everyday existence of a person and their image. Thus, the semiotic and visual-anthropological analysis of modern visual advertising and media, the nature of the use of the image of a person in them and the specifics of modeling its specific meaning are presented in detail. The author considers a person's image in a more fundamental visual-anthropological and philosophical-anthropological key, and presents it as a spontaneous manifestation of human existence in a phenomenal aesthetic form implemented mainly at the pre-reflexive level. The author of the article uses Barthes' selection of three levels of meanings (linguistic; having an iconic or denotative code; not having an iconic or connotative code) to study a holistic visual human image, whose formation is somehow influenced by all person's components (personal name, speech, clothing style, etc.). The author dwells in particular detail on the meaning of language as a manifestation, a way of forming and perceiving a visual human image, the correlations of the denotative and connotative levels in it, and reveals the specific features of visual self-presentation, communication and intersubjectivity in the modern world.

Keywords: semiotics of human image, visual anthropology, aesthetics of image, Roland Barthes, visual message, levels of meanings, language and image

DOI 10.23951/2312-7899-2023-1-48-77

Эстетика человеческого образа предполагает по крайней мере две перспективы рассмотрения, и обе они напрямую определяются изначальным значением древнегреческого слова *αἰσθητικός* (*αἰσθάνομαι*), связанным в грамматических формах существительного, прилагательного или глагола со сферой *чувственно воспринимаемого*. Первая полагается возможностью чувственного *восприятия* человеческого образа как формы некой феноменальной целостности; вторая характеризуется пониманием такого образа как результата *(само)полагания* (выражения, проявления, манифестации) в чувственно воспринимаемой форме. Генезис, специфические особенности и взаимосвязь этих процессов – предмет отдельного исследования; нам сейчас важно остановиться на том, в чем они непосредственно пересекаются в контексте прежде всего восприятия знака, значения, отношений означающего-означаемого, т.е. всего того, что относится к сфере *семиотики человеческого образа*.

Как известно, семиотика, или семиология, начиная с Фердинанда Соссюра[1] получила в XX веке широкое развитие, став одной из ведущих и наиболее актуальных областей знания и ключевым, благодаря исследованиям структуралистов и постструктуралистов, социогуманитарным методом. В основном она была связана с изучением *языка как основной знаковой системы*, и недаром к ее основателям, помимо самого Соссюра, относят таких выдающихся лингвистов русской формальной школы литературоведения и пражского лингвистического кружка, как В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон, Н. Трубецкой, Я. Мукаржовский и др. [Якобсон 2011]. На это повлияло и то, что большая часть прошлого века отмечена приоритетом языка[2] над невербальными системами, в частности над *визуальным образом*. Собственно *невербальные знаковые системы* рассматривались по образу и моделям языковых знаковых систем, поэтому понятие «текста» стало применяться по отношению к любым семиотическим системам, в том числе визуальным. Конечно, *семиотика визуального образа*, пусть и не в таких

[1] Именно термину «семиология» Соссюр и следующие за ним французские ученые отдавали предпочтение, тогда как получивший в мире большое признание и утверждение термин «семиотика» идет от Чарльза Пирса.

[2] Этот приоритет и не удивителен, учитывая, что язык как фундаментальная и центральная философская проблема заявляется лишь В. Гумбольдтом в сочинениях первой половины XIX века, а начинает широко развертываться и утверждаться в исследования века XX.

впечатляющих масштабах, как лингвистическая семиотика, тоже существовала, но при этом не имела *собственной самоценной суверенности*, будучи полностью определяемой языковым нарративом и принципами его исследования. Это прекрасно и выразительно представлено в таких в работах Ролана Барта, одного из наиболее крупных представителей семиологии и постструктурализма 60–70-х годов прошлого века, как «Риторика образа», «Третий смысл», «Система моды», «Camera lucida» и др. Эти исследования важны и в наше время, поэтому мы будем к ним обращаться, однако нельзя не отметить, что в последние несколько десятилетий, в том числе благодаря широкому распространению компьютеров, Интернета и в целом цифровых технологий, ситуация радикально изменилась: сфера визуального приобрела центральное и самостоятельное значение и уже сама стала определять язык. Кроме того, хотелось бы подчеркнуть, что французский ученый затрагивал именно семиотику изображения, которое предполагает *аналоговое воспроизведение с определенной трансформацией* в визуальном образе какого-то оригинала, не проводя принципиального различия между, например, образом человека в живописи и образом спагетти на рекламном плакате, образом в жизни и искусственно смоделированным образом (например, в фотографии). Мы же, следуя визуально-антропологической направленности нашего исследования, принципиально различаем *изображение* как ту или иную форму визуального воспроизведения и *визуальный образ человека в повседневной жизни* как способ феноменального чувственно воспринимаемого – и в этом смысле «эстетического» – проявления его бытия. Именно на исследовании этого образа и будет сосредоточено в дальнейшем наше внимание. Поэтому мы совсем кратко коснемся своеобразия образа человека в визуально-пластическом искусстве[3] – лишь постольку, поскольку оно поможет нам раскрыть семиотическую составляющую эстетики человеческого образа в повседневной жизни.

1. Итак, представим обычную ситуацию: мы находимся на улице и воспринимаем образ стоящего или идущего рядом человека. Рассмотрим образ этого человека как целостную знаковую систему, каждый уровень значений которой представляет своего рода сообщение.

Данное визуальное сообщение имеет ряд особенностей сравнительно с другими. Поэтому нам сперва следует обратиться к анализу *семиотики визуального изображения*. Возьмем такую неотъемлемую визуальную часть жизни современного города, встречающуюся почти повсеместно, как *реклама*, в которой очень выразительно проявляется семиотическая составляющая визуального сообщения

[3] Об этом, впрочем, мы уже писали, касаясь иконографии античных философов; см. например: [Дорофеев 2015].

(поэтому Р. Барт для пущей характерности и строит свой семиотический анализ визуального изображения на примере рекламы фирмы по производству макарон «Пандзани» [Барт 1994]). Любое рекламное изображение имеет ярко выраженный интенциональный и прагматичный характер, т.е. изначально создается как сообщение, смысл и назначение которого в том, чтобы быть донесенным до реципиента-потребителя, им воспринятым и «прочитанным» определенным образом, стимулирующим его *действие*, – выбор и покупку рекламируемого товара. Более того, как знают профессиональные производители рекламы, рекламное сообщение создается прежде всего в расчете и с учетом *конкретного круга* реципиентов-потребителей, определяемого критериями возраста, образования, социального и финансового статуса, местом проживания и даже ценностными предпочтениями. Ведь чтобы рекламный текст «прочитался», потенциальный адресат сообщения должен *быть способным* его прочитать, т.е. обладать соответствующими знаниями культурной грамматики, орфографии, пунктуации, иначе говоря, находиться с ним в общем семиотическом поле. А чтобы означаемое, рекламируемый товар, было выбрано и куплено, его изображение должно быть привлекательным, желанным и – в идеале – *казаться* необходимым, т.е. соответствовать желаниям и потребностям адресата рекламы (реальным или вымышленным, а также специально создаваемым). Для этого рекламное изображение представляет собой не только (и даже не столько) визуализацию прямого основного значения (макароны того-то типа по такой-то цене), но строго выстроенное *моделирование определенного эстетического образа* с целой системой своих скрытых значений, *визуальных коннотаций*, которые могут эффективно побуждать потребителя к действию, покупке, *на дорефлексивном уровне*, продуктивно используя механизмы коллективного (для данного определенного круга потребителей) бессознательного. Все это требует тщательного предварительного изучения адресата рекламного сообщения. Итак, здесь выражена классическая модель семиотического текста[4]: субъект интенционального означения (заказчик и исполнитель рекламы[5]) – означающее (сама реклама как текст) – означаемое (вкладываемое субъектом в означа-

[4] Правда, эта классическая модель благодаря все более и более расширяющейся цифровизации нашей жизни обретает новые черты: все большее значение начинает приобретать *топос*, т.е. место размещения и презентации рекламы, которым все чаще становится виртуальная сфера, определяющая собой все остальное, в том числе и характер визуального сообщения.

[5] В принципе в этой цепочке возможно отделение заказчика рекламы (фирмы, бизнесмена и т.д.) от ее изготовителя (рекламной компании), поскольку первый лишь проявляет намерение и цель (прорекламировать свой товар и активизировать его потребление), а второй придает им конкретную форму, направленную на максимально эффективное выполнение поставленных задач; впрочем, для нашего рассмотрения этим различием можно пренебречь.

ющее определенное значение, или смысл, рекламы) – топос (место размещения и способ восприятия рекламы, которые тоже влияют на ее значение) – реципиент (тот, кому предназначается реклама как сообщение-текст) – «правильное» понимание реципиентом текста, выражаемое определенным действием – выбором и покупкой рекламируемого товара.

Когда мы обращаемся к образу человека *в повседневной жизни*, эта модель, как мы увидим далее, нуждается в существенной корректировке. Однако для некоторых человеческих образов она продолжает быть действенной. Пожалуй, в наибольшей степени это характерно в случаях, когда мы имеем дело с *публичным лицом* (политиком, известным спортсменом, эстрадным исполнителем и т.п.), представляющим свой имидж. Собственно, имидж и является смоделированным по определенным лекалам и с определенной целью сообщением для определенного круга его реципиентов, отвечающим их ожиданиям, учитывающим их специфические (культурные, ментальные, ценностные) особенности и предполагающим вызвать их конкретную реакцию (поддержка на выборах и в обществе, покупка билетов и т.д.). В принципе *имидж – это и есть рекламное сообщение*, в котором означающее и означаемое совпадают, являясь, таким образом, *персональной самоманифестацией публичного лица*[6], рекламирующей конкретного человека на определенный круг и с определенными целями. Так, в современных демократических обществах избирательный период – это пик политической рекламной компании.

Современное понимание публичного лица, имидж, реклама – все это могло появиться только благодаря нацеленной на массовую аудиторию реальности СМИ, форма коммуникаций которых определяет и полагает значение передаваемых в них сообщений; собственно, так и можно понять знаменитый принцип М. Маклюэна: «The medium is the message» [Маклюэн 2014, 9–27]. Поэтому визуализация современных СМИ, формирующаяся под влиянием интернет-технологий и сетевых коммуникаций (по сути, все больше и больше становящихся основной формой СМИ нашего мира), неизбежно означает увеличение самостоятельного значения именно визуального образа и полагание ими принципов сообщений[7].

---

[6] Впрочем, если говорить, например, о политике, то, манифестируя себя в своем имидже, он также представляет определенные политические взгляды, которые, однако, стремятся быть максимально персонализированными, неотделимыми от образа конкретного человека, их озвучивающего. Поэтому политику так важно не быть безличным транслятором абстрактных положений, а иметь собственную уникальную харизму, благодаря которой он действует и влияет одной силой своего образа-имиджа, что прекрасно было показано еще Н. Макиавелли. К этой харизме, являющейся определенным синтезом умелого имиджа и личного образа, стремятся все, но имеют ее лишь единицы.

[7] Подробнее о образе человека в современных медиа см.: [Dorofeev, Tomashchikova 2021].

Например, у политика есть свой *профессиональный имиджмейкер, или политический технолог*, создающий ему определенный имидж, который касается *всех* деталей публичного образа – внешности, стиля одежды, особенностей, манеры, интонации речи, способа держать себя «на людях», обозначаемых пристрастий, психологического типажа, манеры поведения, моделирования биографии и т.п. И этот имидж создается именно с учетом того, как он будет транслироваться и восприниматься в конкретных СМИ[8].

Как нетрудно заметить, подобная деятельность напоминает деятельность *театрального режиссера*, создающего всеми возможными средствами целостный образ героя [Бернатоните 2018]. Только здесь она определяется не творческими предпочтениями отдельного человека, а *визуальной логикой современных СМИ*, должных представить политика в строго определенном положительном свете, привести к его признанию, одобрению и избранию определенной аудиторией («своим» электоратом) или, еще лучше, расширить ее. В такой смоделированной *политической эстетике человеческого образа* мелочей не бывают, все детали сознательно продумываются и выверяются, почти как в случае с *эстетским* отношением к своему образу денди. По сути, сознательно или бессознательно, человек вынужден здесь вести себя строго в соответствии с принятым на себя действенным имиджем, и любое действие, нарушающее его смысловую «рекламную» целесообразность, должно быть исключено (как могущее привести к нежелательным последствиям), если целью является сохранение его эффективности, о чем предупреждал еще Макиавелли (ведь «Государь» – это чуть ли не первый европейский трактат по политическому имиджмейкерству, в котором подчеркивается, что умный правитель меньше, чем кто-либо из его подчиненных, может позволить себе необдуманное и произвольное действие).

Практически то же самое касается и представителей шоу-бизнеса, которые в создании своего имиджа идут даже дальше политиков. Так, «сценический образ» эстрадного певца часто предполагает и создание для него специального (ориентируясь на его благозвучие, легкое запоминание, национальную принадлежность, вызываемые им положительные ассоциации и т.д.) *личного имени*. Значимость этого шага нельзя недооценивать. Ведь личное имя – важнейший механизм формирования человека. Еще о. П. Флоренский, следуя своему пониманию онтологических и персоналистических основ имяславия, показал, как имя определяет внутренний склад, характер, этос человека, открыто утверждая, что «имя должно быть образом» [Флоренский 1992, 11]. И хотя русский мыслитель

[8] О специфике формирования визуального образа в эпоху третьей информационной революции и его антропологическом значении см.: [Macfarlane 2020].

не стал развивать тему *влияния личного имени на визуальный эстетический образ человека*, несомненно, такое влияние существует, и его нельзя отрицать, хотя и непросто исследовать. Когда человек представляет себя или других, то он называет личное имя. И это уже достаточно высокий уровень личностной коммуникации, более высокий, чем просто визуальное восприятие образа. Можно предположить, что с узнаванием имени человека меняется, а именно становится более глубоким, внимательным, личностным, и восприятие его визуального образа. Но имена публичных лиц шоу-бизнеса нацелены на массовое восприятие, они известны, так сказать, «всем». Поэтому они воплощают не столько личностную, сколько медийную манифестацию, являясь, по сути, заданным ориентиром, по которому моделируется и соответствующий выбранному псевдониму имидж. Неудивительно, что *смена внешности* (в том числе и радикальная, как в случае Майкла Джексона) и даже *смена пола* (как показывает недавний опыт конкурса «Евровидение») является важнейшим современным механизмом моделирования и рекламного продвижения своего имиджа в мире шоу-бизнеса.

Если у публичных лиц есть специальные профессионалы, ответственные за создание и распространение их привлекательного целостного образа в Сети, то остальные люди сами более или менее удачно создают свой визуальный имидж благодаря прежде всего цифровым фотографиям и (в меньшей степени) видео, культ которых – отличительная черта нашего времени[9]. Нельзя не отметить, что почти тотальное моделирование своего образа является уже утвердившейся практикой виртуального присутствия человека в Сети; она диктует свои правила по автопрезентации человека и все больше становится парадигмой формирования реальности, имея тенденцию вытеснять и заменять ее собой. Быстро набирающие ход цифровая виртуализация и визуализация нашей жизни делают все более тонкой и подчас неразличимой грань между виртуальным и реальным, заставляя нас менять само представление о реальности и человеке, образ которого есть поле постоянного и почти неограниченного моделирования. И, конечно, наивно полагать, что возможно четкое разграничение и параллельное, независимое друг от друга существование публичного имиджа или сетевого образа (а сетевое пространство – это доступный практически всем современ-

[9] Если посмотреть современные социальные сети, особенно у молодых пользователей, скажем, до 25–30 лет, то нетрудно заметить огромное преобладание в отношении самопрезентации объема визуального контента перед нарративным. О визуальной семиотике образа в социальных сетях и веб-сайтах, соотношении в них визуального и текстового и способах формирования значений образа см.: [Harrison 2003].

ный аналог публичного пространства), с одной стороны, и «реального» образа человека – с другой: в большей или меньшей степени первый будет определять, а то и вытеснять, заменять второй. Даже простое рекламное сообщение, отсылая к своему оригиналу, влияет на его восприятие, оценку и значение[10], – что же говорить о человеке, который в публичном пространстве (в котором он чаще всего находится большую часть времени) подчинен законам соответствия своему имиджу, иллюзорно надеясь сохранить свое подлинное настоящее лицо в приватной повседневной сфере! Симулякр имиджа незаметно поглощает здесь реальность человеческого образа.

В этом же ряду стоит и образ человека, который используется как составляющая часть рекламы. Это может быть образ как известного актера, спортсмена, представителя шоу-бизнеса или публичного лица из другой сферы, так и анонимного и безличного человека, *рекламного das Man*[11], воплощающего собирательный образ, наиболее характерно представляющий рекламируемый товар в конкретном рекламном сообщении. В первом случае рекламодатель использует уже имеющийся имидж публичного лица, который в рекламе одновременно представляет и себя, и рекламируемый товар. Это частая в наше время практика – использование в рекламе публичного известного лица, скажем, имеющего положительный имидж известного актера, созданный его фильмами, поведением в СМИ и т.п. Такое лицо представляет уже *не себя, но собой* в рекламе какой-либо товар, услугу, финансовый институт и т.п. Получается, что имеющийся у актера имидж используется как *средство* продвижения рекламируемого контента, но средство, индивидуализированное и персонализированное (в отличие от просто безликих людей как части рекламного изображения). Однако участие в рекламе не проходит бесследно, так как образ человека *в определенной рекламе* уже непроизвольно влияет на трансформацию и даже формирование его нового имиджа (скажем, тесно связывая его с определенными товарами, организациями, услугами). В итоге человек помимо своей воли может становиться знаком, или визуальным сообщением,

[10] Можно подумать, что *пока* картинка с условными макаронами не может заменить реальные спагетти, но дело в том, что эти самые «реальные спагетти» все больше редуцируются к их рекламному имиджу, который для потребителя становится первичным и зачастую даже единственным означаемым. Человек ест не реальные спагетти, а то, что он купил и выбрал на основе представляемого рекламой в публичном (включая сетевое) визуальном пространстве их имиджа. Если для 60–70-х годов прошлого века были справедливы слова Р. Барта, что «желание (купить. – *Д.Д.*) вызывает не вещь, а ее имя» [Барт 2003, 34], то сейчас желание купить что-то определяется ее визуальным, в том числе цифровым, образом. В этом плане характерен, например, феномен современного искусства, чьи произведения существуют, продаются и покупаются *только* в цифровом виде, не имея своего материального оригинала.

[11] Визуально-эстетическая трансформация этого хайдеггеровского понятия в современном мире – тема отдельного большого исследования.

чуждого ему означаемого, с которым он хотел сблизится лишь на время, ради экономической выгоды, а стал в глазах людей его «лицом». Этот факт, по-моему, не учитывают многие известные люди.

Во втором случае человеческий образ полностью моделируется и редуцируется в целях рекламируемой продукции, т.е. выражаемое в нем сообщение определяется означаемым рекламы этой продукции, полностью растворено в нем, являясь исключительно его частью и не существуя самостоятельно. Человек здесь деиндивидуализируется, обезличивается, становится частью рекламной обертки. По таким рекламным образам можно изучать социально-исторические и культурно-ценностные *нормативные архетипы* представлений о человеке, о том, каким он должен быть, как выглядеть, говорить, вести себя. Особенность нацеленного на массовую аудиторию публичного изображения такова, что в нем человек предстает не непосредственно, «здесь и сейчас», а как, вспоминая известное сочинение В. Беньямина, «произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», т.е. в формате своей *массовой визуальной воспроизводимости* (фото, СМИ, Интернет), исходя из определенной, прежде всего экономической, целесообразности.

Отдельно хочется обратить внимание на все более частое использование в отечественной рекламе *образа ребенка*. Рекламодатель здесь «играет» не столько с характерной детям естественностью и непосредственностью (она его интересует в последнюю очередь, и сьемки с детьми, т.е. выстраивание их определенного визуального образа, занимают не меньше времени, чем со взрослыми), сколько с до сих пор присущим людям способом восприятия ребенка как олицетворения естественности и непосредственности, искренности и наивности, спонтанности и невинности, т.е. всего того, что должно вызвать *доверие* к рекламируемому товару. Думается, тем самым используется запрещенный прием, хотя, вспоминая известную фразу К. Маркса, какой может быть запрет в капиталистическом обществе там, где маячит выгода в 300 и больше процентов! И именно поэтому был бы разумен специальный закон, запрещающий использование в рекламных целях образа ребенка (скажем, до 16 лет), как уже запрещено в рекламе использование алкоголя и сигарет.

Впрочем, это уже отдельная тема. Все сказанное должно было выделить основные черты образа человека как визуального сообщения в рекламе, чтобы сосредоточиться на образе обычного человека, воспринятого face-to-face, в непосредственности его повседневной жизни[12].

[12] Впрочем, как мы уже отметили выше, особенностью современного мира как раз является все большее стирание границ между реальным и виртуальным существованием и, соответственно, человеческим образом. Однако здесь нам важно все-таки подчеркнуть специфику непосредственного восприятия образа человека, в котором мы видим эстетическую манифестацию его бытия.

2. Итак, чем же этот образ принципиально отличается от указанной выше семиотической модели? Еще раз подчеркнем, что необходимо четко отличать образ и изображения, ведь несмотря на то, что это однокоренные слова и действительно имеют общую визуальную основу, различия между ними принципиальны. Человек *в повседневной жизни* par excellence не является изображением (хотя, как известно, он может «изображать себя», «изображать *из* себя», «быть изображенным»)[13], но предстает образом, хотя особого рода. Это «эстетический» (αίσθητικός) феноменальный целостный чувственно воспринимаемый образ, в котором непроизвольно и спонтанно, в основном на дорефлексивном уровне, выражается и раскрывается глубинная сущность человека, то, что в немецкой философии называют «*личностность*» (*Personlichkeit*) [Hengstenberg 1957, 354–358]. В отношении такого образа не действует субъектно-объектная матрица, он не является результатом единичного, с особой сознательной установкой осуществляемого полагания, а непрестанно раскрывается, формируется и *образуется* в процессе человеческого существования. Изображение же человека как его специфическое «воспроизведение» (в визуально-пластическом искусстве, на фотографии или видео, плакате и т.п.) – тоже образ, но иной: изображение – это всегда отдельная установка кого-то изобразить другого (даже если этот другой – ты сам как alter ego) с помощью чего-то. И именно изображение чаще всего предстает материалом исследований по классической семиотике визуального образа. Так, например, совсем недавно вышедшая и очень интересная книга М. Ямпольского с характерным названием «Изображение» почти вся строится на анализе изображений в искусстве, кино и фотографии [Ямпольский 2019]. Фотографическое изображение вообще является одной из центральных тем, особенно после работ В. Беньямина, Р. Барта, С. Зонтаг и др., современного культурологического и семиотического анализа, но также оно имеет и ярко выраженное визуально-антропологическое значение [Игнатова, Аббасова 2018]. Отдельная и очень разработанная область искусствоведения, от Э. Панофского до М. Имдаля, связана с *иконологей, иконографией и иконикой*, которые представляют разработанные теории восприятия, интерпретации и понимания знаковой составляющей в визуальном живописном образе [Imdahl 1980; Панофский 2009, 23–66; Гинзбург 2019, 34–151].

Безусловно, это не означает, что семиотический подход не может быть применен и к непосредственно явленному в жизни об-

[13] Особым случаем, требующим отдельного исследования, являются проявления нарциссизма и дендизма, когда благодаря определенной установке на самоотчуждение и самообъективацию человек стремится полагать свой образ как объект эстетического изображения.

разу человека. Более того, взаимосвязь понимаемой как область чувственного восприятия эстетики, или айстезиса, с семиотикой, семиотико-эстетические исследования синестических связей, способов построения изображения, визуально-пространственных кодов, цвета, пространства и т.п. является очень актуальной и перспективной сферой изучения. Просто здесь он будет иметь свою специфику и границы, которые активно исследуются современными учеными [Чертов 2014, 180–215]. Но, конечно, визуально-антропологические исследования семиотики и эстетики человеческого образа, особенно в философской и эстетико-персоналистичной перспективе, имеют свою ярко выраженную специфику.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что живой человеческий образ не сводится полностью к сознательно полагаемой системе знаков, предназначенных донести определенное значение и быть «прочитанными» (тем более полностью, «до конца») в свете этого значения. Иначе говоря, человек не является *лишь* полагаемым «текстом», хотя, как мы увидим, элементы семиотической связки «означающее–означаемое» в его образе присутствуют. Эстетика человеческого образа стремится преодолеть бывший в классической европейской философии дуализм «образа» и «сущности», сближая их друг с другом, но без отождествления и ухода в «феноменолизм». Человеческий образ есть проявление «сущности» («личностности») человека в процессе его существования, в котором на этот процесс влияет как самоотношение, так и отношение к другим, но при этом подобная манифестация никогда не может быть полностью сознательно контролируема и полагаема (в отличие, например, от активности самополагания декартовского cogito или трансцендентального субъекта, которая основывается на изначальной и неизменяемой его данности, сформированности и самоорганизованности).

Из этого следует, что образ человека в повседневности формируется в основном непроизвольно, бессознательно, на дорефлексивном уровне, являясь результатом спонтанной манифестации его бытия, хотя, конечно, сознательная интенциональная установка в отношении формирования своего образа (или, точнее, его частей) тоже присутствует. Учитывая, что существует *автокоммуникация*, в которой человек является одновременно отправителем и получателем сообщения [*Лотман* 2000, 163–177], можно говорить и о *визуальной автокоммуникации*, т.е. автопрезентации своего образа, которая, впрочем, может включать в себя и частичное ориентирование на восприятие себя другими[14]. Человек является одновремен-

[14] В этом смысле в контексте нашего исследования большой интерес представляет история развития жанра автопортрета как классической формы визуальной автопрезентации своего образа, особенно в современном мире и искусстве [Hall 2014, 230–277].

но творцом и творением своего образа, и этот свободный, индивидуальный, способный к развитию и изменению характер своего самообразования нельзя не признать, даже если мы понимаем, что данный процесс невозможен без активного – и зачастую определяющего и даже частично предопределяющего – участия в нем нормативно-всеобщих историко-культурных, языковых, социальных, коммуникативных механизмов, воплощенных в определенной знаковой системе. Здесь уместно вспомнить подход Макса Шелера, который в своей социологии знания показал, как совмещаются и взаимодействуют «*реальные факторы*», которые создают «форму» и определяются апостериорными историко-культурными данностями (в том числе – в перспективе нашего исследования – и знаковыми составляющими эстетики человеческого образа), и «*идеальные факторы*», которые полагают «содержание», воплощающее априорные ценности с их порядком; сам Шелер рассматривал процесс такого взаимодействия как «функционализацию сущностных усмотрений» [Шелер 2011, 7–49; Малинкин 2019, 78–148]. В контексте нашего визуально-антропологического и семиотико-эстетического подхода такой подход раскрывается как способность глубинно сущностной онтологической личностности человека манифестировать себя в эстетическом, проникнутом знаковой составляющей образе с помощью всей полноты историко-культурных и семиотических форм.

Получается, что образ каждого конкретного человека характеризуется, если использовать термины синергетики, способностью к *пространственно*-временной самоорганизации, обладает уникальностью, может быть воспринят только в своей целостной неповторимой индивидуальности и не может быть дедуцирован к неким всеобщим схемам, которые, однако, в той или иной степени и в том или ином качестве задействуются в процессе такой самоорганизации. Поэтому образ человека в повседневном существовании является одновременно означающим и означаемым, т.е. он не является лишь результатом «аналогового воспроизведения» оригинала, вторичной (третичной и т.д.) эманацией, копией и подражанием некоему оригиналу. Человеческий образ предстает прежде всего как самореференция, хотя при этом в качестве вторичной или дополнительной референции он также может отсылать к референту, не связанному напрямую с ним самим. Даже если человек на дорефлексивном уровне ориентируется на какие-то нормативные стандарты в формировании своего образа (например, заданные модой), то в итоге обретенный образ представляет все равно именно этого конкретно-уникального человека. В этом он принципиально отличается от, например, изображения человека в классическом

портрете, на фотографии, в кино, на рекламе (что мы уже отметили выше) или в акте репродуцирующего воображения (здесь открывается новая связка «воображающий (субъект) – воображение (акт, способность) – воображаемый образ). Особенность такого человеческого образа в жизни мы всегда должны помнить, чтобы не сводить саму суть образа к подобной вторичности, каковая, к сожалению, закрепилась за ним в онтологической, гносеологической, эстетической перспективах начиная с античной философии и во многом сохранилась до нашего времени[15].

Также следует помнить, что образ человека является гетерогенным, т.е. он не ограничивается лишь одной языковой составляющей, а включает в себя и невербальные, соматические «знаковые системы», некоторые из которых существуют в большой степени автономности от языка. Хотя визуальный образ и имеет связь с словесным текстом, на что указывал на примере произведений живописи создатель иконологии Э. Панофский или тот же Р. Барт, но, в отличие от данных уважаемых авторов, мы стоим на точке зрения, что живой непосредственный визуальный образ человека никогда не может быть сведен к однозначному значению и коду, никогда не может быть полностью подчинен, определен, объяснен словом, понятием, нарративом. Визуальное не выводится из вербального и нарративного и, несмотря на связи с ним, является в значительной степени *самостоятельной и даже суверенной сферой*[16], а связь с языком лишь усложняет визуальный образ, а не кодирует и детерминируют его. Визуальная сфера имеет свою собственную систему знаков. Здесь уместно вспомнить о традициях *античной* физиогномики, а также, если обращаться к более современному и научному опыту, к достаточно молодой, но активно развивающейся науке биосемиотике, которая может быть применима не только к животным, но и к человеку как особому виду животного, в отношении которого культурное и природное теснейшим, вплоть до неразличения, способом переплелись (о визуальном аспекте биосемиотики см.: [Ямпольский 2019, 43–69]), а также к активно развивающейся невербальной семиотике [Крейдлин 2002]. В этой связи важно под-

---

[15] О истоках и выражениях этой дуалистической раздвоенности «сущность–образ» / «ноумен–феномен» в классической философии и способе (впрочем, также вызывающем вопросы) ее решения в феноменологии см.: [Слинин 2017].

[16] В утверждении суверенности визуальной сферы мы опираемся в том числе на прозрения Леонардо да Винчи, который практически первым в европейской культуре так четко и недвусмысленно заявил о несводимости зримой области к языку и даже ее превосходстве, так как «живописец сделает бесконечно много таких вещей, каких нельзя наименовать словами за отсутствием подходящих для них названий» (цит. по: [Зубов 2008, 182]; подробней об оценке Леонардо сферы видимого и, в частности, визуального образа см.: [Зубов 2008, 149–196].

черкнуть, что хотя образ человека можно рассматривать в разных отдельных семиотических перспективах, но его целостный эстетический образ *интегрирует в себе* все эти составляющие, причем такой предельный синтез осуществляется *спонтанно и непроизвольно* (хотя отдельные его элементы могут контролироваться и сознательно полагаться человеком).

Поэтому, даже если понимать образ человека как знаковую систему, то бесспорная уникальность этой системы заключается в том, что она не только представляет собой определенное *семиотическое значение*, но и являет *личностно-эстетический смысл*. Кроме того, человек как визуальное семиотическое самоорганизующееся сообщение способен воспринимать значения других знаковых систем, в том числе воплощаемых другими людьми, причем не только воспринимать, а также и меняться в процессе и вследствие этого восприятия, носящего *визуально-интерсубъективный* характер. Перед нами, следовательно, открытая, способная к диалогическому саморазвитию смысловая система. Здесь эстетика и семиотика человеческого образа могут и должны учитывать установки и принципы синергетики.

3. Несмотря на все сказанное, а точнее, благодаря ему, образ человека может быть рассмотрен как сообщение, только, конечно, особого рода. Вслед за Р. Бартом, выделившим на примере рассмотрения изображения рекламы макарон «Падзани» три уровня сообщений – языковое; имеющее свой код иконическое, или денотативное; не имеющее кода иконическое, или коннотативное, или символическое [Барт 1994, 298–312], постараемся вычленить свои уровни сообщений и для образа человека.

Несомненно, языковое сообщение для человека является основным. Действительно, трудно не согласиться, что именно языком – письменным и устным – человек чаще всего пользуется для передачи сообщения[17]. Как отметил еще Аристотель, человек есть *общественное животное* (*zoon politikon*), и основой государства является именно общение, прежде всего языковое, благодаря которому человек вовлечен в интерсубъективную коммуникацию, понимаемую в XX веке через взаимосоотнесенность Я и Другого. Когда человек хочет сообщить что-то другому человеку, естественней всего это сделать, обратившись к нему с соответствующими словами. Следовательно, языковое сообщение зачастую предполагает наличие осознанного интенционального намерения, «степень» которо-

[17] Мы сейчас не будем останавливаться на *метафизике языка*, характерной как для философов, например М. Хайдеггера, так и для поэтов, например И. Бродского, для которых не человек использует язык, а, скорее, наоборот: язык использует человека [Дорофеев 2021а]; мы рассматриваем повседневное отношение к языку как средству коммуникации.

го такова, что позволяет ему реализоваться в действительности, in actu. Так, желая купить билет в театр, я подхожу к кассе и прошу у кассира билет на балет «Ромео и Джульетта» на Новую сцену Мариинского театра на 30 июня; или, если я хочу написать письмо другу или родственнику, в котором собираюсь рассказать о последних важных событиях своей жизни, я сажусь за стол и пишу его. Данное интенциональное намерение очень характерно, по нему можно сделать о человеке определенные выводы: например, что он хочет пойти на классический балет или что в прошлом месяце он сделал у себя в квартире ремонт.

Правда, связь между намерением и выражающим его действием может быть намного сложней и разнообразней простой, лежащей на поверхности причинно-следственной связи. Так, человек может пойти в Мариинский не потому, что он любит оперу, а потому, что ему нужно куда-то девать время, он хочет сделать приятное жене, предполагает добиться благосклонности партнера или начальника и т.д. Поэтому еще более значимой, индивидуально выразительной и представляющей богатую информацию о говорящем является *форма*, в которой воплощается данное интенциональное намерение. То, *как* говорит человек, с семиотической и герменевтической точек зрения является зачастую более ценным материалом, чем то, *что* он говорит. И связано это прежде всего с тем, что форма или способ речи (устной и письменной) намного сложнее поддается сознательному регулированию, в результате чего в ней проявляется нерефлексируемое говорящим содержание, которое раскрывает его помимо его же воли, непроизвольно[18]. Более того, сама такая форма может скорректировать значение интенционального намерения в глазах воспринимающего. Продолжая наш пример, намерение купить билет в Мариинский театр выражается в конкретной фразе, обращенной к кассиру, и от того, как строится эта фраза, какие слова и грамматические обороты она использует, с какой интонацией произносится и т.д., и все это может многое сказать о данном человеке. При этом стоит подчеркнуть, что письменная речь также обладает способностью непроизвольно манифестировать человека (особенно того, для кого она не является постоянным способом самовыражения, а таких большинство), но несколько иначе, более опосредованным и специфическим способом, чем устная.

Однако для анализа визуального образа человека характерна прежде всего именно устная речь, которая является неотъемле-

[18] Кстати, поэтому до сих пор из всех составляющих человеческого образа именно устная речь не поддается моделированию: человек может изменить себе имя, пол и внешность, но он не может искусственно и радикально изменить тот способ владения языком, ту «языковую игру», которая характеризует его личный образ.

мым от соматической составляющей способом непосредственного представления человека, и в этом смысле характеризуется нередуцируемой *субъективацией*. Лингвисты, например Э. Бенвенист, уже подробно анализировали *субъективность в языке*, в первую очередь устном, поскольку «основание субъективности лежит в самом процессе пользования языком», в котором человек представляет себя как «субъекта» посредством использования грамматической формы первого *лица* (например, в перформативных суждениях) [Бенвенист 2002, 292–301]. Но устная речь представляет субъективность не только лингвистическую, но и *визуально-эстетическую*, т.е. *личное лицо говорящего как его целостный эстетический образ*. Как суждения вкуса у Канта не могут не быть субъективными, так не может не быть субъективной и устная речь человека. Письменная речь, конечно, также может формировать визуальный образ пишущего (или подготавливая таким способом ожидания, которые могут при встрече совпадать или не совпадать с реальностью, или даже не нуждаясь в продолжении, как это было в «дистанционном» эпистолярном романе Цветаевой и Рильке), но заочно, и в этом процессе определяющую роль играет творческая активность воображения воспринимающего (что, наверное, наибольшей степени проявляется при чтении литературы). Устная же речь как способ *визуальной интерсубъективной коммуникации*, *face-to-face*, является неотъемлемой и очень существенной частью манифестации своего образа и восприятия образа другого. Здесь видимое, слышимое, тактильное, обонятельное как бы синтезируются в акте восприятия, взаимно дополняя друг друга в феномене синестезии и формируя то, что Вальтер Беньямин называл «*аурой присутствия*», т.е. особым эстетическим ощущением непосредственной, телесно ощутимой встречи с уникальной феноменальной целостностью, не поддающейся «технической воспроизводимости» [Беньямин 2019, 291]. Современная философская аналитика аудиовизуальных коммуникаций показывает, что устная речь характеризуется важнейшей *автопластической функцией*, представляя человека, его воздействие на другого и восприятие другим не столько в форме рационально выверенных слов и значений, а посредством *магии звука и визуального образа*, характеризующих феномен *суггестивности* [Марков 2011, 112–124]. И действительно, взятый во всей своей целостности визуальный образ человека подчас больше и точнее говорит о нем, чем любые его слова.

При этом очень часто в повседневной жизни человек говорит без имеющегося у него специального интенционального намерения донести какое-то конкретное сообщение, но при этом такая речь с ее фонологией, морфологией, характерной автопластичностью

всегда очень много говорит о нем, поскольку представляет субъективность говорящего. Поэтому важно, что этой намеренностью не ограничивается сообщение, более того, часто наиболее полную картину об образе человека мы получаем благодаря тому, что выражается ненамеренно, непроизвольно, спонтанно (это особенно характерно для устной речи, хотя справедливо и для письменной, учитывая, правда, ее более «искусственный» характер). Такая речь не моделируется специальной установкой и не определяется необходимостью подчиняться тем или иным нормативным критериям или требованиям, а потому в ней человек раскрывается более непосредственно. Устная речь, особенно в естественном пространстве повседневной жизни, контролируется и полагается сознательной установкой лишь частично и в сравнительно незначительной степени. Такой контроль касается прежде всего именно интенционального намерения, а форма, в которой оно реализуется, уже определяется дорефлексивными механизмами, культурно-образовательным уровнем и в целом глубинными характеристиками говорящего. Каждый, наверное, знает, что невозможно, если это не заученный заранее текст, иметь «про себя» полный черновик того, *как* и даже с точностью *что* говорить в данный момент. Перед нами *спонтанная хезитация устной речи*. Иначе говоря, здесь о человеке может больше говорить даже не то, что он сказал, а то, как сказал.

Для этого в семиотике выделяют соответственно денотативный и коннотативный характер сообщения. Так, например, близкие по значению слова могут по-разному восприниматься, интерпретироваться и оцениваться в отношении говорящего в разных контекстах разными людьми (сравните, например, петербургскую «парадную» и московский «подъезд»). К этому следует добавить, что еще Станиславский подметил, что у языковых выражений есть «*текст*», т.е. их явное значение, и «*подтекст*», значение скрытое (соответствующие денотативному и коннотативному значению сообщения в семиотики). Если денотативное значение в сообщении часто определяется намерением человека и потому может им в определенной степени контролироваться и полагаться, то коннотативное чаще всего проявляется непроизвольно, и именно оно больше и точнее всего может свидетельствовать о человеке. Денотативный уровень сообщения говорит не только о сознательном намерении человека, но и о том, какие слова, обороты, грамматические конструкции и тому подобное были выбраны для этого сообщения, в котором уже проявляется образ говорящего, и чем сложнее это сообщение, тем полнее он будет раскрываться. Причем отметим, что выбор форм этого «как» лишь частично регулируется сознательной установкой говорящего, в основном это проявление *спонтанно самоорганизован-*

ного потока устной речи, в котором визуальный проявляется со всей непосредственностью и полнотой.

И все же, как кажется, именно коннотативный уровень сообщения выразительнее всего свидетельствует о человеке. Так, можно указать на такой основополагающий механизм суггестивности устной речи, как фонетическая (звуковая, акустическая) составляющая слов, которая почти никогда не осознается и не учитывается в повседневной речи и применяется в основном бессознательно, на дорефлексивном уровне, а не как результат осознанного выбора, но при этом имеет огромное значение, зачастую определяя смысл сообщения (вот почему к ней всегда так внимательны поэты) и даже влияя на эстетический образ произносившего эту фразу в глазах того, кто ее воспринимает. Поэтому такая феноменально-эстетическая сторона словоупотребления является частью целостного образа человека и может очень много сообщить о человеке, который во многом обнажается в том, что и особенно как он говорит[19].

При этом стоит особо подчеркнуть, что способ речи и ее восприятия очень тесно, вплоть до неразличения, связан с визуальным образом человека – в непосредственном общении мы ведь воспринимаем не отдельные слова, выражения, фразы с их значениями, а *слушаем человека во всей целостности его образа*, в том числе визуального. И визуальная составляющая человеческого образа также может влиять и даже определять значения и смысл услышанного, как, впрочем, и наоборот: характер устной речи может заставить нас изменить оценку и значение восприятия визуального образа. Кроме того, формально абсолютно тождественные языковые сообщения, даже если в мыслительном эксперименте допустить такую возможность, в устах двух разных людей в контексте (топосе) их произнесения и с учетом разницы воспринимающих будут восприняты различно. Поэтому сюда стоит отнести не только такие субъективные составляющие самой устной речи, как интонация, хезитация, спонтанная ритмика, громкость и т.п., но и выражение лица, положение тела, манера обращения, особенности внешности, стиль одежды и т.п. Получается, что знаки языка объединяются и даже вступают в диалог со знаками собственно целостного визуального образа человека, предопределяя, трансформируя или взаимодействуя друг с другом, представляя единое, понимаемое в расширенном смысле феноменально-эстетическое сообщение. Тем

[19] Здесь нужно отметить, что эстетический смысл такого образа формируется в глазах воспринимающего его непроизвольно, на дорефлексивном уровне, и преимущественно он не доходит до сознательной рефлексии, которая вступает в дело по отношению к этому образу человека лишь при наличии особой сознательной эстетико-герменевтической установки у воспринимающего.

самым я хочу подчеркнуть, что общий смысл произнесенной фразы складывается для воспринимающего ее не только (а иногда и не столько) благодаря собственно языковым, вербальным факторам, в отношении которых изначально семиотика и вводила разделение на денотативный и коннотативный характер высказывания, но и невербальным, образным, визуально-эстетическим, фонетическим, соматическим, и хотя разделить их подчас очень затруднительно, все же нередко именно последние оказываются определяющими.

4. В дальнейшем мы будем применять различие между денотативным и коннотативным в более широком контексте, т.е. не ограничиваясь лишь языковой сферой, но используя его и по отношению к сфере собственно визуальной, или эстетической. Как мы только что отметили, эти две сферы трудно разделить. Даже в повседневной жизни, когда мы сталкиваемся в общественном пространстве (в метро или на улице) с незнакомыми людьми, то очень часто воспринимаем их говорящими – или со своим непосредственным спутником или, что является знаком нашего времени, по гаджету[20]. Большой, с точки зрения семиотики и эстетики человеческого образа, «плюс» восприятия такой речи в том, что говорящий в момент разговора не предполагает быть воспринятым «со стороны», и потому он наиболее «естествен», спонтанно-непроизволен, позволяя в своем употреблении языка наиболее полно раскрыться своему Я. Язык, точнее, индивидуально-уникальный способ употребления языка вообще обнажает человека, хочет он того или нет. Однако все же часто мы воспринимаем человека не говорящим, и вот тут на первое место выступают или лишь опосредованно связанные с языком, или вовсе не вербальные, а иконические знаки человеческого образа (впрочем, всегда нужно помнить, что невербальная коммуникация человека не противопоставляется языку и тем более не исключает его, а всегда соотнесена с ним, как невербальная коммуникация языкового существа).

Воспринимаемый человек дает нам множество знаков, и обычно только малая часть их, определяемая особенностями самого воспринимающего, акта восприятия и места (топоса) восприятия, нами «прочитывается». Пример Шерлока Холмса и его метода, который мы подробно изучили именно в этом контексте [Дорофеев 2021b, 44–52], показывает, как можно быть максимально внимательным к знакам-деталям образа человека, теряя, правда, при этом его

[20] Разговор по гаджету – это вообще отдельная, используя актуальный термин Л. Витгенштейна, «языковая игра» со своими специфическими знаковыми особенностями и трансформациями человеческого образа, которые требуют отдельного изучения и которые мы здесь лишь отмечаем; ограничимся лишь указанием на то, что этот тип языковой коммуникации все больше определяет собой человеческую речь, вытесняя и подчиняя себе другие способы общения.

эстетическую личностную целостность (ведь знаменитый сыщик «прочитывал» эти знаки как информативно-фактологические сообщения, а не личностно-эстетические). И из этих знаков большая часть – те, которые не «отправляются» сознательно адресату, более того, некоторые из них самим человеком могут и не оцениваться как знаки и даже просто не осознаваться, однако именно они несут конкретное сообщение о человеке. Сам способ существования человека как *бытия-в-мире* (*Sein-im-Welt*), человека, вовлеченного в определенное историко-культурное пространство, заброшенного в своей конкретный «*жизненный мир*» (*Lebenswelt*) и к тому же соприкасающегося каждый миг со множеством обстоятельств, вещей, людей, оставляющих на нем тот или иной след, – все это делает человека определенной «книгой», текст которой быстрее или медленнее, но постоянно меняется. Буквы, или знаки, этого текста можно сравнить с постоянно находящимися в движении и трансформирующейся самоорганизации древнегреческими атомами или буддийскими дхармами. Образ человека всегда воплощает собой целую сумму определенных знаков, по которым внимательный взгляд может многое сказать о нем, и постоянно оставляет следы своего присутствия, в которых каждый человек также, пусть и более опосредованно, проявляет себя. Как говорил сам знаменитый лондонский сыщик, «бытие представляет гигантскую цепь, и по одному ее звену можно судить о целом». Звено здесь – это некоторый присутствующий в воспринимаемом образе человека знак, по которому можно сделать вывод и прийти к определенному заключению о нем, важно лишь быть предельно внимательным и наблюдательным к этим деталям (анализ), обладать искусством логического вывода и умозаключения, иметь обширный запас соответствующих знаний, необходимых в качестве материала для таких выводов, и прекрасную память, иметь творческое воображение и интуицию для синтеза всех этих деталей в единое целое. Конечно, не все обладают такими способностями и знаниями в «прочитывании» воспринимаемого образа человека, как Шерлок Холмс, да большинству это и не нужно. Кроме того, строго необходимое, почти детерминистическое заключение на основе логических умозаключений о целом (образе) на основе части (знака) не является единственным и даже основным подходом к восприятию знаков человеческого образа. Достойной и даже более предпочтительной альтернативой ему может быть *личностно-эстетическое восприятие человеческого образа*, основанное на особого рода *эстетической интуиции* (некоторый аналог которой представляет кантовский вкус), интегрирующей и синтезирующей все знаки в целостный образ. Такая установка и лежит в основе развиваемой нами эстетики человеческого образа.

Впрочем, это не мешает самому воспринимающему видеть в них знаки, значение которых создается самим актом или в самом акте их восприятия[21]. Именно на этом держится многовековая, сохранившаяся до наших дней традиция физиогномики, сюда же относится и первичный уровень биосемиотики, связанный с семиотикой биометрических показателей, расы, национальности, роста, цвета волос и глаз, формы лица и черепа, типа сложения и т.п. Мы, однако, сейчас оставим этот уровень и перейдем сразу к социокультурным знакам.

Итак, следующий уровень сообщения – денотативный, т.е. уровень «буквального» значения. Мы заключаем понятие «буквальное» в кавычки, поскольку, конечно, любое визуальное изображение пронизано знаковыми коннотативными системами, и в нем всегда видят больше, чем его непосредственную фактичность; более того, такой фактичности, строго говоря, и нет. Собственно визуальный образ никогда не ограничивается фактически увиденным и не сводится к нему, ведь он образуется из *воспринимающего* (его истории, «биографии», смысловых преддaностей – всего того, что гуссерлевская феноменология призывала подвергнуть редукции и эпохэ, а герменевтика, напротив, признавала основой и условием понимания), *акта восприятия*, *контекста и пространства* (*топоса*), в котором этот акт осуществляется, *установки*, которая определяет восприятие, его цели и функции, и, наконец, самого *воспринимаемого образа*. Неудивительно, что Р. Барт называет денотативное изображение, полностью лишенное коннотаций, утопическим, непорочным, «адамовым модусом изображения» [Барт 1994, 308–309]. И все же в образе воспринимаемого в повседневной жизни человека есть семиотические сообщения, которые считываются окружающими без дополнительных знаний и усилий как в общем и целом очевидные для данного окружения; это как бы видная всем семантическая вершина айсберга, вглубь которого каждый проникает уже в меру своих способностей, целей, намерений. Ролан Барт, напомню, называет его «иконическим сообщением без кода»[22]. По этой причине такие сообщения в основном воспринимаются непроизвольно, на дорефлексивном уровне, не выделяясь сознанием и подвергаясь рефлексии лишь по мере необходимости (например, в особой установке ученого-семиотика).

[21] Примером может служить эстетика природы: воспринимая ее, человек, даже если он атеист, может находить в ней глубокий смысл, хотя он никем не вкладывался в нее, и потому за ней не стоит Бог как ее создатель, что характерно для восприятия верующего.

[22] «Задача денотативного сообщения состоит в том, чтобы натурализовать сообщение символическое, придать вид естественности семантическому механизму коннотации… сам факт отсутствия кода, придавая знакам культуры видимость чего-то естественного, как бы лишает сообщение смысловой направленности» [Барт 1994, 312].

Как представляется, таким «буквальным» означающим в визуальном образе человека для воспринимающего его будут *тело и одежда*, причем взятые не по отдельности, а вместе, как неразделимые части единого визуального образа[23]. Конечно, тело и одежда могут полагаться как специально создаваемые означающие, вокруг которых и формируется весь человеческий образ, и тогда они будут, что называется, «бросаться в глаза» – возьмем, например, культуристов 80–90-х годов или «стиляг» 60-х годов прошлого века. Однако обратимся к тем случаям, когда одежда в качестве денотативного сообщения является естественной для его носителя. Характерный архетипичный пример здесь – военная форма, которая сразу и без каких-то дополнительных знаний позволяет окружающим воспринимать, или «прочитывать», человека в ней определенным образом (аналогом этому в разное время могли быть фирменные джинсы, кроссовки, малиновые пиджаки, толстые золотые цепи и т.д.). Но такое денонативное сообщение может быть сознательно-намеренным, интенциональным, когда одежда *акцентированно* подчеркивает определенное значение (например, ветеран-фронтовик надевает в День Победы свою форму), или естественно-непроизвольным, повседневным, когда, например, военнослужащий каждый день надевает свою форму, отправляясь на службу. Но в обоих случаях, хотя в каждом по-своему, одежда будет выступать денотативным маркером, находящимся на поверхности буквальным значением, очевидным означающим человека, хотя и имеющим свою *семиотическую иерархию*, а значит, и характеристику *относительной очевидности*[24]. Действительно, не нужно специального знания кода, чтобы воспринять грязную, дырявую, неряшливую одежду как означающее определенного образа человека, ее носящего; однако, например, дырявые – но определенным, «модным» способом – джинсы уже отсылают к совсем другому означаемому. Также есть щетина, свидетельствующая о периоде длительного запоя, и есть щетина в стиле Drei-Tagen-Bart, говорящая об особенно внимательном, чуть ли не эстетском ухаживании за своим лицом. И чаще всего эти отличия, не сильно разнящиеся друг от друга по форме, но принципиально разные по содержанию своего значения, безошибочно дифференцируются в акте повседневного восприятия образа человека. Одежда и соматический образ человека, его внешность, вообще могут много сообщить о нем – о месте проживания, роде занятий, социальном и экономическом положении,

[23] Поэтому Маклюэн даже рассматривал одежду как «нашу разросшуюся кожу» [Маклюэн 2014, 135–139].

[24] Так, всем россиянам известны основные параметры военной формы, но далеко не все могут по ней определить род войск или звание.

характере, складе и темпераменте, привычках, культурной и ценностной идентичности и т.д. Но главное – они являются неотъемлемой составляющей индивидуального целостного эстетического образа, и их нужно рассматривать в его контексте, а не отдельно (как делают, например, физиономисты, для которых язык тела заслоняет и определяет собой все остальное).

Теперь обратимся к иконическому знаку человеческого образа, требующему знания определенного кода, делающего сообщение иконографического изображения коннотативным, или символическим, позволяя говорить здесь о более семиотически скрытой эстетике человеческого образа. В своей статье о рекламном сообщении Барт писал, что люди XX века живут в «коннотативной цивилизации», поскольку в мире, пронизанном рекламой, «коннотация, словно контрабандный товар, прячется в первичном сообщении, сообщающем ей свою невинность» [Барт 2003, 412–413]. В начале XXI века присутствие, значение и влияние коннотаций еще более увеличилось, но стало воплощаться в первую очередь в визуальном образе.

Прежде всего отметим широкое, взятое в эстетико-антропологической перспективе понимание кода – это не некий шифр, применение которого дает единственный правильный ответ, это, скорее, некая модель, которая не столько создается воспринимаемым образом, сколько формируется в самом акте воспринимающего его субъекта. Здесь не может быть одного-единственного «прочтения» означающего в воспринимаемом образе хотя бы только потому, что это означающее не есть результат сознательного интенционального полагания означаемого, т.е. самого человека. Перед нами не отдельный знак или сумма отдельных знаков человеческого образа, перед нами сам визуальный образ предстает в своей целостности как эстетическое означаемое. Барт отмечает, что «сама «композиция» изображения предполагает наличие определенного эстетического означаемого примерно так же, как речевая интонация, обладая супрасегментным характером, тем не менее представляет собой дискретное языковое означающее» [Барт 1994, 312].

Если это справедливо для изображения на фотографии, то еще более эта эстетическая составляющая, раскрывающаяся в качестве коннотативного сообщения, характерна для восприятия образа живого человека в повседневной жизни. Как фонетика, интонация и коннотации речи могут быть важнее денотативного уровня языкового сообщения, напрямую полагая, раскрывая, изменяя его значение, так и эстетическая коннотация человеческого образа определяет его смысловую целостность, с одной стороны, фундируя собой, а с другой – впитывая, интегрируя, синтезируя в себе все

многочисленные частные означающие. Конечно же, для восприятия сообщения такой эстетической коннотации образа необходимо уже иное, более глубокое, внимательное, сосредоточенное, направленное на схватывание уникально-индивидуального компонента, *личностное*, если угодно, восприятие, нежели восприятие, направленное на выделение какого-то отдельного, одного или нескольких, знака, сообщение которого выступает определяющим для общей оценки образа. Это и не удивительно, ведь *эстетический смысл не локализован в каком-то конкретном иконическом знаке*, его трудно конкретизировать и локализовать, его невозможно вычленить, он не поддается четкой референции, формализации, схематизации, он подвижен, ускользая от какой-либо определенности, словно боясь быть захваченным какой-то одной интерпретацией и быть редуцированым к ней. Такой смысл Ролан Барт называл открытым, или третьим смыслом, *наряду с информационным и символическим* [Барт 2015, 59–97]. Его также можно сравнить с употребленным выше понятием ауры Вальтера Беньямина, которая окружает не только исторически аутентичные предметы, но и неуловимо, как туман, обволакивая, даже подчас завораживая и подчиняя воспринимающего его, исходит от эстетического образа человека.

Эстетический образ человека, представляющий собой такое коннотативное сообщение, не является формально заданным, а потому может быть воспринят, или «прочитан», разными людьми по-разному. Барт подчеркивал, что число возможных прочтений одного и того же изображения индивидуально варьирует, неся в себе как в определенной смысловой системе множество различных языков, которые способны актуализировать и мобилизировать в воспринимающем эту систему различных словарей [Барт 1994, 313–314]. Этим признается принципиальная множественность как смысловой системы воспринимаемого, так и смысловой системы воспринимающего. Опять повторимся: если это справедливо для изображения, то в несказанно большей степени это раскрывается при восприятии образа человека. И, что особенно важно, индивидуальная вариативность прочтения воспринимающим воспринимаемого не является произвольной (это отмечает и Барт по отношению к изображению), поскольку множественность языков означающего последнего (впрочем, не хаотично разделенная, а воплощенная в некую эстетическую целостность) активирует собой некоторый конкретный словарь из имеющейся множественности словарей для «прочтения» у воспринимающего.

Можно сказать, что человек как визуальное сообщение немыслим без того, кто принимает, воспринимает это сообщение, причем каждая из двух взаимосоотнесенных в некой синергии сторон

отличается своей собственной специфической активностью. Перед нами *визуальная интерсубъективность и взаимосоотнесенность Я (воспринимающего образ) и Ты (воспринимаемого образа)*, в которой каждая сторона не существует отдельно от другой, и смысл образа есть результат *встречи* двух этих сторон. Иначе говоря, здесь нет противопоставления активной спонтанности полагающего и рецептивной пассивности принимающего, воспринимаемого и воспринимающего, субъекта образа и его реципиента: это двусторонний, взаимный процесс. По этой же причине эстетический образ человека никогда не может быть исчерпан, объективирован, прочитан-воспринят *до конца*, никогда нельзя сказать, что вот это восприятие абсолютно аутентично, объективно, законченно. Любой образ, и образ человека par excellence, – *открытый образ*. Восприятие образа всегда субъективно, и эта субъективность есть один из множественных способов прочтения воплощенного в эстетической образности человека означаемого, являющегося той целостностью (наподобие трансцендентальной идеи Канта), которая никогда полностью не дана в опыте восприятия (всегда предстающим конечным, конкретным, субъективным), но которая фундирует собой условие и возможность такого опыта в множественных актах восприятия. В определенном смысле у каждого воспринимающего здесь свой собственный воспринимаемый образ человека, и при этом сохраняется личностная эстетическая тождественность последнего, но только не застывшая, неизменная и изначально заданная (наподобие трансцендентального субъекта), а открытая, развивающаяся, изменяющаяся. Еще и поэтому так важно *уметь видеть личностно-эстетический смысл* человека за открытым для восприятия визуальным сообщением его разнородных знаков, при этом понимая и отдавая должное семиотике человеческого образа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Барт 1994 – *Барт Р.* Риторика образа // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 297–319.

Барт 2003 – *Барт Р.* Система моды: статьи по семиотике культуры / пер. с фр. С. Зенкин. М.: Изд-во Сабашниковых, 2003.

Барт 2015 – *Барт Р.* Третий смысл. М.: Ad Marginem, 2015.

Бенвинист 2012 – *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: URSS, 2012.

Беньямин 2019 – *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Судьба и характер. М.: Азбука-классик, 2019. С. 284–330.

Бернатоните 2018 – *Бернатоните А. К.* Соотношение личного и творческого начала в создании актерского образа // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 1 (15). С. 120–134.

Гинзбург 2019 – *Гинзбург К.* Загадка Пьеро: Пьеро дела Франческо. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Дорофеев 2015 – *Дорофеев Д. Ю.* Эстетика человеческого образа в жизни и иконография античных философов в искусстве // ΣΧΟΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9, вып. 1. С. 142–157.

Дорофеев 2021a – *Дорофеев Д. Ю.* Религиозная метафизика и поэтика языка Иосифа Бродского (к 80-летию поэта со дня рождения поэта) // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 100–110.

Дорофеев 2021b – *Дорофеев Д. Ю.* Аналитика и дедукция человеческого образа: философско-эстетическое переосмысления метода Шерлока Холмса // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. XVIII, вып. 2. С. 44–52.

Зубов 2008 – *Зубов В. П.* Леонардо да Винчи. М.: Наука, 2008.

Игнатова, Аббасова 2018 – *Игнатова И. С., Аббасова А. А.* Визуально-антропологический анализ фотографии // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 1 (15). С. 171–178.

Крейдлин 2002 – *Крейдлин Г.* Невербальная семиотика. М.: НЛО, 2002.

Лотман 2000 – *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2002.

Маклюэн 2014 – *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014.

Малинкин 2019 – *Малинкин А. Н.* Понятие феноменологии Макса Шелера. Шелер vs Гуссерль. М.: Русская школа, 2019.

Марков 2011 – *Марков Б. В.* Люди и знаки. Антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011.

Панофский 2009 – *Панофский Е.* Этюды по иконологии. СПб.: АВС-классик, 2009.

Слинин 2017 – *Слинин Я. А.* Последствия феноменологической редукции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33, вып. 4. С. 490–527.

Флоренский 1992 – *Флоренский П., свящ.* Имена. М.: Купина, 1992.

Чертов 2014 – Чертов Л. Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянских культур, 2014.

Шелер 2011 – *Шелер М.* Проблемы социологии знания / пер. с нем. А. Н. Малинкин. М.: Институт общих гуманитарных исследований, 2011.

Якобсон 2011 – *Якобсон Р.* Формальная школа и современное русское литературоведение. М.: Языки славянских культур, 2011.

Ямпольский 2019 – *Ямпольский М.* Изображение: курс лекций. М.: НЛО, 2019.

Dorofeev, Tomashchikova 2021 – *Dorofeev D. Yu., Tomashchikova S.* Formation of Nietzsche's Image of a Person and Its Representation in Modern Media // ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics. 2021. № 4 (30). P. 293–312.

Hall 2014 – *Hall J.* The Self-Portrait. A Cultural History. London: Thames & Hudson, 2014.

Harrison 2003 – *Harrison C.* Visual Social Semiotics: Understanding How Still Image Make Meaning // Technical Communication. 2003. Vol. 50 (1). P. 46–60.

Hengstenberg 1957 – *Hengstenberg H.-E.* Philosophishe Anthropologie. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 1957.

Imdahl 1980 – *Imdahl M.* Giotto. Arenafresken: Ikonographie, Ikonologie, Ikonik. Munchen: Fink, 1980.

Macfarlane 2020 – *Macfarlane A.* Anthropology and Third Information Revolution // Visual Anthropology. 2020. Vol. 33, is. 33. P. 197–211.

REFERENCES

Barthes, R. (1994). *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics] (pp. 297–319). Translated from French. Progress.

Barthes, R. (2003). *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [The fashion system. Articles on the semiotics of culture]. Translated from French by S. Zenkin. Izdatel'stvo Sabashnikovykh.

Barthes, R. (2015). *The third meaning*. Ad Marginem. (In Russian).

Benjamin, W. (2019). *Fate and character* (pp. 284–330). Azbuka-klassik.

Benveniste, E. (2012). Problems in General Linguistics. URSS, (In Russian).

Bernatonite, A. K. (2018). Correlation of personal and creative beginning in creating of the actor's image. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, *1*(15), 120–134. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-1-120-133

Chertov, L. F. (2014). *Znakovaya prizma. Stat'i po obshchey i prostranstvennoy semiotiki* [Sign Prism. Articles on General and Space Semiotics]. Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Dorofeev, D. Yu. (2015). Aesthetics of the human image in life and the iconography of ancient philosophers in art. *Schole*, *9*(1), 142–157. (In Russian).

Dorofeev, D. Yu. (2021). Religious Metaphysics and Poetics of the Language of Joseph Brodsky (to the 80th Anniversary of the Poet's Birth). *Voprosy filosofii*, 1, 100–110. (In Russian). https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-1-100-110

Dorofeev, D. Yu. (2021b). Deduction and Analysis of the Human Image: A Philosophical and Aesthetic Investigation of Sherlock Holmes Method. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, *XVIII*(2), 44–52. (In Russian). https://doi.org/10.31079/1992-2868-2021-18-2-44-52

Dorofeev, D. Yu., & Tomashchikova. S. (2021a). Nietzsche's Self-Image-Forming and Its Representation in the Postmillennial Media. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, *4*(30), 293–312. https://doi.org/10.23951/2312-7899-2021-4-293-311

Florenskiy, P., priest. (1992). *Imena* [Names]. Kupina.

Ginzburg, C. (2019). *The Enigma of Piero: Piero Della Francesca*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Hall, J. (2014). *The Self-Portrait. A Cultural History*. Thames&Hudson.

Harrison, C. (2003). Visual Social Semiotics: Understanding How Still Image Make Meaning. *Technical Communication*, *50*(1), 46–60.

Hengstenberg, H.-E. (1957). *Philosophishe Anthropologie*. Verlag W. Kohlhammer.

Ignatova, I. S., & Abbasova, A. A. (2018). Visual-Anthropological Analysis of Photos. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, *1*(15), 171–178. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2017-2-155-164

Imdahl, M. (1980). *Giotto. Arenafresken: Ikonographie, Ikonologie, Ikonik*. Fink.

Jakobson, R (2011). *Formal'naya shkola i sovremennoe russkoe literaturovedenie* [The formal school and modern Russian literary criticism]. Translated from Czech. Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Kreydlin, G. (2002). *Neverbal'naya semiotika* [Non-Verbal Semiotics]. NLO.

Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphere]. Iskusstvo-SPb.

Macfarlane, A. (2020). Anthropology and Third Information Revolution. *Visual Anthropology*, *33*(33) 197–211.

Malinkin, A. N. (2019). *Ponyatie fenomenologii Maksa Shelera. Sheler vs Gusserl'* [The concept of phenomenology by Max Scheler. Scheler vs Husserl]. Russkaya shkola.

Markov, B. V. (2011). *Lyudi i znaki. Antropologiya mezhlichnostnoy kommunikatsii* [People and signs. Anthropology of interpersonal communication]. Nauka.

McLuhan, G. M. (2014). *Understanding media: The extensions of man*. Kuchkovo pole. (In Russian).

Panofskiy, E. (2009). *Etyudy po ikonologii* [Studes in Iconology]. ABC-klassik.

Scheler, M. (2011). *Problems of a Sociology of Knowledge*. Institut obshchikh gumanitarnykh issledovaniy. (In Russian).

Slinin, Ya. A. (2017). On the Consequences of Phenomenological Reduction. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, *33*(4), 490–527. (In Russian). https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.410

Yampol'skiy, M. (2019). *Izobrazhenie. Kurs lektsiy* [Image. Lecture course]. NLO.

Zubov, V. P. (2008). *Leonardo da Vinci*. Nauka. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 01.28.2022
Материал поступил в редакцию после рецензирования 28.08.2022

UNE ALGOLOGIE NARRATIVE

Ch. Joussellin
Université Paris-Diderot, France
charles.joussellin@aphp.fr

Farida G. Mailenova
Institut de Philosophie, Académie russe des Sciences, Russie
farida.mailenova@gmail.com

L'approche du traitement de la douleur décrite dans cet article est appelée «algologie narrative» (la narration est une mise en récit du vécu ou de l'histoire, l'algologie est la discipline de la médecine qui étudie la gestion de la douleur). La combinaison de soins médicaux, de psychothérapie et de techniques d'hypnose est complétée par l'accueil et un travail sur l'histoire personnelle unique du patient. La réflexion philosophique des auteurs sur l'approche de l'expérience pratique montre avec quelle efficacité il est possible d'écouter attentivement une personne qui souffre non pas de la douleur, mais de ses conséquences sociales. Si la douleur dure longtemps et reste inexpliquée par la biotechnologie médicale, celle-ci devient suspecte et conflictuelle au sein d'une société humaine qui marginalise la personne douloureuse. Dans cette situation, la narration, essentielle à la condition humaine, propose un chemin de possibles apaisements avec une réinsertion sociale. Cependant, la complexité de cette méthode narrative, malgré son apparente simplicité, réside dans le fait que la douleur est non seulement difficile à exprimer et à décrire à une autre personne. Nous sommes obligés soit de décrire la douleur par métaphore, en essayant de la «capturer» d'une façon ou d'une autre. Parfois, lorsqu'elle est insupportable, la douleur s'exprimera par des cris, des gémissements - des sons qui rappellent notre nature animale. Cette régression linguistique inhérente aux patients gravement malades oblige les thérapeutes à imaginer des moyens de les comprendre.

Ainsi, la réalité subjective inconditionnelle de la douleur, inobjectivable sinon de façon très réductrice, nécessite d'être racontée pour mieux la comprendre et la soigner. Comment alors évaluer, comprendre et soigner une personne douloureuse? En se tournant vers elle et ce qu'elle exprime. Non pas seulement sa parole articulée mais tous les phénomènes d'expression de l'homme, lesquels s'éprouvent réciproquement lorsque les hommes se rencontrent et racontent leur souci d'eux-mêmes et d'autrui ainsi que leurs préoccupations communes. C'est une situation anthropologique normale alors qu'une personne se plaint de douleur à une autre personne, où un « Je » dénonce une douleur et revendique une aide auprès d'un autre «Je».

La narration tient une place primordiale car elle est constitutive de la nature humaine, elle est importante parce que raconter son vécu à autrui permet d'en rechercher le sens. Le récit de la douleur est donc une percée

à travers l'incompréhension, d'un être individuel à un autre. Ainsi, prendre en charge la douleur représente l'alliance de la bio-technologie à une préalable rencontre intersubjective guidée par la narration et le souci d'autrui afin que la personne douloureuse s'apaise et retrouve sa place dans la cité.

Mots-clés: algologie, image de la douleur, médecine narrative, bioéthique, maladie, santé, subjectivité, douleur, souffrance, psychotechnologie, métaphores thérapeutiques, communication humaniste

НАРРАТИВНАЯ АЛГОЛОГИЯ

Ш. Жюслен
Университет Париж-Дидро, Франция
charles.joussellin@aphp.fr

Ф. Г. Майленова
Институт философии Российской академии наук, Россия
farida.mailenova@gmail.com

Подход к лечению боли, о котором говорится в статье, называется «нарративная алгология» (narrative – повествование, algology – направление в медицине, изучающее управление болью). Сочетание медицинской помощи, техник психотерапии и гипноза дополняется также работой с уникальной личной историей пациента. Философское осмысление практического опыта авторов статьи показывает, насколько действенным может оказаться внимательное слушание человека, который страдает не только непосредственно от самой боли, но и от ее социальных последствий. Образ человека, захваченного болью, – это не просто тот, у кого нарушены те или иные телесные функции, это еще и тот, кто чувствует себя обособленным от своего привычного окружения, а если боль длится долго и начинает разрушать социальные связи, человек и вовсе становится (или чувствует себя) изгоем. Маргинализации страдающего от боли человека способствуют также все более усиливающаяся технологизация медицины и медикализация общества в целом. Тотальной объективации человека и его тела мы можем противопоставить гуманистические техники повествования, благодаря которым человек страдающий получает шанс быть услышанным и понятым. Именно нарративный подход предлагает путь возможного исцеления с помощью принятия, возвращения человеку самоуважения и социальной реинтеграции.

Однако сложность нарративного подхода при всей его кажущейся простоте состоит в том, что боль не только трудно выразить и объяснить другому, она плохо поддается описанию и для самого страдающего от боли человека. Обычно мы стараемся описывать боль, визуализируя те-

лесные ощущения через образы и метафоры, пытаясь ее как-то «ухватить» и рассказать о ней, либо, когда она невыносима, мы уже вынуждены выражать ее через крики, стоны – звуки, напоминающие о нашей животной природе. Такой языковой регресс, присущий тяжелобольным пациентам, вынуждает терапевтов придумывать способы, как их понимать, минуя выученный человеческий язык, они стремятся расшифровать язык телесного и душевного страдания, переводя его на более понятный язык симптомов, которые можно измерить с помощью приборов, и в процессе этого «перевода» зачастую выхолащиваются и утрачиваются глубинная суть и экзистенциальный смысл боли. Таким образом, безусловная субъективная реальность боли оказывается трудноуловимой для языка и анализа. Между тем без этого описания и анализа сложно понять боль и лечить ее. Как же тогда мы можем оценивать, понимать и лечить человека, испытывающего боль? Обращаясь непосредственно к нему и к тому, что он выражает, обращая внимание не только на произносимые им слова, но и на все феномены человеческого самовыражения, которые переживаются взаимно, когда люди встречаются и рассказывают друг другу о себе, о других, о своих общих заботах. Когда одно Я делится своей болью и ждет помощи от другого Я – это подлинная антропологическая ситуация, в которой раскрывается наша человечность и проявляется общность между людьми, а рассказывание другим о своем опыте позволяет человеку искать и находить смысл того, что он переживает. Потому повествование о боли – это прорыв через непонимание от одного отдельного бытия к другому. Таким образом, работа с болью представляет собой встречу двух субъектов через повествование и заботу о другом, чтобы человек, страдающий от боли, мог утешиться, исцелиться и вновь найти свое место в жизни.

Ключевые слова: алгология, образ боли, нарративная медицина, биоэтика, болезнь, здоровье, субъективность, страдание, психотехнологии, терапевтические метафоры, гуманистическое общение

NARRATIVE ALGOLOGY

Charles Joussellin
Paris Diderot University, Paris, France
charles.joussellin@aphp.fr

Farida G. Mailenova
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
farida.mailenova@gmail.com

The approach to pain management described in this article is called “narrative algology” (narrative is the telling of a story, algology is the

discipline of medicine that studies pain management). The combination of medical care, psychotherapy and hypnosis techniques is complemented by welcoming and working with the unique personal history of the patient. The authors' philosophical reflection on the practical experience approach shows how effective it is to listen carefully to a person who is suffering not from pain, but from its social consequences. If pain lasts for a long time and remains unexplained by medical biotechnology, this becomes suspicious and conflicting within a human society that marginalises the person in pain. In this situation, the narrative, essential to the human condition, proposes a path of a possible appeasement with social reintegration. However, the complexity of this narrative method, despite its apparent simplicity, lies in the fact that pain is not only difficult to express and describe to another person. We are forced to either describe pain in metaphor, trying to 'capture' it in some way, or, sometimes, when pain is unbearable, express it by screaming, moaning – sounds reminiscent of our animal nature. This linguistic regression inherent in seriously ill patients forces therapists to devise ways of understanding them. Thus, the unconditional subjective reality of pain, unobjectifiable except in a very reductive way, needs to be told in order to better understand and treat it. How then can we assess, understand and care for a person in pain? By turning to them and to what they express. Not only his or her articulated speech, but all the phenomena of human expression, which are reciprocally experienced when people meet and tell of their concern for themselves and others, as well as their common concerns. It is a normal anthropological situation when one person complains about pain to another person, where one "I" denounces pain and demands help from another "I". Narration has a primordial place because it is constitutive of human nature; it is important because telling one's experience to another allows one to seek meaning. The narration of pain is therefore a breakthrough through the lack of understanding, from one individual being to another. Thus, taking care of pain represents the alliance of bio-technology with a prior intersubjective encounter guided by narration and concern for others, so that the person in pain can be soothed and find his or her place in the society.

Keywords: algology, image of pain, narrative medicine, bioethics, illness, health, subjectivity, pain, suffering, psychotechnology, therapeutic metaphors, humanistic communication

DOI 10.23951/2312-7899-2023-1-78-90

Introdaction

L'algologie, au sens d'une médecine qui s'intéresse aux causes et traitements de la douleur, devient narrative lorsqu'elle place au cœur du soin, non pas seulement un symptôme douleur contre lequel il

faudrait lutter, mais la personne douloureuse elle-même. La douleur est un phénomène anthropologique. Lequel, s'il dure longtemps et reste inexpliqué par la biotechnologie médicale, devient suspect et conflictuel au sein d'une société humaine qui marginalise la personne douloureuse. Dans cette situation, la narration, essentielle à la condition humaine, propose un chemin de possibles apaisements avec une réinsertion sociale.

La douleur n'existe pas

La douleur n'existe pas au sens d'un objet à évaluer et à maitriser. La douleur représente la personne douloureuse elle-même, riche de sa culture et de son histoire, et influencée par les circonstances et des enjeux personnels, familiaux et sociaux.

Notre langue est principalement adaptée pour désigner les objets qui existent dans le monde. Par conséquent, ce qui n'a pas d'objet ne peut être exprimé de manière adéquate dans le langage auquel nous sommes habitués. Ainsi, il n'existe aucun mot dans le langage qui puisse transmettre la douleur à une autre personne ; nous sommes obligés soit de décrire la douleur par métaphore, en essayant de la «capturer» d'une manière ou d'une autre, soit, lorsqu'elle est insupportable, d'exprimer déjà la douleur par des cris, des gémissements - des sons qui nous rappellent notre nature animale. Cette régression linguistique inhérente aux patients gravement malades oblige les thérapeutes à imaginer des moyens de les comprendre en contournant le langage humain appris. De plus, la douleur est non seulement difficile à exprimer et à décrire à une autre personne, mais elle est également difficile à décrire pour la personne douloureuse. Ainsi, la réalité subjective inconditionnelle de la douleur est devenue imperceptible au langage et à l'analyse. Or, sans cette description et cette analyse, il est difficile de comprendre la douleur et de la soigner.

La douleur maladie

«La vie sans douleur n'est pas une vie. La vie avec la douleur est presque insupportable. Lorsque la douleur devient trop forte, nous mourons vivants et souhaitons seulement que la douleur arrête, bien que l'arrêt complet de la douleur soit équivalent à la fin de la vie à long terme. Mais si la douleur est la seule chose de la vie, cela pose la question de savoir si elle vaut la peine d'être vécue» [Vetlesen 2020, 5].

La douleur nous force à descendre au niveau de l'existence physique de base, elle supplante ce qui était significatif et important lorsque nous

étions en bonne santé, tout ce qui est social : le travail, les études, la carrière, la créativité, l'amour. Tout contenu personnel est transformé par la douleur, et lorsque la douleur est excessive, la personnalité commence à se décomposer.

Les personnes souffrant de douleurs chroniques atroces peuvent avoir l'impression que leur vie se réduit à la douleur, que leur vie ne consiste plus qu'en douleur... Vis-à-vis des personnes en bonne santé, qui existent comme dans une réalité parallèle, dans laquelle la douleur n'est qu'un épisode, et non toute leur vie, les personnes douloureuses se trouvent aliénées par cette différence physiologique de sensations.

La douleur qui dure depuis des mois sans explications objectives et que les antalgiques ne parviennent pas à apaiser, n'est pas seulement un symptôme. Cette douleur est maladie, celle d'une personne douloureuse qui s'altère, change et se dégrade. N'étant alors plus la même, sa présence au monde se modifiant, inévitablement la personne se trouve progressivement mise en marge de la société. Le Susto en Amérique latine, la fibromyalgie en Europe occidentale, représentent typiquement cette souffrance inexplicable à laquelle la médecine a donné un nom. Cette douleur maladie est celle d'une personne souffrant au regard de contraintes sociales et s'exprime en fonction de son histoire et de sa culture [Adam, Herzlich 2010, 61]. La personne se plaint notamment de douleurs musculaires et de symptômes atypiques, associés à une fatigue; une mauvaise fatigue pour laquelle le repos n'est pas remède. La douleur a fait événement pour la personne : la configuration de son aventure au monde n'est plus la même. Dite rebelle, cette douleur maladie, menacée d'incrédibilité car inexplicable, objective un rapport conflictuel au social.

Une situation anthropologique

Dans cette situation anthropologique alors qu'une personne se plaint de douleur à une autre personne, où un «Je» dénonce une douleur et revendique une aide auprès d'un autre «Je», il est normal que la biotechnologie médicale et sa pharmacopée qui cherchent à objectiver le vivant et à le maitriser ne trouvent pas de remèdes.

Comment alors évaluer, comprendre et soigner une personne douloureuse? En se tournant vers elle et ce qu'elle exprime. Non pas seulement vers sa parole articulée mais tous les phénomènes d'expression de l'homme, lesquels s'éprouvent réciproquement lorsque les hommes se rencontrent et racontent leur souci d'eux-mêmes et d'autrui ainsi que leurs préoccupations communes. «Devenir acteur

de soin est déjà une promesse. De la même manière, avoir une écoute attentive de la personne malade représente une promesse de considération et d'action» [Dubasque 2022, 19].

Klaus Dörner propose de distinguer les figures du médecin (Mediziner) et du docteur (Arzt). Le premier est un technologue, une figure de pouvoir sur la maladie en tant que phénomène naturel, c'est-à-dire une manipulation objective dépersonnalisée du patient afin de combattre la douleur et la pathologie, tout en restant fatalement sourd à l'événement existentiel qu'est la maladie pour le patient. Le second, le médecin est une figure de l'éthique, il s'occupe précisément du patient individuel, de l'intégrité de son expérience et est ouvert à l'événement de son pathos [Dörner 2006].

La narration

La narration tient une place primordiale car elle est constitutive de la nature humaine, mais aussi première parce qu'elle doit être accueillie et favorisée d'emblée, ainsi que signifiante car raconter son vécu à autrui permet d'en rechercher le sens, enfin, la narration est médiatrice par son rôle d'intermédiaire pour mieux éclairer le soignant.

Ce n'est pas une coïncidence si tous les classiques de la littérature mondiale se caractérisent avant tout par des descriptions de la douleur humaine et de l'expérience consistant à la surmonter. «Qu'en est-il de la douleur qui n'est pas physique? Une douleur que nous ne pouvons pas voir, qui ne vient pas de l'extérieur ? Après tout, la capacité humaine à ressentir de la douleur ne se réfère pas seulement à la douleur physique» [Vetlesen 2020, 26]. On peut en souffrir tout autant que de la douleur physique. Mentionnons le plus brillant connaisseur de la douleur mentale et psychologique - Fyodor Dostoevsky. Ayant une expérience considérable de la douleur, il a pu non seulement l'exprimer de la manière la plus vivante dans ses œuvres, en montrant les nombreuses variétés de la souffrance, mais aussi développer une psychologie et une philosophie de la douleur qui lui sont propres. Le thème de la souffrance est présent dans toutes les œuvres de Dostoïevski. L'amour s'accompagne de souffrance. Le bonheur s'achète par la souffrance. Et la souffrance mesure la profondeur de l'âme humaine. Celui qui ne souffre pas, comme s'il ne vivait pas, ne vit en tout cas pas une vie pleine. Il est difficile pour tout autre grand écrivain de trouver une variété aussi impressionnante de souffrances mentales - des plus viles et honteuses aux plus délicates et sublimes.

Cependant, l'attitude des personnages (et, de toute évidence, de l'auteur lui-même) face à la souffrance est très ambiguë. D'une part, ils

souffrent et réclament de la compassion, et il faut dire qu'ils la reçoivent souvent de façade très intense: c'est chez Dostoïevski que l'on peut voir des exemples étonnants de narration et de contact émotionnel le plus profond entre celui qui souffre et celui qui écoute et compatit. D'autre part, on a l'impression que ces personnages souffrants ne souhaitent pas particulièrement arrêter de souffrir! Ils racontent leurs souffrances avec tant de détails et les savourent, qu'on peut voir à quel point ils les chérissent et en sont même fiers. La souffrance semble procurer aux personnages un certain plaisir, une conclusion que l'on peut tirer de l'analyse de leur histoire. L'une des héroïnes les plus marquantes de Dostoïevski, Nastasia Philippovna, évoque les souffrances de son enfance et de son adolescence, mais elle y tient tellement que sa lamentation selon laquelle personne ne la sauvera est une tromperie. Elle ne veut pas être sauvée, et cela devient évident au fil du temps. Le talent des héros de Dostoïevski est de trouver une satisfaction, voire un plaisir, dans la souffrance! Leur souffrance donne un sens à toute leur existence, on pourrait même dire que la souffrance est la chose principale de leur vie et de leur personnalité, elle est leur centre et leur fondement.

Les personnages décrits dans les œuvres de Dostoïevski se retrouvent souvent dans la vie réelle. Ils souhaitent souffrir et parlent constamment de leur souffrance, ce qui devient souvent un sérieux défi pour leurs proches et leurs thérapeutes. En secourant ceux qui profitent clairement de leur propre souffrance, de nombreuses personnes s'oublient complètement, se consacrant aux soins et écoutant patiemment d'interminables monologues.

Apparemment, la pratique de l'algologie narrative doit inclure une formation à la fois à la capacité d'entrer dans une communication émotionnelle profonde et à la capacité d'en sortir correctement.

Primordiale

Primordiale, la narration cherche à signifier à autrui une pensée, une demande, un refus, mais aussi, simultanément, la façon par laquelle la personne fait part à autrui de la qualité de sa présence au monde, de son expérience vécue, de son existence et de sa coexistence parmi les hommes, de sa condition humaine. Celles-ci étant altérées en raison de la douleur, la narration rapporte la dégradation de son existence, sa déshumanisation et sa marginalisation progressive de la société.

Selon les recherches de Scarry [Scarry 1985], la douleur physique, plus que toute autre condition, dénote une séparation absolue entre les

individus, entre toi et moi. Lorsque je ressens une douleur physique, c'est indubitable pour moi, ma douleur est ressentie avec un niveau de certitude qu'il est peu probable que je ressente pour toute autre raison. Ma douleur physique est inséparable de moi. Contrairement à la certitude et la fatalité de ma propre douleur, je peux avoir des doutes sur la douleur d'une autre personne. Percevoir la douleur d'un autre, voir, écouter la douleur d'un autre, selon Scarry, est un exemple typique du phénomène qui génère le doute. D'où la double nature de ce phénomène : si je ressens de la douleur, c'est indéniable, si cette douleur est ressentie par un autre, il faut encore y croire, l'imaginer - c'est-à-dire qu'on peut facilement en douter. Le récit de la douleur est donc une percée à travers l'incompréhension, d'un être individuel à un autre.

Première

«La médecine narrative est souvent décrite, de manière plutôt simpliste, comme «l'écoute de l'histoire du patient». Toutefois, la médecine narrative implique bien plus que l'écoute et exige des habiletés particulières. En dépit de ses bienfaits, c'est peut-être pour ces raisons qu'elle n'est pas pratiquée aussi largement qu'elle le pourrait» [Zaharias 2018, 176]. D'ailleurs, comme le note Maylis Dubasque, «Se parler, se raconter, écouter la personne souhaitant partager son ressenti, demande un temps réciproquement accordé en termes de durée, dont aujourd'hui personne ne dispose plus réellement» [Dubasque 2022,14]. Cependant, les difficultés peuvent ne pas être un obstacle. De plus, les premiers moments d'un processus narratif sont le plus souvent très difficiles, nous entrons dans l'inconnu.

Même si raconter se déroule avec tous les risques de l'erreur, de l'échec, de la difficulté voire de l'impuissance à dire, favoriser la narration c'est soutenir l'humanisation de la personne altérée, non pas seulement qui suis-je ? mais aussi que suis-je? «L'humanisation est le processus permanent de l'existence humaine …» [Husserl 2001, 323]. Alors que chacun se regarde, se parle, s'écoute et s'éprouve, en racontant son vécu la personne recherche de façon première une reconnaissance par autrui de son altération au monde. Les premiers moments d'une telle rencontre interhumaine sont tendus en raison de cette dialectique entre une reconnaissance espérée et une indifférence redoutée. Offrir une véritable disponibilité d'accueil et d'écoute à cette narration permet l'émergence d'un sentiment de reconnaissance qui sera déjà source d'apaisement.

Signifiante

La parole constitue la personne et permet le surgissement ensemble et du signifié et du signifiant. Non sans difficultés et incertitudes, la narration permet de transformer les forces de la vie intime en leur donnant une sorte de réalité, une certaine apparence, un sens; «…toute expérience n'a de sens que dans la mesure où l'on en peut parler» [Arendt 1983, 21]. La narration est productrice de sens. Lequel émerge entre deux personnes, inter-subjectivement, aidé notamment par l'utilisation de métaphores, le recadrage, la confrontation à des points de vue divers et l'abord de notions fondamentales de la nature humaine.

La capacité de la psyché humaine à créer des ressemblances entre différentes classes d'objets sur des bases parfois inattendues a toujours été utilisée pour transmettre des pensées, des idées, des émotions. Le langage des métaphores est souvent le plus efficace dans la communication lorsqu'il n'y a réellement «pas assez de mots» pour expliquer et comprendre, auquel cas le langage figuratif des métaphores peut contribuer à une compréhension mutuelle. «La véritable théorie de la rationalité est l'idée que nous pensons au moyen de cadres, de métaphores, de narrations; notre cerveau a tendance à adapter l'information qui lui parvient, et nous arrivons ainsi à des déductions différentes», écrit Benjamin Bergen [Bergen 2012]. Le langage des métaphores est capable à la fois d'expliquer les sensations corporelles d'un sujet à un autre, et d'établir un contact direct entre la partie intuitive et inconsciente de la personnalité de chaque participant au dialogue. Matthew, analysant les paraboles bouddhistes dans son article, parle de leur impact profond et de leur capacité à atteindre la compréhension par le langage de la métaphore : «L'idée de toutes ces paraboles, qu'il est si difficile de traduire par un mot anglais équivalent, est la suivante : chaque personne voit, ressent et expérimente le monde différemment, à travers sa propre vision, déterminée par sa propre expérience culturelle, historique, familiale et individuelle. Et pour communiquer au mieux avec une autre personne, nous travaillons mieux en parlant dans sa langue personnelle, ou du moins en la connaissant» [von Unwerth 2020, 16].

Médiatrice

«La douleur de celui qui la vit est inexprimable». Il est typique que quand nous essayons de trouver des mots pour décrire la douleur, nous marmonnons «ça fait comme...» ou «ça se sent comme...», sans pouvoir saisir l'essence, l'essence même de la douleur. Nous avons besoin

d'exprimer la douleur, de partager ce qui, par-dessus tout dans notre existence, est intérieur et inexprimable [Vetlesen 2020, 22]. Mais pour la décrire ou la «saisir», il est important d'en faire un objet, une chose, de la localiser dans l'espace. Et elle (la douleur) n'est pas une chose!

Interne, invisible, impalpable, indiscernable la douleur ne se laisse délimiter ni dans l'espace ni dans le temps. C'est pourquoi la narration trouve ici un rôle majeur de médiation. Celui qui écoute et veut bien entendre la narration, accueillir sans a priori ce qui est dévoilé, porter attention à ce que le sujet, «Je», raconte de son corps vivant sans cesse mis à l'épreuve dans sa vie quotidienne, sera mieux éclairé. Dès lors il proposera des actions à visée thérapeutique mieux adaptées. Une narration médiatrice porteuse d'efficience, de meilleure présence au monde, de réinsertion sociale; et de gratitude. Rita Charon, fondatrice de la médecine narrative, écrit: «les connaissances et les compétences narratives ont le pouvoir d'améliorer les soins de santé en augmentant la précision et la portée des connaissances des cliniciens sur leurs patients et en approfondissant les relations thérapeutiques qui se forment» [Charon 2017, 1]. L'attention des professionnels pour la médecine narrative s'est accrue ces dernières années car le besoin de cette approche est devenu de plus en plus urgent. Un article d'Elizabeth Lanphier [Lanphier 2021], propose une clarification conceptuelle de la narration en médecine par un processus de nomination et de rangement. On assiste également à l'émergence de programmes d'études qui forment les professionnels de la santé à l'approche narrative [Lijoi, Tovar 2020].

Les thérapeutes eux-mêmes sont également bénéficiaires. Former les thérapeutes à une approche narrative les aide à éveiller leur créativité, ils apprennent à être plus attentifs aux histoires des patients et plus vivants. «La créativité et l'humilité peuvent constituer une prophylaxie contre l'épuisement professionnel causé par des attentes irréalistes et des influences systématiques externes» [Lijoi, Tovar 2020, 329].

En conclusion, prendre en charge la douleur représente une rencontre intersubjective guidée par la narration et le souci d'autrui afin que la personne douloureuse s'apaise et retrouve sa place dans la cité.

LITTÉRATURE

Adam, Herzlich 2010 – *Adam Ph., Herzlich Cl.* Sociologie de la maladie et de la médecine, Paris, Armand Colin, 2010.

Arendt 1983 – *Arendt H.* Condition de l'homme moderne, Paris, Calmann-Levy, 1983, P. 21.

Bergen 2012 – *Bergen B.* Louder Than Words: The New Science of How the Mind Makes Meaning, 2012. URL: https://www.amazon.com/Louder-Than-Words-Science-eaning/dp/0465028292

Charon 2017 – *Charon R.* Introduction. In: Charon R, et al. (eds) The principles and practice of narrative medicine. New York: Oxford University Press, 2017.

Dörner 2006 – *Dörner K.* Le bon docteur. Une introduction à la position de base du médecin. Moscou : Aletheia, 2006. (In Rus.)

Dubasque 2022 – *Dubasque M.* Médecine narrative, entre concept et pratique clinique : de l'objet-récit à l'effacement de «l'être-à-dire»? PSN, 2022, vol. 20, No 1, P. 9–22.

Husserl 2001 – *Husserl E.* Sur l'intersubjectivité, Paris, PUF, 2001, tome II, P. 323.

Lanphier 2021 – *Lanphier El.* Narrative and Medicine: Premises, Practices, Pragmatism. Perspectives in Biology and Medicine, Volume 64, Number 2, Spring 2021, P. 211–234

Lijoi, Tovar 2020 – *Lijoi A., Tovar A.* Narrative medicine: Re-engaging and re-energizing ourselves through story / The International Journal of Psychiatry in Medicine 2020, Vol. 55(5). 321–330.

Scarry 1985 – *Scarry E.* The Body in Pain : The Making and Unmaking of the World. Oxford University Press, 1985.

von Unwerth 2020 – *von Unwerth M.* Listening to the patient: A perspective from narrative medicine / The International Journal of Psychiatry in Medicine 2020, Vol. 55(1) P. 16–24.

Vetlesen 2020 – *Vetlesen A. Y.* Philosophy of Pain / Traduit du norvégien. Moscou : Progress-Tradition, 2020. (In Rus.).

Zaharias 2018 – *Zaharias G.* What is narrative-based medicine?/ Narrative-based medicine. MBBS MFM FRACGP. Canadian Family Physician (Le Médecin de famille canadien). Vol 64: MARCH | MARS 2018, P. 176.

REFERENCES

Adam, Ph., & Herzlich, Cl. (2010). *Sociologie de la maladie et de la médecine.* Armand Colin.

Arendt, H. (1983). *Condition de l'homme moderne*. Calmann-Levy.

Bergen, B. (2012). *Louder Than Words: The New Science of How the Mind Makes Meaning.* Basic Books. https://www.amazon.com/Louder-Than-Words-Science-eaning/dp/0465028292

Charon, R. (2017). Introduction. In R. Charon et al. (Eds.), *The principles and practice of narrative medicine*. Oxford University Press.

Dörner, K. (2006). *Der gute Arzt. Lehrbuch der ärztlichen Grundhaltung*. Aleteya. (In Russian).

Dubasque, M. (2022). Médecine narrative, entre concept et pratique clinique : de l'objet-récit à l'effacement de "l'être-à-dire"? *PSN*, *20*(1), 9–22.

Husserl, E. (2001). *Sur l'intersubjectivité* (tome II). PUF.

Lanphier, El. (2021). Narrative and Medicine: Premises, Practices, Pragmatism. *Perspectives in Biology and Medicine*, *64*(2), 211–234.

Lijoi, A., & Tovar, A. (2020). Narrative medicine: Re-engaging and re-energizing ourselves through story. *The International Journal of Psychiatry in Medicine*, *55*(5), 321–330.

Scarry, E. (1985). *The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World*. Oxford University Press.

Zaharias, G. (2018). What is narrative-based medicine? Narrative-Based Medicine 1. *Canadian Family Physician Medecin de famille canadien*, *64*(3), 176–180.

von Unwerth, M. (2020). Listening to the patient: A perspective from narrative medicine. *The International Journal of Psychiatry in Medicine*, *55*(1), 16–24.

Vetlesen, A. (2020). *A Philosophy of Pain*. Translated from Norwegian. Progress-Traditsiya. (In Russian)

Материал поступил в редакцию 25.06.2022
Материал поступил в редакцию после рецензирования 10.12.2022

ГЛАГОЛЫ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА КАК СРЕДСТВО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ

Т. В. Рожкова
Самарский государственный медицинский университет, Россия
rozhkovatamarav@yandex.ru

Оценивая мир в процессе познания, человек определяет количественные характеристики не только объектов, но и процессов. Цель работы состоит в изучении способов языковой репрезентации категории количества, описания ее семантических особенностей, репрезентированных специальными глагольными единицами, функционирующими в медицинском дискурсе. Материалом исследования послужили английские глаголы, обозначающие специальные медицинские процессы и состояния. Методология исследования базируется на использовании дефиниционного, этимологического, интерпретативного и статистического методов. Комплексный анализ позволил выявить и описать способы вербализации категории количества в исследуемом материале на когнитивном, семантическом и лингвистическом уровнях. Основные результаты работы связаны с представлением категории количества в двух ее проявлениях: во-первых, как собственно количественной определенности, указывающей на количество повторений действия, количество этапов, на которые раскладывается действие, на количественные характеристики результата действия, а также как категории, репрезентирующей соотношение части и целого; во-вторых, как количественной определенности степени экспликации процесса, т.е. исследуется интенсивность протекания действия или его проявления. В работе категория количества рассматривается как набор самостоятельных или взаимосвязанных концептов, таких как точное и неопределенное количество, часть и целое, лишение, изменение количества, увеличение, уменьшение и уравнивание интенсивности, измерение количества. Концепты представлены группами глаголов, объединенными различными семантическими признаками. Словообразовательные средства, служащие вербализации категории количества, представлены небольшим количеством префиксов, которые, однако, обладают высокой продуктивностью. В работе также подчеркивается, что категория количества не изолирована и тесно взаимодействует с другими онтологическими категориями, такими как время, пространство, следствие. В заключение делается вывод о том, что категория количества находит свое отражение в глагольной лексике, обозначающей специальные медицинские процессы и состояния, служит отражением процесса познания и представления его результатов в такой отрасли науки, как медицина.

Ключевые слова: глагол, медицинский дискурс, количество, интенсивность, категория, концепт, семан-тика, сема, английский язык

VERBS IN MEDICAL DISCOURSE AS A MEANS FOR QUANTIFYING SPECIAL PROCESSES

Tamara V. Rozhkova
Samara State Medical University, Samara, Russia
rozhkovatamarav@yandex.ru

The complex process of examining and perceiving of the world by a person cannot occur without measuring of the objects which surround a human being or events and processes they observe or experience. The findings of these investigations are reflected in the language by various means. Measurements and their results are of particular importance in medicine. The article studies the semantics and linguistic means of representing quantification incorporated in verbs which function in medical discourse. These quantitative measurements are considered the representatives of the category of quantity. About 825 verbs nominating special medical processes and conditions were investigated. A complex of methods including definitional, etymological, interpretative and statistical analyses used in the survey helped to reveal and describe the category of quantity in the verbs at the level of its cognitive, semantic, and linguistic representation. The category of quantity can be studied as a complex category consisting at least of two subcategories. On the one hand, it represents the numerical manifestation of the process (the number of repeated actions, the number of stages for the process performance, the quantitative characteristics of the result of the action) and the correlation between the "part" and the "whole" during the process implementation. On the other hand, it demonstrates the intensity of the process. A set of separated or interrelated concepts, each combining verbs with similar semantic features, forms each subcategory. The sets include the concepts like definite and indefinite quantity, the whole and the part, loss of something, upward or downward change of the amount, increase or decrease of intensity, equalizing of the amount, the measurement of the quantity. Derivational affixes, mostly prefixes, verbalizing these concepts are also studied in the article. They are believed to contribute to the visualization of the semantics of the verbs because they are highly productive and allow deciphering the meaning of the verb. However, some of them demand a medical specialist to have some background knowledge. The category is not a confined one, it interacts with those of time, space, consequence. Thus, the performed investigation shows that this category is widely represented by verbs denoting special medical processes and conditions, reflects cognition and its results in the field of medicine.

Keywords: verb, medical discourse, quantity, intensity, category, concept, semantics, seme, English

DOI 10.23951/2312-7899-2023-1-91-112

Введение

Пересмотр роли человека, начавшийся в XX веке, коснулся всех отраслей современной науки. Антропологический поворот «был связан с признанием роли личности исследователя в получении определенных научных результатов» и осознанием изменения ее роли: человек становится «неотъемлемой частью процесса научного исследования, фактически частью изучаемого объекта, а не просто сторонним внешним наблюдателем», тем самым активно участвует в «конструировании» реальности [Пашенцев 2022, 47]. Словарный состав любой профессиональной отрасли, в том числе и медицины, есть свидетельство антропоцентрического проявления, поскольку человек не только создает и интерпретирует научное знание, но и облекает его в словесную форму, тем самым создавая дискурсивное пространство. Признание значимости мыслящего субъекта в процессе порождения, сохранения и передачи знания позволяет «выявить специфику представления знаний человека, в том числе оценочных, в семантике языковых единиц» [Столяр 2019, 41]. Оценочность как категорию восприятия и отношения к миру не следует отождествлять исключительно с эмоциональной или экспрессивной оценочностью. Воспринимая и познавая мир логически в процессе жизнедеятельности, человек стремится определить, оценить окружающую его действительность с точки зрения количественного существования и соотношения предметов, событий, явлений и процессов. В XX веке философия не только совершила несколько поворотов, инициированных антропологическим поворотом, но и ретроспективно конституировала научные картины мира, в которых было представлено обобщение суммы восприятий и принципов познания. В современной нам картине мира – постнеклассической – онтологией стала самоорганизация сложных систем, а объектом – «человекоразмерные» системы. Вместе с тем философско-антропологическая размерность таких систем выявила проблему измерения в гуманитарных исследованиях. Резонанс философских поворотов, проблемы измерения и медицинского дискурса иллюстрирует пример из сериала «Доктор Хаус». «Именование главного героя – Хаус от английского слова дом – натолкнуло на интерпретацию одного из главных тезисов философии XX века “язык есть дом бытия”. “Словами” этого языка стали символы, меняющие свои значения в XXI веке, а для того, чтобы “прочесть” текст бытия в современности, необходимы точные методы диагностики и умение ощутить страдание другого как свое» [Гор-

булёва, Мелик-Гайказян, Мещерякова 2013, 7–8]. На основе поиска этих точных методов «предложен проект "фундаментальной семиотики"» [Борисов и др. 2019, 5], т.е. измерения постнеклассическими инструментами «выражений субъективности человека» в «стратификации культурных слоев» [Мелик-Гайказян 2022]. Такими инструментами выступили характеристики информации (новизна, ценность, количество, эффективность), распределенные по отдельным стадиям информационного процесса, являющегося механизмом самоорганизации «человекоразмерных» систем, что определило постановку «проблемы измерения в гуманитарном знании… с позиции процессуальных представлений» [Мелик-Гайказян 2009, 127].

Под измерениями в науке понимают ряд процедур: 1) «сравнение с эталоном»; 2) «выражения характеристик объекта в количественной величине»; 3) «любое однозначное преобразование измеряемой величины в некоторый регистрируемый параметр, в то время как измеряемая величина является внутренним параметром порядка исследуемой системы» [Мелик-Гайказян 2009, 128, 131, 140]. Соответствующими примерами истолкования понятия количества в различных отраслях наук служат: 1) «мера численности элементов в какой-либо совокупности, выражается в определенных единицах измерения веса, объема, длины или в штуках»[1]; 2) «данные, измеряемые с помощью чисел, имеющих содержательный смысл»[2]; 3) «количество движения – мера механического движения, равная для материальной точки произведению ее массы на скорость»[3].

Философско-методологические трактовки количества[4] не ограничивают представления о нем лишь как о мере чего-либо, они дают возможность расширить границы восприятия меры. Они не только акцентируют внимание на численности однородных явлений, но и указывают на их качественную взаимосвязь, что позволяет выделить понятие интенсивности как одну из сфер количественности, проводя между ними аналогию. Лингвистика также

[1] Большой экономический словарь. URL: http://economics.niv.ru/doc/dictionary/big-economic/fc/slovar-202-4.htm#zag-5667 (дата обращения: 15.06.2022).
[2] Словарь статистических терминов. URL: http://statistica.ru/glossary/general/letter/k/ (дата обращения: 15.06.2022).
[3] Физический энциклопедический словарь. URL: http://es.niv.ru/doc/dictionary/physical/index.htm (дата обращения: 15.06.2022).
[4] "A quantity is an attribute that admits of several or infinite number of degrees, in contrast to a quality <…>, which an object either has or doesn't have" // The Cambridge Dictionary of Philosophy / ed. by R. Audi. 3rd ed. New York: Cambridge University Press. 2015. P. 623. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/philosophy (accessed: 15.06.2022).

не оставляет в стороне категорию квантитативности и исследует ее гносеологические, когнитивные, лексические и грамматические манифестации. Теоретической базой настоящего исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, таких как Л. Д. Чеснокова, В. В. Акуленко, Н. Д. Арутюнова, Б. Тошович, С. А. Крылов, О. П. Ермакова, А. Д. Шмелёв.

Взаимосвязь между количеством и интенсивностью подтверждается постулатом о том, что «количественной оценке подвергаются как предметные сущности, так и их признаки, действия, события, а потому количество может быть представлено в виде онтологической триады: предметоколичество, процессоколичество, признакоколичество» [Кузина 2014, 110]. «Содержание предметоколичества составляют счет предметов (дискретных пространственных единиц) или их частей и мера недискретных материалов. Содержанием процессоколичества является либо счет отдельных разобщенных процессов или частей одного процесса (кратность), либо протяженность непрерывного процесса во времени. Признакоколичество – это мера интенсивности предметного или процессного качества. <…> Предметоколичество выражается существительными (шире – именами), процессоколичество – глаголами, признакоколичество – прилагательными и наречиями» [Тураева, Биренбаум 1985, 122]. Такое понимание количества позволяет применить его для исследования глагольной лексики, функционирующей в медицинском дискурсе. В медицине количественные отношения являются важнейшим компонентом, позволяющим представлять знания о явлениях, о взаимоотношениях между ними, оценивать степень выраженности патологических процессов, количественное содержание биологических компонентов в организме человека и многое другое. Следует подчеркнуть, что количественность проявляется не только в числовом измерении, но и имплицитно в семантике лексических единиц медицинского дискурса.

Язык и терминология как неотъемлемая его часть не просто являются инструментами передачи информации. По определению Ю. М. Сивоконевой, В. И. Клинг, Л. В. Виноградовой, язык – «особый “механизм” символов. Речь – это деятельность», с помощью которой «люди переходят от образа к понятию» [Сивоконева, Клинг, Виноградова 2021, 66]. Таким образом, происходит графическая визуализация информации, содержащейся в лексической единице. Наиболее продуктивными средствами передачи количественной определенности в семантике глаголов выступают словообразовательные морфемы. Именно они позволяют графически

визуализировать содержащуюся в них информацию о количестве или интенсивности обозначаемых ими процессов и состояний. Это дает возможность транслировать информацию и сущность объективированного в слове явления, формируя в сознании воспринимающего субъекта ассоциативные ряды, привлекая внимание к подвергшимся измерению параметрам.

В настоящем исследовании мы обращаемся к анализу англоязычных глагольных единиц, поскольку, несмотря на существующую популярность английского языка как средства трансляции научного медицинского знания на международном уровне, данный пласт лексики мало изучен лингвистами. Существуют отдельные работы по семантике глаголов общеупотребительного языка (например, глаголы говорения, мышления и др.), но глаголы, функционирующие в медицинском дискурсе, практически не исследованы. Автором настоящей работы проведено в данном направлении несколько исследований, посвященных анализу категории темпоральности [Рожкова, Рылкина 2022], категории процессуальности [Рожкова, Барбашёва 2022], категории движения [Рожкова 2021b], анализу картины мира, отраженной в глагольных единицах [Рожкова 2021a], полисемии глаголов [Рожкова 2021c] и др. Малая изученность данного пласта лексики дает возможность провести всестороннее глубокое исследование и внести весомый теоретический вклад в описание англоязычного медицинского дискурса и медицинской терминологии. Кроме того, обращение именно к англоязычной лексике позволит в перспективе составить практические рекомендации по употреблению глагольных единиц в медицинском дискурсе.

Материал исследования и методология

Анализ фактического материала (специальные глагольные единицы, функционирующие в медицинском дискурсе) показал, что каждый элемент означенной выше онтологической триады (предметоколичество, процессоколичество, признакоколичество) нельзя ограничить строгим разделением на части речи. Семантика глагольных единиц свидетельствует, что глагольная лексема имплицитно и эксплицитно способна отражать их как прямо, так и во взаимосвязи с контекстом. Цель настоящей работы состоит в выявлении корпуса глагольных единиц, семантика которых отражает категорию количества, определении их доли среди других глагольных единиц, функционирующих в англоязычном медицинском

дискурсе, а также в попытке подтвердить гипотезу о том, что глагол своей семантикой может отражать предметную, признаковую и процессуальную количественность.

Материал для исследования получен методом сплошной выборки из специальных медицинских словарей (Большой англо-русский медицинский словарь [Акжигитов, Акжигитов 2005], Merriam-Webster's Medical Dictionary [Merriam-Webster's Medical Dictionary 1995]) и словарей общеупотребительной лексики (Cambridge English Dictionary[5], Oxford Dictionary of English [Oxford Dictionary of English 2010], Collins English Dictionary[6]), этимологические сведения заимствуются из Online Etymological Dictionary[7]). Общий объем выборки составил 1 460 глагольных лексем и выражений, из них статистическому анализу подверглись 825 однословных единиц. В настоящей работе мы ограничили свое исследование обращением к словарям, так как они позволяют сделать выводы о точном значении, нормах устного и письменного употребления глагольных единиц, отражающих медицинские процессы и состояния, а также проследить динамику изменения семантики.

Комплексная методика исследования фактического материала с применением методов дефиниционного, статистического, этимологического, интерпретативного анализа позволяет изучить глубинный семный состав исследуемых единиц и выявить способы репрезентации категории количества в данном пласте медицинской лексики. Категориальное и концептуальное исследование глаголов, функционирующих в медицинском дискурсе, предоставляет широкие возможности для исследования глаголов и раскрытия их потенциала в качестве терминологических единиц и возможного признания их терминологического статуса.

Результаты и обсуждение

Для описания способов и семантических признаков количественной оценки, вербализованной глаголами, обозначающими различные медицинские процессы, нам представляется необходимым использовать понятие «концепт», поскольку оно позволяет на основании общих признаков объединить исследуемые лексические единицы, а также выявить когнитивные основы, формирующие категорию количества и определяющие ее содержание.

[5] Cambridge English Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (accessed: 15.06.2022).
[6] Collins English Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/ (accessed: 15.06.2022).
[7] Online Etymological Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/ (accessed: 15.06.2022).

Так, концепт «точное количество» вербализуется преимущественно префиксами, образованными от латинских числительных или существительных, обозначающих конкретное количество. Наиболее частотны глаголы, содержащие указание на число «два». Глаголы обозначают два процесса – разделение или соединение.

Так, латинский префикс *bi-* со значением *twice, double* в структуре исследуемых единиц репрезентирует процесс разделения на две части (***bifurcate*** *– to divide into two forks or branches,* раздваивать, разветвлять, ***bisect*** *– to cut in two, разделить п*ополам, разделить на две части).

Обратный процесс, соединение или увеличение уже имеющегося количества в два раза, отражен в глаголах ***duplicate*** (латинсткий глагол *duplicare* от числительного *duo – two*), ***double*** (латинский глагол *duplare* от числительного *duo – two*), ***couple*** (старофранцузский *cople – married couple, lovers* от латинского существительного *coupla – tie, connection*, с середины XIV века слово используется в значении *that which unites two*), ***twin*** (древнеанглийское прилагательное *twinn – consisting of two, twofold, double, two-by-two*).

Описанные морфемы графически визуализируют смысловые признаки, указывающие на удвоение или раздвоение понятия или объекта, к которому они относятся. Однако каждый из них имеет дифференциальную сему, определяющую возможности их лексической сочетаемости. Значения первых двух глаголов объединяются общими дифференциальными семами «увеличение количества путем удвоения уже имеющегося количества» или «повторение однотипного процесса»: *to double (to make double; increase, enlarge, or extend by adding an equal portion, measure, or value to; to repeat, do twice*), *to duplicate (to repeat, produce a second (like the first)*). Значения последних двух глаголов также сходны, они обозначают «увеличение количества путем объединения сходных, но в то же время чем-то отличных объектов»: *to couple* (*to link or connect, as one thing with another*), *to twin – to combine two things closely, join, couple*.

В процессе своего функционирования в различных отраслях глаголы *to duplicate, to couple, to twin* приобрели специализированные значения. Глагол *to duplicate* используется в генетике со значением удваиваться (об участке хромосомы). Глагол *to couple* используется в биологии со значением *to have sex*, спариваться. Глагол *to twin* используется в аушерстве и гинекологии со значением *to bring forth twins, родить двойню.*

Число сорок лежит в основе глагола ***quarantine*** *– put under quarantine, помещать на карантин* (лат. quadraginta – forty от лат.

quattor – four, в свою очередь, образованного от протоиндоевропейского числительного kwetwer – four). Это связано с древнеримской традицией, согласно которой жена могла оставаться в доме мужа в течение 40 дней после его смерти. Современное значение появилось в конце XIV века и обозначало период времени, в течение которого прибывающие корабли должны были оставаться в порту, прежде чем матросы могли сойти на берег и разгрузить его. В настоящее время глагол употребляется также в метафорическом значении *to isolate* – изолировать, а количество времени в 40 дней утратило свою актуальность.

Числовое выражение точного количества – не единственный способ показать квантификацию, поскольку не всегда точное число играет роль в передаче представления о количестве. «Как отмечает Г. Г. Галич, количественная определенность объективной действительности отражается познающим субъектом в двух формах: точных (или приближенно-точных), математических и нематематических, приблизительных, субъективных и оценочных. Последним присваивается статус количественных в результате их сводимости к отношению "больше / равно / меньше"» [Бажанова 2010, 7].

Приведенное высказывание справедливо и для глаголов, обозначающих различные медицинские процессы. Особенность медицины состоит в том, что процесс лечения зачастую требует точного указания количества, причем это указание может содержаться имплицитно в семантике глагола. Например, глагол ***dose*** *– to give a dose to, дозировать; дать дозу лекарства,* предполагает использование относительно устойчивого, точно отмеренного количества измеряемого вещества или дозы излучения.

Еще одним концептом, который получает лексическое выражение с помощью глагольных единиц является концепт «измерение количества». Измерению подвергается вес (***weigh*** *– to measure the weight of,* взвешивать, весить), размер (***meter*** *– to measure by means of a meter,* мерить, замерять, дозировать), темпоральные показатели (***minute*** *– to record in minutes, хронометрировать, рассчитывать время по минутам*). Значение последнего глагола протоколировать образовано путем метонимического переосмысления на оси «измерение времени – регистрация последовательности».

Концепт «неопределенное количество» репрезентируется глаголами, в семантике которых отражается возникновение каких-либо объектов в неопределенном количестве, зачастую в большом количестве. Концепт «неопределенное количество» представлен глаголами, содержащими сему «неопределенно большое количество»

(***swarm*** *– to hover about in the manner of a beein a swarm, кишеть* (насекомыми), *роиться,* ***terrace*** *– to make into a terrace, накладывать многорядный* / многослойный шов; террасировать). Например, ***bubble*** имеет значение *to form or rise in bubbles,* пузыриться, покрываться пузырями. Данный глагол используется и в метонимическом значении**,** например булькать, кипеть, помочь младенцу отрыгнуть воздух (при кормлении), и в метфорическом, например журчать (о речи), *вспучиться*. Неопределенное количество может быть и малым, например ***lack*** *– to be deficient or missing, испытывать недост*аток, быть недостаточным.

Концепт «неопределенное количество» репрезентируется глаголом ***program*** *– to arrange or furnish a program of or for, планировать, составлять программу*. Пропозиционально глагол предполагает наличие набора шагов для выполнения действия, но количественный набор этих шагов индивидуален для каждого процесса.

Концепт «неопределенное количество» вербализуется заимствованным из латинского языка префиксом *co- – together, mutually, in common* и его алломорфами. Например, ***co-express*** **–** совместно экспрессировать, ***cohere*** *– to hold together firmly as parts of the same mass, быть объединенным общей идеей или принципом, объединяться, быть логически последовательным,* ***co-inoculate*** **–** инокулировать смесью культур, инокулировать смесью штаммов. Концепт «неопределенное количество» вербализуется префиксом *re-*, обозначающим повторное совершение действия “repetition of an action”. Например, ***redress*** *– to restore, to put right, исправлять, восстанавливать, повторно перевязать (рану),* ***reimmunize*** – реиммунизировать, повторно иммунизировать, ***reimplant*** **–** реимплантировать; реплантировать.

Однако анализ дефиниций глаголов показал, что префикс *re-* также вербализует концепты, отражающие интенсивность действия (например, ***reinforce*** *– to strengthen by additional assistance, material, or support, усиливать, укреплять; потенциро*вать). Глагол ***reinstate*** в зависимости от контекста актуализирует либо значение количества (повторное совершение действия) – *to place again, to restore to a previous effective state, восст*анавливать, начинать повторно (например, лечение), либо значение интенсивности – укреплять, восстанавливать (например, здоровье). Глагол ***reduplicate*** наряду со значением повторного действия реализует значение удвоения – *to make or perform again, сдваивать, удвоиться.* Значение «возвращение к прежнему состоянию» содержится в глаголе ***reapproximate*** **–** восстановить края раны (*rejoin tissues separated by surgery or trauma so that their anatomic relationship is restored*).

Концепт «неопределенное количество» тесно связан с представлением о соотношении части и целого. Анализ глагольной лексики, использующейся в медицинском дискурсе, показал, что концепт «часть» и концепт «целое» тесно взаимосвязаны на семантическом уровне и относятся к двум противоположно направленным квантитативным проявлениям.

Глаголы, репрезентирующие концепт «часть», отражают процесс разделения целого на части (например, ***chip*** – *to cut or break* (*a small piece*) *from something, расщеп*лять, дробить; ***fracture*** – *to damage or destroy as if by rupturing, ломать, раздробить, ра*зрывать, ***flake*** – *to from or break into flakes, выпадать в виде хлопьев, превращать*(ся) *в* чешуйки, расслаиваться; отслаиваться, шелушиться, ***fork*** – *to divide in branches, go separate ways,* разветвляться, раздваиваться, ***separate*** – *to become isolated from a mixture, to become divided or detached, отделять, разделять*(ся), *классифицировать*; (мед.) выделять из спаек, отсепаровывать), осуществление манипуляций с отдельными частями (***instill*** – *to cause to enter drop by drop, вводить каплями*и, *закапывать*), обособление части или составных частей (***isolate*** – *to set apart from others, to select from among others, из*олировать, отделять, обособлять; мед. подвергнуть карантину; (хим.) выделять / получать в чистом виде, ***sequestrate*** – *to remove something, to quarantine, to isolate, отделять, изолировать*).

Глаголы, отражающие концепт «целое» обозначают и позводяют визуализировать процессы объединения разрозненных частей (***coacervate*** – *to aggregate in droplets, с*ливаться (в капли), ***coalesce*** – *to come together, объединяться, соединиться, срастаться* (о сломанной кости и т.п.), ***coosify*** – образовывать костное сращение, ***cluster*** – *to collect into a cluster, образовывать скопления, группы,* ***incorporate*** – *to unite or work into something already existent so as to form an indistinguishable whole, соединять, об*ъединять, содержать в себе, включать в себя; (мед.) включать в мазевую основу). Глагол ***to involve*** – *to engage as a participant, to have within as a part of itself, вовлекать; охват*ывать(ся), влечь за собой; в медицинском значении. *поражать* (болезнью), *вовлекать в патологический процесс* – отражает субкатегорию «интенсивность», поскольку отражает процесс распространения болезни. Глагол ***to fulgurate*** имеет два значения. Первое – *to destroy tissue by electrical means, выполнить фульгурацию, прижи*гать ткань током высокой частоты, разрушать ткань током высокой частоты – репрезентирует концепт «часть», второе (метафорическое) – пронзить (острой болью) – репрезентирует концепты интенсивности и относится к первоначальному значению *to flash or dart like lightning.*

Общенаучные глаголы, употребляемые в медицинском дискурсе, также репрезентируют концепты «часть» (***to choose*** *– to make a selection, выбирать, решать, предпочитать*) и «целое» (***to include*** *– to take in or comprise as a part of a whole or group, включать, заключать в себе*).

Концепт «часть» и концепт «целое» могут объединяться в одном глаголе. Это становится возможным благодаря такому свойству семантики глагольной единицы, как пропозициональность, в силу которой глагол способен отражать обозначенное им действие как совокупность всех его характеристик, включая исполнителя, объект, последовательность манипуляций и т.д. Ярким примером объединения двух концептов в одной лексической единице вследствие пропозициональности выступает глагол ***to diagnose*** *– to ascertain or determine (a disease) from its symptoms, ставить диагноз, диагностировать; распознавать*. Глагол образован от существительного *diagnosis*, этимология которого восходит к двум греческим словам: префиксу *dia-* (*between*) и глаголу *gignōskein* (*to learn, to come to know,* от протоиндоевропейского корня *gno-* (*to know*)). Процесс диагностики заболевания предполагает выявление основных его симптомов («разложение на части»), а затем подведение совокупности этих симптомов к какому-то конкретному заболеванию («подведение к целому»). Таким образом, происходит выявление целого на основе составных частей.

Концепт «отчуждение» (или «лишение чего-либо») также отражает соотношение между частью и целым. Глаголы, репрезентирующие этот концепт, обозначают несколько типов процессов. Во-первых, абстрактные процессы, при которых происходит утрата способностей или свойств (***deaf*** *– to make / become, grow deaf, глохнуть, терять слух*).

Во-вторых, материальные процессы, при которых происходит визуально наблюдаемое механическое разделение материальных объектов. Данная подгруппа объединяет несколько типов глаголов:

1. Глаголы, действие которых направленно на объект извне и осуществляется внешним деятелем (***ablate*** *– to remove or destroy by cutting, abrading, or evaporating, ампутировать, удалять, отсекать, иссекать,* ***enucleate*** *– to deprive of nucleus, энуклеировать, вылущивать* (например, опухоль); *энуклеировать, удалять ядро из клетки,* ***exsomatize*** – удалять, удалить, ***empty*** *– to remove the contents of,* опорожнять(ся), *освобождать полость,* ***curette*** *– to perform curettage on, выскабливать* (кюреткой), *производить кюретаж*).

2. Глаголы, у которых осуществление обозначаемых ими процессов происходит в силу действия эндогенных или экзогенных причин (***balden*** *– to make / become / grow bald, лысеть*).

3. Глаголы, обозначающие разделение двух разнородных объектов, которые изначально не были соединены, т.е. не представляли однородный объект (***ablactate*** – *to stop weaning, аблактировать, отнимать от груди*). Глаголы данной подгруппы реализуют и прямое, и метафорическое значения, которые обозначают различные модели воплощения процесса – материальное и абстрактное соответственно. Например, ***extirpate***: 1) прямое значение *to destroy completely, to cut out by surgery, удалять, полностью удалить* (орган); 2) метафорическое значение – *to pull up by the roots, уничтожать, ликвидировать* (болезни), *искоренить, уничтожить в зар*одыше.

Концепт «изменение количества» также тесно связан с концептом «целое», поскольку отражает уменьшение или увеличение количественного содержания чего-либо по сравнению с начальным объемом. Например, глагол ***bleed*** – *to cause to loose blood, кровоточить, истекать кровью; пускать кровь, делать венесекцию*, предполагает целенаправленное или непроизвольное уменьшение количества крови в организме, глагол ***blood*** – *to smear or stain with blood, брать кровь*, отражает намеренное уменьшение количества крови. Причем на основе фоновых знаний становится ясно, что действие, выраженное первым глаголом, предполагает извлечение большего количества крови и с большей интенсивностью, чем действие, выраженное вторым глаголом.

Изменение количества в сторону его увеличения репрезентируется глаголами ***layer*** – *to place as a layer, наслаиваться*, ***bud*** – *to set or put forth buds, давать почки, пускать ростки*, размножаться почкованием, почковаться (о дрожжевых клетках). Общеупотребительные глаголы, указывающие на увеличение количества, – ***gain***, ***increase***, ***accelerate*** – также употребляются в медицинском дискурсе, входя в состав различных словосочетаний: ***gain colour*** – порозоветь, ***gain weight*** – набрать вес, ***increase the dose*** – увеличить дозу, ***accelerate heart rate*** – увеличивать частоту сердцебиений.

Концепт «изменение количества» в сторону уменьшения репрезентируется глаголом ***cap*** – *to provide or protect with a cap,* его метафорическим значением ограничивать максимальную дозу.

Процесс изменения количества (уменьшение или увеличение) может приводить к изменению качества. Данный концепт репрезентирован глаголами, употребляющимися в химическом и фармацевтическом дискурсе, преимущественно для обозначения процессов, связанных с добавлением каких-либо веществ к имеющимся.

Прототипической лексемой выступает глагол ***admix*** – *to mix in, перемешивать, смешивать*. Этимологически он образован от суще-

ствительного *admixture – пр*имесь, восходящему к латинскому прилагательному *admixtus – mixed with*. В структуре глаголов может быть указано, какое вещество добавляется, например: с***arbonize*** *– to combine or impregnate* (*a metal*) *with carbon, науглероживать, науглеродить, обуглер*одить, обуглероживать (добавляется углерод), ***alcoholize*** *– to treat or saturate with alcohol, обр*абатывать или пропитывать спиртом; превращать в спирт (добавляется спирт). Добавление извне возможно и на атомарном уровне, например: ***acidify*** *– to convert ino acid, to make acid,* окислять, подкислять, повышать кислотность (процесс окисления состоит в передаче электронов от атома восстановителя к атому окислителя). Процесс, обозначаемый глаголом ***dilute*** *– to make thinner or more liquid, ра*створять, разжижать, разбавлять, также предполагает изменение концентрации вещества, что приводит к изменению его качественных характеристик. В результате подобных процессов меняются химический состав, качественные характеристики объекта, подвергнутого данному воздействию, т.е. сами глаголы содержат дополнительную сему «изменение качества реципиента».

Процесс изменения количества может проявляться в изменении размера объекта – уменьшении или увеличении его пространственных характеристик, что приводит к изменению формы объекта. Процесс таких изменений можно наблюдать визуально. В данном случае категория количества оказывается связанной с категорией пространства. Например, глагол ***bulb***, этимологически восходящий к греческому слову *bolbos – plant with round swelling on underground stem, onion*, получил ботаническое значение образовывать луковицу; будучи метафорически переосмысленым, приобрел значение выпирать, расширяться, т.е. отражает изменение размера и формы. Аналогичен глагол ***bunch*** *– to form into a bunch, to swell, to protrude, с*обирать / образовывать пучки; держаться / собираться вместе, образовывать выпуклость.

Интенсивность, «обозначая приближенную количественную оценку качества, является, таким образом, частным проявлением категории количества, а именно той ее стороны, которая характеризуется как неопределенное количество» [Карповская 2010, 134]. «Семантический признак интенсивности можно определить как отклонение от ординарного уровня проявления определенных свойств предмета» [Ревенко 2013, 203].

Такая трактовка интенсивности предполагает сравнение с уровнем нормы. Однако в случае с интенсивностью, выраженной глагольными единицами, не совсем правомерно говорить о поня-

тии нормы, так как ее не всегда можно определить (например, ***to scorch*** – *to burn a surface of,* обжигать(ся), *больно раниться*). В медицинском контексте нормой можно считать отсутствие каких-либо патологических проявлений, нарушающих функционирование организма. Семантика глаголов, обозначающих различные медицинские процессы, показывает, что отклонение от нормы может быть в сторону увеличения или уменьшения интенсивности.

Концепт «увеличение интенсивности» репрезентирован в семантике глаголов ***to worsren*** – *to make / become worse, ухудшать*(ся), *прогрессировать* (о патологическом прогрессе), ***to exhaust*** – *to tire extremely or completely, истощать, изнурять,* ***to sensitize*** – *to make / become sensitive or hypersensitive, делать чувствительным, повышать чувствительность.* Данные глаголы предполагают постепенное увеличение интенсивности проявления процесса. Глаголы ***to boost*** – поднимать, активно поддерживать, усиливать, простимулировать, ***to fuel*** – возбуждать, разжигать (эмоции), демонстрируют резкое увеличение интенсивности. Это подтверждается анализом их этимологии: ***to boost*** – *to lift or raise by pushing from behind* (глагол *push* репрезентирует резкое движение). Значение глагола *to fuel* в процессе своего развития и употребления претерпело изменения от *fuel, material for burning, feed or furnish with fuel* до метафорического значения *to fuel one's emotions / patient's self-esteem / the immunity*. Горючим веществам свойственно разгораться очень быстро.

Глаголы ***to trespass*** (*to violate*) и ***to abuse*** (*to put to a wrong or improper use, to use without medical justification*) – злоупотреблять, ***to engorge*** – *to eat food ravenously or greedily, to suck blood to the point of congestion,* жадно и много есть; наполняться (жидкостью), набухать; наливаться кровью (об органе), отражая категорию интенсивности, одновременно отражают категорию количества, так как указывают на многократное повторение процесса либо увеличение количества потребляемого (например, глагол *engorge*).

Некоторые глаголы, содержащие сему «увеличение интентивности», одновременно отражают пространственную категорию, указывая на направление воздействия, например, ***to affect*** – *to produce an effect upon, поражать*(ся) болезнью, влиять, воздействовать, ухудшать.

Концепт «уменьшение интенсивности» объективируется синонимичными глаголами ***to abate, to appease, to alleviate***, имеющими значения уменьшать, ослаблять, смягчать, ослабевать и употребляющимися по отношению к физиологическим (*the pain, hunger*) или эмоциональным проявлениям (*spirits, grief*), а также при наиме-

новании действия, направленного на другого человека (***to appease madman*** – утихомирить сумасшедшего, унять сумасшедшего).

В зависимости от степени достижения результата, обозначенного глаголами, они способны отражать категорию «следствие». Кроме того, в ряде случаев семантика слова, с которым сочетается глагол, приводит к изменению концептуального признака. Так, словосочетание *to alleviate drug shortage* – сократить нехватку лекарственных средств – отражает субкатегорию количества, переход от признака уменьшения к признаку его увеличения. Исходное значение глагола ***to alleviate*** отражает признак уменьшение интенсивности – *to mitigate, relieve* (*sorrows, suffering*). Историческое развитие значения данного глагола свидетельствует о троекратной смене концептуального признака: от прямого значения латинского прилагательного *levis – light in weight* до метафорического переосмысления в структуре латинского глагола *alleviare – to lighten a burden, to console* (прямое значение *lift up, raise*) к контекстуальным значениям.

Примером перекатегоризации могут послужить глаголы ***to balm*** и ***to fade***. Значение глагола *balm* образовано путем конверсии от существительного *balm* со значением *any aromatic preparation used in healing wounds or soothing pain, or as a perfume or in anointing* с дальнейшим метонимическим переосмыслением его значения к успокаивать боль; бальзамировать. Первоначальное значение глагола *fade – become weak, wilt, wither*, сохраняется, однако с середины XIV века данный глагол стал использоваться в метафорическом значении *lose brightness, grow pale*, вянуть, чахнуть, исчезать, обесцвечиваться, умирать. В семантике второго глагола нашла свое отражение категория признака, в частности признак цвета.

Наряду с постепенным проявлением нарастания или снижения интенсивности протекания процесса специальные глаголы, функционирующие в медицинском дискурсе, вербализуют концепт «высокая степень интенсивности», например: ***to exaggerate*** – *to enlarge or increase especially beyond the normal, чрезмерно под*черкивать, сгущать краски, преувеличиваться. Сема «высокая интенсивность» имплицитно содержится в следующих парах синонимичных глаголов и выявляется при анализе их дефиниций*:* ***to agonize*** и ***to throe*** – испытывать сильные мучения, сильно мучиться, быть в агонии, подвергать страданиям), ***to throttle*** и ***to suffocate*** – *душить,* задыхаться, дышать с трудом.

Концепты «изменение количества» и «изменение интенсивности» в сторону уменьшения, а также «изменение количества» в процессе разложения на части репрезентируются многозначным

латинским предлогом *de-*, употребляющимся в виде префикса в структуре глаголов и слов других частей речи. Данный префикс имеет несколько значений – *down from, off, away from, from among down to the bottom, totally, completely*, что подтверждает его способность отражать и собственно количественные изменения, и изменения интенсивности. Многие глаголы, маркированные морфемой *de-*, вербализуют описанные ранее концепты.

Указание на изменение количества, влекущее за собой изменение качества, выявляется в глаголах ***to de-alcoholize*** – *to remove alcohol, сокращать содержание алк*оголя (в напитке), *делать безалкогольным* (напиток), *удалять спирт*, ***to debulk*** – *to remove all or most of the substance of* (*a tumour or lesion*), *сокращать, уменьшать объем, уменьшать массу, сокращать массу,* ***to decalcify*** – *to remove calcium from, декальцин*ировать, удалять соли кальция, ***to deflate*** – *to release air of gas from, to reduce in size, вык*ачивать (воздух), *сп*адать (о легком).

Уменьшение количества с последующим уменьшением интенсивности выявляется в семантике глагола ***to decelerate*** – *to reduce the speed, замедлять, уменьшать скорость или ча*стоту вращения, сбавлять обороты, ***to destain*** – *to selectively remove stain from (a specimen for microscopic study), удалять краситель, обесцвечивать*.

Уменьшение интенсивности с последующим изменением качества в лучшую (1) или худшую (2) сторону объективируется глаголами: (1) ***to deallergize*** – проводить гипосенсибилизацию, десенсибилизировать, ***to decongest*** – *to ease crowding or cloggins in, уменьшать, снижать, подавлять, устранять застойные явления или от*еки, (2) ***to debilitate*** – *to impair the strength of, ослаблять, изнурять, истощать,* ***to degenerate*** – *to pass from a higher to a lower type or condition, дегенерировать, вырождаться, становит*ься хуже (физически, интеллектуально, морально).

Глагол ***to define*** – *to show or describe clearly and completely, to show the shape, outline, or edge of something very clearly, определять, выявлять, устанавливать, устанавливать гр*аницы (например, операционного поля), *распознавать* (заболевание), также содержит указание на изменение количества путем разделения на части. Однако это разделение происходит не механически на осязательном уровне, а на абстрактном уровне, и отражает когнитивный процесс.

Префикс *de-* репрезентирует концепт «лишение чего-либо» в процессе разделения на части, например: ***to decapitate*** – *to cut off the head, декапитировать, обез*главливать (погибающий плод), ***to decerebrate*** – *to remove the cerebrum from, децеребри*ровать, удалять головной мозг, ***to deganglionate*** – *to remove the ganglion, удалять нервны*е

узлы, ***to desquamate*** *– to peel or come off in scales, шелушиться, лупиться*, слущиваться, отпасть, отпадать.

Соотношение целого и части репрезентируется глаголом ***to delimit*** *– to fix or define the limits of*, который наряду с категорией количества (разграничивать, размежевывать) реализует категорию времени (предотвращать распространение).

Концепты «уравнивание количества» и «уравнивание интенсивности» находят отражение в терминах ***to balance*** *– to bring into harmony or proportion, уравновешивать*; взвешивать, компенсировать, нейтрализовать, ***to equilibrate*** *– to bring in or to keep in equilibrium, уравновешивать; кондиционировать, выдерживать* (хим.). В зависимости от контекста они репрезентируют процесс уравновешивания либо количества, либо интенсивности.

Глагол ***to control*** в значении *to reduce the incidence or severity of something, купировать, и глагол* ***to arrest*** *– to bring to a stop, останавливать, задерживать, угнетать, подавлять*, устранить (наркозависимость), репрезентируют концепт «уменьшение интенсивности» и приобретают сему стабилизации процесса и перехода в состояние полного прекращения процесса. Глагол ***to control*** в значении контролировать, регулировать, управлять приобретает сему «нормализация и сохранение состояния».

Статистический анализ глаголов, обозначающих различные медицинские процессы и состояния, показал, что из 825 однословных лексических единиц 528 (64%) отражают категорию количества как численный показатель, 297 (36%) – количественность как проявление интенсивности действия.

Заключение

Глагольные единицы являются неотъемлемой частью медицинского дискурса. Глаголы, функционирующие в медицинской терминологии, отражают различные онтологические и гносеологические категории, к последним относится исследуемая категория количества. Количественность объективируется как признак действия, выявляемый преимущественно на семантическом уровне и значительно реже на словообразовательном уровне с помощью префиксов. В то же время префиксы, репрезентирующие количественные характеристики, обладают высокой словообразовательной потенцией и активно используются в процессе словотворчества. Нередко префиксы позволяют визуализировать процесс, обозначенный глаголом.

Исследуемый материал показал, что количественность репрезентируется как счетная величина (64% слов) и как величина, демонстрирующая интенсивность протекания процесса (36% выборки). Статистическое различие свидетельствует о значительной роли точных характеристик проявления процессов в медицине. Анализ глагольной лексики позволил сделать вывод о том, что в ряде случаев изменение количественных характеристик различных процессов приводит к качественным трансформациям конечного действия. Необходимо подчеркнуть, что категория количества не является обособленной: в структуре семантики глагольной единицы она способна коррелировать с категориями времени, следствия, пространства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акжигитов, Акжигитов 2005 – *Акжигитов Г. Н., Акжигитов Р. Г.* Большой англо-русский медицинский словарь. М.: Изд. г-на Акжигитова Р. Г., 2005.

Бажанова 2010 – *Бажанова Ю. И.* Когнитивные основания лингвистической категории количества // Иностранные языки в высшей школе. 2010. № 4 (15). С. 5–13.

Борисов и др. 2019 – *Борисов Е. В., Ладов В. А., Мелик-Гайказян И. В., Найман Е. А., Суровцев В. А., Юрьев Р. А.* Проблемы современной философии языка / под ред. Е. В. Борисова. Томск: Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2019.

Горбулёва, Мелик-Гайказян, Мещерякова 2013 – *Горбулёва М. С., Мелик-Гайказян И. В., Мещерякова Т. В.* Меч и скальпель: семиотическая диагностика трансформации властных взаимоотношений как культурных детерминаций основных принципов биоэтики. Томск: Изд-во ТГПУ, 2013.

Карповская 2010 – *Карповская Н. В.* Категория интенсивности атрибутивного признака как частное проявление категории количества // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 2 (156). С. 133–137.

Кузина 2014 – *Кузина И. Ю.* Категория количества и ее выражение в языке (введение в проблематику) // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2014. № 1 (13). С. 108–117.

Мелик-Гайказян 2009 – *Мелик-Гайказян И. В.* Идея процесса и проблема измерения // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 20, № 2. С. 127–141.

Мелик-Гайказян 2022 – *Мелик-Гайказян И. В.* Семиотическая диагностика расщепления траекторий мечты о прошлом и мечты о будущем // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, № 4 (114). doi: 10.18254/S207987840021199-7

Пашенцев 2022 – *Пашенцев Д. А.* Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Юриспруденция. 2022. № 3. С. 44–50. doi: 10.18384/2310-6794-2022-3-44-50.

Ревенко 2013 – *Ревенко И. В.* Комплекс признаков семантической категории «интенсивность» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2013. № 2 (24). С. 200–205.

Рожкова 2021a – *Рожкова Т. В.* Картина мира медицины сквозь призму специальной глагольной лексики // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. Вып. 6 (218). С. 60–70.

Рожкова 2021b – *Рожкова Т. В.* Отражение категории «движение» в медицинской лексике // The Scientific Heritage (Budapest, Hungary). 2021. Vol. 6 (80). P. 43–45.

Рожкова 2021c – *Рожкова Т. В.* Полисемия англоязычной глагольной лексики // Методические и лингвистические проблемы LSP: сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 18–19 мая 2021 г. Самара: Самарский гос. мед. ун-т, 2021. С. 274–285.

Рожкова, Барбашёва 2022 – *Рожкова Т. В., Барбашёва С. С.* Глаголы в медицинском дискурсе: экспликация категории процес // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (164). С. 206–211.

Рожкова, Рылкина 2022 – *Рожкова Т. В., Рылкина О. М.* Семантическа темпоральность в лингвокогнитивном ракурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 350–354.

Сивоконева, Клинг, Виноградова 2021 – *Сивоконева Ю. М., Клинг В. И., Виноградова Л. В.* Медицинский дискурс в межкультурной коммуникации и реализации профессионального билингвального обучения в медицинском университете // Межкультурная коммуникация в образовании и медицине. 2021. № 4. С. 63–69.

Столяр 2019 – *Столяр Е. Д.* Формирование смыслов оценочного характера в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 41–48.

Тураева, Биренбаум 1985 – *Тураева З. Я., Биренбаум Я. Г. Н*екоторые особенности категории количества // Вопросы языкознания. 1985. № 4. С. 122–130.

Merriam-Webster's Medical Dictionary 1995 – Merriam-Webster's Medical Dictionary. Springfield, MA, 1995. 798 p.

Oxford Dictionary of English 2010 – Oxford Dictionary of English. Oxford: Oxford University Press, 2010. 2069 p.

REFERENCES

Akzhigitov, G. N., & Akzhigitov, R. G. (2005). *Bol'shoy anglo-russkiy meditsinskiy slovar'* [Large English-Russian medical dictionary]. Izdanie g-na Akzhigitova R. G.

Bazhanova, Yu. I. (2010). Kognitivnye osnovaniya lingvisticheskoy kategorii kolichestva [Cognitive foundations of the linguistic category of quantity]. *Inostrannye yazyki v vysshey shkole*, *4*(15), 5–13.

Borisov, E. V., Ladov, V. A., Melik-Gaykazyan, I. V., Nayman, E. A., Surovtsev, V. A., & Yur'ev, R. A. (2019). *Problemy sovremennoy filosofii yazyka* [Problems of modern philosophy of language]. Tomsk State University.

Gorbuleva, M. S., Melik-Gaykazyan, I. V., & Meshcheryakova, T. V. (2013). *Mech i skal'pel': semioticheskaya diagnostika transformatsii vlastnykh vzaimootnosheniy kak kul'turnykh determinatsiy osnovnykh printsipov bioetiki* [The sword and the scalpel: Semiotic diagnostics of the transformation of power relationships as cultural determinations of the basic principles of bioethics]. TSPU.

Karpovskaya, N. V. (2010). Kategoriya intensivnosti atributivnogo priznaka kak chastnoe proyavlenie kategorii kolichestva [The category of intensity of an attributive feature as a particular manifestation of the category of quantity]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*, *2*(156), 133–137.

Kuzina, I. Yu. (2014). The category of quantity and its manifestation in the language (Introduction to the problem). *Nauchno-pedagogicheskiy zhurnal Vostochnoy Sibiri Magister Dixit*, *1*(13), 108–117. (In Russian).

Melik-Gaykazyan, I. V. (2009). Ideya protsessa i problema izmereniya [The idea of process and the problem of measurement]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*, *2*0(2), 127–141. (In Russian).

Melik-Gaykazyan, I. V. (2022). Semiotic diagnostics of the trajectory splitting between a dream of the past and dream of the future. *Istoriya*, 13:4(114). (In Russian). https://doi.org/10.18254/S207987840021199-7

Merriam-Webster. (1995). *Merriam-Webster's Medical Dictionary*. Merriam-Webster.

Oxford University Press. (2010). *Oxford Dictionary of English*. Oxford University Press.

Pashentsev, D. A. (2022). Pashentsev D.a. Anthropocentrism as Overcoming Narrative in Historical and Legal Studies. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 3, 44–50. (In Russian). https://doi.org/10.18384/2310-6794-2022-3-44-50

Revenko, I. V. (2013). Kompleks priznakov semanticheskoy kategorii "intensivnost'" [The complex of features of the semantic category "intensity"]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*, *2*(24), 200–205.

Rozhkova, T. V. (2021). Otrazhenie kategorii "dvizhenie" v meditsinskoy leksike [Reflection of the category "movement" in medical vocabulary]. *The Scientific Heritage. – Budapest, Hungary*, *6*:80 (80), 43–45.

Rozhkova, T. V. (2021). Polysemy of the English Verbal Lexicon. In *Metodicheskie i lingvisticheskie problemy LSP* [Methodological and Linguistic Problems of LSP] (pp. 274–285). Conference Proceedings. Samara State Medical University. (In Russian).

Rozhkova, T. V. (2021). Worldview of Medicine From the Perspectives of Special Verbs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo ped un-ta – TSPU Bulletin*, *6*(218), 60–70. (In Russian). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2021-6-60-70

Rozhkova, T. V., & Barbasheva, S. S. (2022). Verbs in the medical discourse: The explication of the category "process". *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*, *1*(164), 206–211. (In Russian).

Rozhkova, T. V., & Rylkina, O. M. (2022). Semantic temporality of verbs in the view of language and cognitive science. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, *4*(51), 350–354. (In Russian).

Sivokoneva, Yu. M., Kling, V. I., & Vinogradova, L. V. (2021). Meditsinskiy diskurs v mezhkul'turnoy kommunikatsii i realizatsii professional'nogo bilingval'nogo obucheniya v meditsinskom universitete [Medical discourse in intercultural communication and the implementation of professional bilingual education at a medical university]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v obrazovanii i meditsine*, 4, 63–69.

Stolyar, E. D. (2019). Value Meaning Creation in Language. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 41–48.

Turaeva, Z. Ya., & Birenbaum, Ya. G. (1985). Nekotorye osobennosti kategorii kolichestva [Some features of the category of quantity]. *Voprosy yazykoznaniya*, 4, 122–130.

Материал поступил в редакцию 30.06.2022
Материал поступил в редакцию после рецензирования 11.12.2022

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕКЛЮЧАТЕЛЬ В МЕДИЦИНЕ

Т. А. Сидорова
Новосибирский государственный университет, Россия
t.sidorova@g.nsu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект «Человек и новый технологический уклад. Антропологический форсайт» № 21-18-00103).

Поставлены вопросы о том, как будут изменяться язык, симптомология, системы описаний патологий, отношения врача и пациента в связи с цифровой трансформацией медицины. Эффекты цифровизации анализируются с помощью герменевтического и семиотического подходов, «обозначающий» и «понимающий» методы используются для создания альтернативного взгляда взамен господствующим сегодня логике и языку информационных технологий. Цифровизация начинается с электронных медицинских карт, переводит наблюдение и контроль за состоянием пациента на персональные медицинские помощники, формирует базы данных, на основе которых создаются интеллектуальные нейросети и системы поддержки врачебных решений. Телемедицина меняет коммуникационные форматы и преобразует субъектность пациента и врача. Внедрение цифровых алгоритмов изменяет нарративы пациентов, прочтение знаков болезни. Общение врача и пациента стремится к тому, чтобы пациент описывал свое страдание через ответы на тестовые вопросы. Формализация языка врачебного описания и пациентского нарратива превращает «текст» болезни в медицинские данные. Возникает риск перевода медицины на язык, который в значительной степени будет создан IT-специалистами, а врач станет оператором интеллектуальных систем сбора и анализа медицинских данных. Цифровая трансформация медицины – это глубинные, качественные преобразования всей сферы заботы о здоровье человека как на индивидуальном, так и на социальном, институциональном уровнях. Цифровая трансформация происходит, когда люди начинают думать и действовать по другим кодам, медицина становится визуально иной.

Семантическое цифровое переключение находит отражение в этосе медицины. Происходит инверсия субъектности вплоть до отказа от ответственности, которая передается цифровым системам. Семиозис медицины переориентируется от моральных целей к экономическим. Цифровизация порождает новые типы отношений врача и пациента, усиливает их автономию, но может и создавать условия для солидарных отношений заботы в медицине. Оценивая риски цифровизации в медицине, фиксируется точка дивергенции: могут произойти углубление редукционистского, опосредованного цифровыми технологиями, взгляда на симптоматику живого страдающего тела и дальнейшее дистанцирование между врачом и пациентом,

или генетизированная и цифровая персонализация позволит учесть многослойную систему индивидуальных и культуроспецифичных обозначений, ввести их интерпретацию в мир научной медицины, переформатирует солидарные связи между субъектами медицины через ответственное распоряжение информацией.

Ключевые слова: цифровая трансформация медицины, персонализированная медицина, биоэтика, медицинская семиотика, герменевтический метод, медицинские данные, системы поддержки врачебных решений, персональный медицинский помощник, взаимодействие врача и пациента

DIGITAL TRANSFORMATION AS A SEMANTIC SWITCH IN MEDICINE

Tatiana A. Sidorova
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
t.sidorova@g.nsu.ru

The article raises questions about how language, symptomatology, pathology description systems, and doctor-patient relationship will change in connection with the digital transformation of medicine. The effects of digitalization are analyzed using hermeneutic and semiotic approaches, the "signifying" and "understanding" methods are used to create an alternative view instead of the logic and language of information technology that prevails today. Digitalization begins with electronic medical records, transfers monitoring and control of the patient's condition to personal medical assistants, and forms databases, which are the basis for the creation of neural networks and medical decision support systems. Telemedicine changes communication formats and transforms the subjectivity of the patient and the doctor. The introduction of digital algorithms changes the narratives of patients, the reading of the signs of the disease. The doctor-patient communication tends to have the patient describe their suffering through answers to test questions. The formalization of the language of medical description and patient narrative turns the "text" of the disease into medical data. There is a risk of translating medicine into a language that will largely be created by IT specialists, and the doctor will become the operator of intelligent systems for collecting and analyzing medical data. The digital transformation of medicine is a deep, qualitative transformation of the entire sphere of human health care, both at the individual and the social and institutional levels. Digital transformation occurs when people begin to think and act according to other codes, medicine becomes visually different. Semantic digital switching is reflected in the ethos of medicine. There is an inversion of subjectivity up to the disclaimer of responsibility, which is transferred to

digital systems. The semiosis of medicine is reoriented from moral to economic goals. Digitalization generates new types of relationships between the doctor and the patient, strengthens their autonomy, but can also create conditions for a solidarity relationship of care in medicine. In assessing the risks of digitalization in medicine, a point of divergence is fixed: a deepening of a reductionist, digitally mediated view of the symptoms of live suffering humans and further distancing between the doctor and the patient may occur. Also, geneticized and digital personalization will allow taking into account a multilayer system of individual and culture-specific designations, introducing their interpretation into the world of scientific medicine, reformatting the solidary ties between the subjects of medicine through the responsible disposal of information.

Keywords: digital transformation of medicine, personalized medicine, bioethics, medical semiotics, hermeneutic approach, medical data, medical decision support systems, personal medical assistant, doctor-patient interaction

DOI 10.23951/2312-7899-2023-1-113-129

Белые халаты в медицине уходят в прошлое. Появление в XIX веке белого халата было связано с революционными изменениями в борьбе с болезнями в связи с открытием антисептики, развитием инфекционных теорий патогенеза. Утверждают, что Н. И. Пирогов, используя перевязочный материал белого цвета, предварительно рассматривал его под микроскопом. Постепенно белый цвет стал ассоциироваться с этико-нравственными коннотациями, передавал высокий смысл врачебной профессии, говорил о помощи, милосердии, бескорыстии. О. В. Артемьева обращает внимание на то, что «…визуальная семиотика обнаруживает, при внимательном рассмотрении, и свою связь с этикой, отмечая и изучая случаи фиксации культурно значимых моральных норм с помощью образных (наглядных) средств» [Артемьева 2019, 76]. Белый цвет принимался как символ безусловной человеческой солидарности, которая заложена в фундамент медицины. Сегодня в репортажах о достижениях современной высокотехнологичной медицины врачи и ассистенты фигурируют в ином виде, цветовая символика и дизайн профессиональной одежды являются результатом поиска сложносочиненных линий и оттенков, базовый белый отвергнут по функциональным соображениям и чтобы провести демаркацию с традиционными смыслами медицины. Оцифрованную медицину олицетворяют оттенки нового мира Hi Tech, они бликуют тонами компьютерных экранов, сообщают о враче нечто иное, нежели белый халат. Пациенту белый халат внушал надежду встретить поддержку и эмоциональное присоединение, дизайнерские оттенки

меняют курс на ожидания новых возможностей, технологически обеспеченных чудес исцеления. Это новая информация о враче, порождающая новую коммуникацию с ним как с техническим специалистом. Меняются как визуальные коды медицины, так и средства ее визуализации [Мещерякова 2015, 129].

В эпоху цифровой трансформации в медицине изменение визуальных кодов является символическим воплощением масштабного семантического переключения, преобразующего как внешние институциональные аспекты, так и ее субъектов, проникающего в глубинные основания представлений о болезни и здоровье, изменяющего сложившиеся способы взаимодействия. В анализе таких трансформаций эффективными являются междисциплинарные исследования, трансдисциплинарная стратегия – выходящая за пределы экспертного толкования. Например, так это происходит в биоэтике в осмыслении рисков и последствий технологических преобразований в медицине: используются синтетические методологии, в данном случае семиотический и герменевтический подходы, поскольку они позволяют схватить объекты анализа в их существовании на границах разных эпистемологий, в проблемном воплощении, проникая в разномерные культурные и человеческие среды [Горбулёва, Мелик-Гайказян, Мещерякова 2013, 57–97].

Под цифровой трансформацией медицины понимают системные изменения в сфере заботы о здоровье, которые происходят в результате внедрения современных технологий, базирующихся на цифровых алгоритмах обработки информации, для принятия решений по медицинским вопросам как специалистами, так и пациентами, для управления и организации здравоохранением, для оптимизации коммуникационных процессов, что приводит к созданию телемедицины, и для многих других аспектов медицинской деятельности. Иное толкование цифровой трансформации состоит в том, что в отличие от просто изменений, которые приходят с цифровизацией, трансформация обозначает появление принципиально новых элементов и эффектов, которых бы не было без цифровых технологий. Иными словами, если цифровизация – это когда с помощью информационных технологий и компьютеров автоматизируются те процессы, которые уже есть, то цифровая трансформация – это когда с помощью новых цифровых технологий возникают процессы, которых без них не существовало в принципе [Гуманитарные… 2022, 286]. Однако с точки зрения гуманитарного взгляда технологическая трансформация – не только возникновение нового, инновационность, но и изменения, которые

вызывают беспокойство, несут риски для человека и общества. Недаром цифровизация вносит свои коррективы практически во все области человеческой жизни и деятельности. Наступление новой эры в медицине также связывают с возможностями генетической диагностики и формирующейся на ее основе 4П-медицины [Сидорова 2017, 84]. Конвергенция цифровой и генетизированной медицины обещает изменить до неузнаваемости и здравоохранение, и социальные отношения в широком значении, поскольку жизнедеятельность человека все больше будет сосредоточена на капитализации здоровья.

Благодаря цифровой трансформации уже сегодня происходит реорганизация структур здравоохранения, топос медицины виртуализируется и все больше захватывает жизненное пространство пациента: для встречи с врачом необязательно приходить в медицинское учреждение, в телемедицине кабинетом врача становится личный кабинет пациента в сетевом блокчейне хранения медицинской информации; мониторирование состояния пациента происходит с помощью персональных медицинских помощников (ПМП) – удаленных датчиков, передающих информацию в облако данных, где с ней работает система поддержки врачебных решений (СПВР) – искусственный интеллект (ИИ). СПВР генерирует для врача рекомендации, как реагировать на поступающую от пациента информацию: продолжать наблюдение, предпринимать экстренные меры, что-то изменить в назначениях. Статусно-ролевые функции врача также трансформируются: в цифровой медицине от врача требуется обладать глубокими знаниями как о патологиях, так и об информационных технологиях, чтобы быть умелым пользователем IT, способным верифицировать «осмысленные» искусственным интеллектом данные [Mesko, Görög 2020]. Пациент тоже меняется, он должен как минимум разбираться в мобильных приложениях, через которые работают персональные медицинские помощники, в кодах медицинских блокчейнов, позволяющих сохранить для пациента возможность самому распоряжаться информацией, а также в том, как обеспечить бесперебойную отправку данных на удаленные мониторирующие серверы. Кроме того, пациент должен оперативно реагировать на сообщения и рекомендации, поступающие от врача или интеллектуальной системы, что-то предпринимать для контроля за своим состоянием. В конечном итоге, чтобы эффективно использовать открывающиеся возможности персонализированной медицины, максимально учитывающей индивидуальные особенности организма на осно-

ве генетического профиля, пациент должен быть готов изменить образ жизни, привычки, перестроить свою жизнь в соответствии с тем, как того требует включенное наблюдение в виртуальной медицине. Субъектность пациента возрастает, медицина становится партисипативной – погружается в частную жизнь человека.

Сегодня цифровизация медицины во многих странах завершает прохождение первой ступени: перевод в цифру электронных медицинских карт и создание медицинских информационных систем (МИС) разного масштаба: от регионов до охвата всей национальной системы здравоохранения. Базисным структурным элементом семиозиса медицины становится электронная медицинская карта. В ней трансформируются врачебные повествования – описание анамнеза, жалоб пациента, рекомендаций по обследованию и лечению, заключение с выставлением диагноза: они предельно лапидарны, алгоритмизированы в соответствии с языками электронных платформ, для которых записи в электронной форме становятся частью баз данных. Перед IT-специалистами стоит задача максимально унифицировать врачебные и пациентские нарративы, формализовать их, так чтобы из первичных электронных документов можно было формировать сеты данных для обучения интеллектуальных систем. Разработчики российских цифровых платформ отмечают острую нехватку медицинских данных, необходимых для обучения систем ИИ и создания умных нейросетей для обеспечения максимально полного цикла цифрового сопровождения пациента и врача. Это связано с медленной адаптацией электронных карт; семантическое переключение на формализацию исходного этапа коммуникации врача и пациента, как и других элементов врачебной деятельности, не происходит автоматически.

Поток изменений в глазах одних исследователей выглядит как имманентный технологическому прогрессу, с точки зрения других, например критически настроенных техно-пессимистов или консервативных биоэтиков, он несет в себе риски и угрозы для человека и общества, которые необходимо прогнозировать, выявлять, обсуждать. Полагаем, что эффекты цифровизации актуализируют проблемы герменевтического характера: опосредованная цифрой связь не просто дистанцирует врача и пациента, цифровой алгоритм заставляет изменить способы понимания, нарративы пациентов, прочтение знаков болезни, редуцируя страдание как личностно выраженную интерпретацию состояния пациента.

Медицину можно рассматривать в качестве культурно-коммуникативного пространства, в котором складываются различные

семиотические комплексы, представляющие феномены болезни и здоровья, модели заботы и ухода, подходы к диагностике и лечению, профессию врача, типы отношений врача и пациента, больничные учреждения и системы здравоохранения и др. Семиотический подход широко используется в изучении самых разных феноменов медицины. Следуя мысли С. Аванесова о том, что «семиотическое содержание имеют различного рода культурно-коммуникативные комплексы, функционирующие благодаря своим оптически данным характеристикам; однако визуальные параметры могут быть выявлены даже и в вербально организованных феноменах и системах» [Аванесов 2014, 12], в медицине выделяются системы моральной регуляции, область отношений врача и пациента и их субпозиции, на их примере можно зафиксировать появление новых знаков, новых связей, свидетельствующих об изменениях. Герменевтика может быть представлена в экзистенциальном, культурологическом, онтологическом, феноменологическом, а также семиотическом ключе, поэтому применение герменевтического метода в анализе цифровой трансформации предполагает выбор фокусов и локаций, обладающих семантическим потенциалом. История герменевтического и семиотического подходов в медицине дает основание выделять в ней активные фазы и затухание интереса с точки зрения обнаружения эвристического потенциала. Однако в эпоху цифровой трансформации медицины возникает актуализация особого рода, связанная с тем, что «обозначающий» и «понимающий» методы можно использовать для набрасывания альтернативного русла взамен господствующим сегодня логике и языку информационных технологий. Есть риск переписывания медицины на язык, который в значительной степени будет создан IT-специалистами, а врач станет оператором интеллектуальных систем сбора и анализа медицинских Big Date. Герменевтика в приложении к семиотике медицины в эпоху перемен важна не для «чтения» текста как системы знаков, а для удержания важных для человека и общества смыслов в семантическом переключении в новой реальности цифровой медицины. Поскольку для достижения понимания необходимы выстраивание диалога, коммуникация, важно фиксировать появление новых обозначений в мире медицины, новых кодификаций, новой структурности, связанных с появлением цифрового опосредования встречи с болезнью и всех форм взаимодействия.

О медицинской семиотике и проблемах понимания болезни в цифровую эпоху

Что происходит в контексте цифровизации с пониманием болезни, ее симптомов, кодификациями болезни в различных системах описания? Для обучения систем искусственного интеллекта, интегрируемых в различные устройства от расшифровки изображений до СППР, актуальной задачей является адекватный перевод цифровых данных в медицинские значения, из которых складываются картины болезни, тексты патологий и ряды нозологий. Цифровые системы дают возможность расширять языки описания и одновременно могут редуцировать их до знаковых кодов используемых электронных средств. Происходит семантическое переключение с заменой вербальных кодировок в понимании симптомов на цифровые, выраженные на языке алгоритмов и паттернов персональных медицинских помощников – гаджетов, используемых в целях мониторирования. Для этого нужна формализация врачебного повествования: описания анамнеза и жалоб пациента, рекомендаций по обследованию и лечению, заключений с выставлением диагноза. Опросы пациентов в дистанционном формате предполагают, что на однозначно сформулированные вопросы пациент дает однозначные ответы. ИИ анализирует эти ответы и формулирует решение-подсказку для врача, он может принять ее или отказаться, однако рутинизация такой практики будет вести к изменению врачебного мышления, элиминировать клинический подход, в котором отправной точкой являются наблюдение, изучение симптомов как знаков болезни, прочтение патологии в контексте понимания человека как психосоматической целостности.

Медицинская семиотика становится актуальной в контексте цифровой трансформации. Но, чтобы не раствориться в редукционистском варианте формализованных языков описания, важно поддерживать герменевтическую функцию в понимании знаков и значений цифровой семиотики, т.е. не терять из виду того, что эти знаки принадлежат индивидуальному гипертексту человеческой личности. Здесь уместно вновь вспомнить слова Г. Лейбница о том, что «никто не должен бояться, что наблюдение над знаками уведет нас от вещей; напротив, оно приводит нас к сущности вещей».

Медицинская семиотика существует издавна как искусство и научно обоснованный метод распознавания и кодификации знаков болезни. С этой точки зрения всю систему медицинского знания можно представить как совокупность знаков и значений, как особый язык, включающий свой лексический состав – свою терминологию,

и свою грамматику – разного рода медицинские теории. Изначально семиотика развивается как знание о симптомах, симптомология. Не напрасно исследователи, отмечая родство симптомов и знаков, в семиотическом анализе используют понятия «симптом», «анамнез», «диагноз» в качестве знаков в изучении иных, немедицинских социальных процессов [Мелик-Гайказян 2022]. Одновременно исторически фиксируется связь семиотического, т.е. знакового, прочтения болезни и интерпретации, опираясь на индивидуальный и культурный контекст. В греческом смысле слова «семиотика» рассматривалась как симптоматология. Лишь намного позднее наука о знаках стала ассоциироваться с естественным языком. На протяжении многих столетий семиология выступает важнейшим компонентом медицинской науки, а симптоматология – неотъемлемой частью клинической семиотики. На основе трудов Гиппократа и Галена обнаруживается, что семиотика возникает из стремления осознания природы происхождения и взаимодействия между телом и сознанием внутри широкого культурного контекста [Найман 2014, 473–475].

Знаки болезни могут быть прочитаны на языке конвенциональной научной медицины и языках народной и традиционной медицины, интерпретированы врачом, пациентом и окружающими. Применение герменевтического метода в медицинской антропологии и нарратологии учитывало культурно выраженное личностное переживание болезни как состояния страдания, которое является уникальным и нуждается в переводе в знаковую систему помогающего Другого; им мог быть врач, близкий, тот, кто стремился помочь, а значит, с пониманием и сочувствием относился к больному. Здесь буквально понимание становилось формой не просто интеллектуального постижения – прочтения «текста» болезни в оптике знания, а интерпретацией переживаний страдающего Другого, эмпатией, формой эмоционального сопереживания и мотивом заботы – деятельностного понимания. С другой стороны, забота о здоровье, борьба с болезнью может быть рассмотрена как система обмена информацией, многослойная и многосоставная коммуникация с использованием разных способов обозначения состояний, выражения солидарности, способов фиксации знаний и их передачи. «Примером значения в семантике служит симптом болезни; значения, получаемые в синтаксическом расположении симптомов, подобны проявлению болезни, а значения в прагматике аналогичны постановке диагноза болезни. <…> Эти типы переносов и направления развития знаков образуют структуру коммуникаций в социокультурных

системах или, говоря современным языком, образуют каналы семиотических трансляций в пространстве коммуникаций» [Горбулёва, Мелик-Гайказян, Мещерякова 2013, 42].

В медицине всегда существуют герменевтические проблемы, проблемы перевода означающего (причины болезни, симптомы) в знаковую систему (описание болезни как процесса, нарушающего нормальное состояние организма и жизнь индивида), проблемы взаимного понимания разных языков описания. «Недостаточно установить отношение "знак–объект". Принципиально важно обнаружить тот поворот, который осуществляется в естественном языке и превращает объектно-ориентированное знание в знание личностно-ориентированное. Поэтому каждое состояние организма в норме и патологии переживается человеком как фундаментальное семантическое (герменевтическое) явление, т.е. такое явление, которое для своего понимания требует "толкования". Симптом приобретает личностный смысл – становится запросом, адресованным другому человеку, а совокупность симптомов (синдром) превращается в текст, требующий прочтения» [Тищенко 1991]. В коммуникативной плоскости проблемы понимания возникают, когда рассказ пациента о симптомах, данные непосредственного наблюдения адекватно переводятся врачом в текст профессионального медицинского описания. В цифровой медицине, особенно в дистанционном формате телемедицины, общение врача и пациента стремится к тому, чтобы пациент описывал свое страдание через ответы на тестовые вопросы. Рассказ пациента формируется сначала под нозологическую картину, а затем еще и под ее оцифрованный формат. Так медицина становится более точной, чтобы врач в дальнейшем мог действовать по протоколу доказательной медицины, индивидуально ориентированной, но из нее уходит понятие клинической картины, т.е. картины болезни, наблюдаемой врачом по признакам, которые демонстрирует сам пациент. Визуальная семиотика болезни репрезентируется врачу после машинной интеллектуальной обработки или замещается формализованным вариантом, предлагаемым цифровым алгоритмом для описания данного индивидуального случая. Однако нарративы пациентов сложно поддаются унификации; так же как в разработке интеллектуальных систем обработки изображений, на сегодня IT-специалисты пока не приблизились к созданию надежных алгоритмов [Морозов и др. 2020, 22].

Научная медицина становится таковой благодаря выработке единой номенклатуры болезней – нозологий, унификации латинизированных названий симптомов, синдромов, паттернов и других

единиц профессионального языка. Одновременно язык научной медицины теряет связь с метафорическими обозначениями болезней и мифологическим пониманием причин, их вызывающих. Как показал Е. А. Найман, в историческом выборе семиотика пошла по пути логико-рационалистической знаковой модели, ведущей происхождение от стоиков и Аристотеля. Утрачивается возможность стать универсальным способом научной методологии, происходит отказ от более раннего подхода к пониманию знаков и значений в ключе медицинской симптомологии, вышедшей из экспериментально-биологического толкования патологий, восходящей к Гиппократу, а позднее и к александрийскому врачу Эрасистрату (310–250 до н. э.), анатому Герофилу (335–250 до н. э.) и врачу-эпикурейцу Асклепиаду (130–40 до н. э.). Как указывает исследователь, в XX веке приходит осознание связи между общей теорией знака и медицинской практикой в трудах М. Фуко, Р. Барта. В теории К. Бюллера и Т. Себеока звучала прямая апелляция к тому, что в основу науки о знаках должна быть положена генетически запрограммированная система телесных симптомов, а интерпретация – стать существенной для семиотического анализа вообще [Найман 2014, 475]. Однако с развитием медицины в русле новоевропейского рационалистического научного метода в обозначении болезней преобладает формализующая терминологическая трактовка знака, манифестирующего себя в названии нозологии. Становясь наукой в своей нозологической форме, медицина отдаляется от понимания ее как искусства, от искусных, т.е. основанных не только на кодифицированном научном знании, но на разнообразной интерпретации практик в нахождении причин, вызывающих болезнь, и путей выздоровления человека. Полагаем, что цифровая трансформация находится в точке дивергенции: может произойти углубление разрыва знаковых систем нозологий от симптоматики живого страдающего тела или генетезированная персонализация индивидуально понимаемого страдания будет успешно реализована в знаковые системы медицинских Big Data и существенно повысит шансы на избавление от болезней. Учитывая, что «генерация информации происходит при “выходе из хаоса”», «в точках бифуркаций» [Мелик-Гайказян 1997, 108, 20], накопление биомедицинских данных в информационных системах может детерминировать системные изменения в медицине.

Герменевтический метод в медицине

Герменевтический поход к понятию «симптом» проанализирован в совместной работе Byron и Mary-Jo Delvecchio Good [Good,

Good 1980]. Медицинскую семиотику стали рассматривать как часть общей семиотики, обнаруживая через интерпретацию знаков смысл болезни [Nessa 1996]. В современной медицине под влиянием тренда генетизации в поисках коррелятов заболеваний погружаются вглубь человеческой телесности на уровень генов, это приводит к расширению сферы означаемого в симптоматике, а в притязаниях предикативной медицины, нацеленной на упреждающее выявление самой возможности заболеть, происходит инверсия знака и означающего: генетическая мутация становится знаком до проявления каких-либо наглядно фиксируемых симптомов. В медицинской семиотике сегодня возникает направленность на то, чтобы включать в сферу означающего не только телесные, биологические симптомы, но и другие способы восприятия болезни пациентами [Kugelmann 2003; Winn et al. 2019].

В герменевтическом аспекте проблема «понимающего» прочтения знака болезни может быть представлена как эпистемический конфликт, объективно присутствующий в познании. «Герменевтический подход начинается именно с того, что утверждается принципиальная невозможность совпадения отображаемого в мире слов и порядка вещей, и, более того, в этом несовпадении обнаруживается особый смысл. Язык представляет собой суверенную реальность, которая обладает своей рациональностью, особой функцией, невыводимой из функции “отражения”… Особенности же научного клинического мышления состоят в том, что симптом – это лишь проявление лежащей в его основании биологической реальности, причины и следствия болезни также локализуются на биологическом уровне, закономерности сочетания симптомов объясняются при помощи биохимических, иммунологических и других моделей» [Тищенко 1991].

Само истолкование болезни и здоровья имеет относительную природу. Причем эта относительность вызывает несоответствие интерпретаций и понимания, нахождения адекватных решений не только в эпистемических целях, а в первую очередь для отражения фактического состояния пациента. Далее она продолжается в сфере взаимодействия врача и пациента, находит свое выражение на социальных уровнях легитимации состояний человека и запечатлевается в этнической и культурной обусловленности понимания здоровья и болезни. Представители различных социальных групп могут по-разному относиться к одним и тем же болезням, осознавать и выражать отношение к возникшему заболеванию. Попытка учитывать всю эту многослойную систему обозначений и ввести культуроспецифичную репрезентацию страдания в мир научной

медицины может стать шансом для цифровой медицины с ее возможностями накапливать огромные массивы данных, открывая личные кабинеты для индивидуальных историй болезни.

Герменевтический подход скрепляет объективированную историю болезни как систему знаков и ее воплощение в живом индивиде, с которым имеет дело медицинский работник. Толкование и понимание как основа герменевтики важны для обучения, для развития медицинской культуры в обществе, для соблюдения этико-деонтологических норм в медицине.

Семантические трансформации в этосе медицины

В пространстве, где информация перетекает в коммуникацию, формируется этос с соответствующими правилами, фиксирующими целеориентирующие смыслы взаимодействий субъектов медицины, усиливается субъектность врача и пациента.

В цифровую эпоху возникают феномены «гибридной информации», из которой истиной будет то, во что верит автор нарратива, и только рамки дискурса являются верификатором. В медицине так непосредственно соприкасаются объективное и субъективное, феноменальное и фактическое, визуальное и невидимое, нозологическое и органическое. Пациент чувствует боль, но его чувство должно пройти ступени интерпретаций до того, чтобы быть прочитанным как болезнь и легитимированным для медицинского воздействия, которое одновременно является и социальным воздействием – применением различных систем социального призрения и нормирования: какие лекарства допустимо использовать в клинике, будут ли они доступны, отнесены к жизненно необходимым, включены ли в льготную категорию и т.д. Поэтому так важны в медицинском мире процедуры, направленные на установление взаимного понимания, нормы медицинской этики, устанавливающие пределы интерпретаций – допустимых действий в отношениях врача и пациента. Цифровая трансформация не только порождает принципиально новые способы прочтения текста болезни и принятия врачебных решений, но и по-новому организует коммуникативное пространство, актуализируя действие автономизирующих норм, трансформируя субъектность врача и пациента, передавая ответственность цифровому заместителю: искусственному интеллекту, медицинской информационной системе, мониторирующим персональным медицинским помощникам. Взаимодействия врача и пациента осуществляются в логике автономного потребительского вы-

бора, происходит переключение смысла медицины от понимания ее семиозиса в качестве солидарной помощи, основанной на моральных категориях – взаимного доверия и ответственности, к услуге, акцент в данном случае ставится на экономической интерпретации отношений врача и пациента. Субъектность пациента и врача в этих координатах определяется не личностной ценностью, а тем, что они презентируют свой экономически окрашенный интерес.

Заключение

В дописьменную эпоху знание передавалось в коллективной форме, было «закреплено» за ролевыми функциями. Предметы в своем визуальном воплощении выступали знаками, источниками информации. Письменная и особенно печатная традиция закрепляет господство знака – буквы и книжного текста – в передаче информации. Ретрансляция порождает дополнительное знание – семантику междустрочия. Язык обретает власть, превращается в дискурс. Дискурс передает знание-информацию, возникает интерсубъективное пространство междуречия. Информационная культура переносит знание в компьютер, распределяет в сети между виртуальными участниками. Длинные тексты постепенно элиминируются. Информация передается короткими сообщениями [Журавлев, Нестик 2019, 37]. Информация обретает черты субъектности, изменяется значение человека.

Пациент через рассказ создавал лингвопроекцию своей болезни. Цифровая лингвопроекция будет презентировать сообщения технического устройства, заменяя текст самовыражения. Есть разница в том, чтобы рассказать о своей болезни и выбрать опции, информирующие врача или интеллектуальную систему о своем состоянии. Боль определяется по опроснику: характер, интенсивность, периодичность и т.д. Изменяется понимание симптома как знака страдания, он становится совокупностью знаков описаний, заложенных в программный алгоритм.

Цифровая трансформация – мощный семантический переключатель, он повествует, сигнализирует, становится символом новых отношений врача и пациента. Важно, чтобы углубление автономии пациента не исключало необходимости врачебной заботы, это будет обозначать, что медицина становится частью информационных технологий, а не наоборот, IT-средством для углубления человекомерного характера медицины как солидарной помощи человека человеку.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аванесов 2014 – *Аванесов С. С.* Что можно называть визуальной семиотикой? // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2014. № 1 (1). С. 10–22.

Артемьева 2019 – *Артемьева Т. В.* Эмблематическое выражение моральных концептов в России эпохи просвещения // Этическая мысль. 2019. Т. 19, № 1. С. 76–88.

Горбулёва, Мелик-Гайказян, Мещерякова 2013 – *Горбулёва М. С., Мелик-Гайказян И. В., Мещерякова Т. В.* Меч и скальпель: семиотическая диагностика трансформации властных взаимоотношений как культурных детерминаций основных принципов биоэтики. Томск: Изд-во ТГПУ, 2013. 267 с.

Гуманитарные… 2022 – Гуманитарные аспекты разработки и внедрения персональных медицинских помощников и телемедицинской коммуникации с пациентом. Семинар // Человек.RU. 2022. № 17. С. 264 – 293. URL: https://philosophy.nsc.ru/sites/default/files/journals/chelovek.ru/17/16.Гуманитарные аспекты WEB.pdf

Журавлев, Нестик 2019 – *Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 5. С. 35–47.

Мелик-Гайказян 1997 – *Мелик-Гайказян И. В.* Информационные процессы и реальность. М.: Наука, Физматлит, 1997. 191 с.

Мелик-Гайказян 2022 – *Мелик-Гайказян И. В.* Семиотическая диагностика расщепления траекторий мечты о прошлом и мечты о будущем // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, № 4 (114). doi: 10.18254/S207987840021199-7

Мещерякова 2015 – *Мещерякова Т. В.* Визуализация в преподавании биоэтики: ее формы и функции // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 1 (3). С. 127–132.

Морозов и др. 2020 – *Морозов С. П. и др.* Московский эксперимент по применению компьютерного зрения в лучевой диагностике: вовлеченность врачей-рентгенологов // Врач и информационные технологии. 2020. № 4. С. 14–23.

Найман 2014 – *Найман Е. А.* Античная медицинская симптоматология и современная семиотическая теория // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, № 1. С. 473–479.

Сидорова 2017 – *Сидорова Т. А.* Институционализация 4П-медицины и генетизация общества // Рабочие тетради по биоэтике. Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ). 2017. Вып. 26. С. 78–94.

Тищенко 1991 – *Тищенко П. Д.* Герменевтика и здоровье // Телесность человека: междисциплинарные исследования. М.: Филос. об-во СССР, 1991. С. 36–45. URL: https://helpiks.org/8-36574.html

Good, Good 1980 – *Good B. J., Good M. D.* The Meaning of Symptoms: A Cultural Hermeneutic Model for Clinical Practice // The Relevance of Social Science for Medicine. Culture, Illness, and Healing. Dordrecht: Springer, 1980. Vol. 1. P. 165–196.

Kugelmann 2003 – *Kugelmann R.* Pain as symptom, pain as sign // Healt. 2003. № 7. P. 29–50.

Mesko, Görög 2020 – *Mesko B., Görög M.* A short guide for medical professionals in the era of artificial intelligence // Digital Medicine. 2020. № 3. P. 1–8.

Nessa 1996 – *Nessa J.* About signs and symptoms: can semiotics expand the view of clinical medicine? // Theoretical Medicine. 1996. № 17. P. 363–377.

Winn et al. 2019 – *Winn A. N., Somai M., Fergestrom N., Crotty B. H.* Association of Use of Online Symptom Checkers With Patients' Plans for Seeking Care // JAMA Netw Open. 2019. Vol. 2 (12). e1918561.

REFERENCES

Artem'eva, T. V. (2019). Emblematic Forms of Moral Concepts in the Epoch of Enlightenment in Russia. *Eticheskaya mysl' – Ethical Thought*, *19*(1), 76–88. (In Russian).

Avanesov, S. S. (2014). What can be called visual semiotics? *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, *1*(1), 10–22. (In Russian).

Chelovek.RU. (2022). Humanitarian aspects of the development and implementation of personal medical assistants and telemedicine communication with the patient. Seminar. *Chelovek.RU*, 17. (In Russian).

Good, B. J., & Good, M. D. (1980). The Meaning of Symptoms: A Cultural Hermeneutic Model for Clinical Practice. In L. Eisenberg, & A. Kleinman (Eds.), *The Relevance of Social Science for Medicine. Culture, Illness, and Healing* (vol. 1, pp. 165–196). Springer.

Gorbuleva, M. S., Melik-Gaykazyan, I. V., & Meshcheryakova, T. V. (2013). *Mech i skal'pel': semioticheskaya diagnostika transformatsii vlastnykh vzaimootnosheniy kak kul'turnykh determinatsiy osnovnykh printsipov bioetiki* [Sword and scalpel: Semiotic diagnostics of the transfor-

mation of power relationships as cultural determinations of the basic principles of bioethics]. TSPU.

Kugelmann, R. (2003). Pain as symptom, pain as sign. *Healt*, 7, 29–50.

Melik-Gaykazyan, I. V. (1997). *Informatsionnye protsessy i real'nost'* [Information processes and the reality]. Nauka. Fizmatlit.

Melik-Gaykazyan, I. V. (2022). Semiotic diagnostics of the trajectory splitting between a dream of the past and dream of the future. *Istoriya*, *13*:4(114). (In Russian). https://doi.org/10.18254/S207987840021199-7

Meshcheryakova, T. V. (2015). Visualization in teaching bioethics:its forms and functions. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, *1*(3), 127–132. (In Russian).

Mesko, B., & Görög, M. (2020). A short guide for medical professionals in the era of artificial intelligence. *npj Digital Medicine*, 3, 1–8.

Morozov, S. P. et al. (2020). Moscow experiment on computer vision in radiology: Involvement and participation of radiologists. *Vrach i informatsionnye tekhnologii*, 4, 14–23. (In Russian).

Nayman, E. A. (2014). Ancient medical symptomatology and modern semiotic theory. *Schole*, *8*(1), 473–479. (In Russian).

Nessa, J. (1996). About signs and symptoms: can semiotics expand the view of clinical medicine? *Theoretical Medicine*, 17, 363–377.

Sidorova, T. A. (2017). Institutionalization of 4P-medicine and the genetization of society. Rabochie tetradi po bioetike. *Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya personalizirovannoy meditsiny (mezhdistsiplinarnyy analiz) – Philosophical and anthropological foundation of personalized medicine (Interdisciplinary analysis). Workbooks on bioethics*, 26, 78–94. (In Russian).

Tishchenko, P. D. (1991). *Germenevtika i zdorov'e* [Hermeneutics and health]. HELPIKS.ORG. https://helpiks.org/8-36574. html.

Winn, A. N., Somai, M., Fergestrom, N., & Crotty, B. H. (2019). Association of Use of Online Symptom Checkers With Patients' Plans for Seeking Care. *JAMA Netw Open*, *2*(12):e1918561.

Zhuravlev, A. L., & Nestik, T. A. (2019). Socio-psychological consequences of new technologies adoption: Perspective directions of research. *Psikhologicheskiy zhurnal*, *40*(5), 35–47. (In Russian). https://doi.org/10.31857/S020595920006074-7

Материал поступил в редакцию 10.08.2022
Материал поступил в редакцию после рецензирования 08.12.2022

ПЕРЕВОД КАК ИССЛЕДОВАНИЕ / TRANSLATION AS RESEARCH

ЧЕЛОВЕК СТРАДАЮЩИЙ[1]

(перевод Ф. Г. Майленовой)

Ш. Жюслен
Университет Париж-Дидро, Франция
charles.joussellin@aphp.fr

Встретившись с болью, человек преображается: изменяется и ухудшается его способность воспринимать и слушать, а также возможность действовать. Эти изменения должны быть приняты во внимание, чтобы поддержать и смягчить страдания человека, охваченного болью.

Ключевые слова: боль, присутствие, действие, изменение

THE PERSON IN PAIN

(translated by Farida G. Mailenova)

Charles Joussellin
Paris Diderot University, Paris, France
charles.joussellin@aphp.fr

A person confronted with pain is transformed. Their ability to perceive and listen, also their capacity to act, are all changed and impaired. These changes must be taken into account in order to support and reduce the suffering of the person in pain. The phenomenology of pain to which this translated article is dedicated allows for a larger and more humane approach to the person in pain, who is often in total isolation, left alone with his or her pain. Is it possible to understand the pain of others the way they experience it, when pain tears one's body and soul, gradually changes one's personality? What is a person in pain? Does one remain the same person as one was before the disease, or transform as the illness progresses? The article asserts that one's personality is radically transformed by pain, and that we should be able to take this transformation

[1] Joussellin Ch. L'homme douloureux / The person in pain // Médecine palliative – Soins de support – Accompagnement – Éthique. 2015. Vol. 14. P. 118–120. Текст переведенной статьи распространен в рамках лицензии открытого доступа (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

into account both in medical care and in our everyday conversations with the patient. The transformation of personality can be so profound and at times irreversible, that it is hard to believe that this is the person we knew before. The multi-year patient monitoring of the author working in palliative care and his reflection on these experiences of observation and empathy lead to the philosophical question "Can we understand another person's pain?" by examining the elements of visualising suffering and setting the optics of the empathetic look.

Keywords: pain, presence, action, modification

DOI 10.23951/2312-7899-2023-1-130-139

Введение

Работая с болью, оценивая ее снова и снова, борясь с ней, когда она сопротивляется, не рискуем ли мы отдалиться от самого человека, которому больно? Чересчур сосредоточив внимание только лишь на симптомах боли, не упускаем ли мы из виду те изменения, которым подвергся сам человек в результате того, что он переживает?

Боль ломает человека, меняет и разрушает его. Он уже не тот человек. «Личность становится непохожей на себя, и она таковой воспринимается ее окружением» [Breton 2010, 60].

Мы предлагаем феноменологический взгляд на человека, которому больно: временно дистанцироваться, чтобы по-другому посмотреть на такого человека и затем найти способ лучшего присутствия, чтобы позаботиться о нем. Что же нам откроется? Человек живет в обществе: «…природа заставила его жить с такими же, как он» [Aristote 1992, 382]. Каждый непрерывно испытывает опыт встречи с другими людьми. Человеческой удел требует, чтобы мы были постоянно открытыми и внимательными к миру вещей, с одной стороны, и к миру живых существ, включая других людей, рядом с которыми мы живем, – с другой. Эта открытость позволяет человеку действовать осознанно в отношении своих намерений, двигаться вперед. Два неразрывно связанных и параллельных способа существования: быть открытым и быть способным действовать.

Столкнувшись с болью, остается ли человек так же открыт к тому, что его окружает (être disponible)? Сможет ли он так же осуществлять свои проекты, поддерживать прежний уровень активности, «действовать» [Heidegger 1986]? Рассмотрение этих двух вопро-

сов позволяет проанализировать изменения человека в результате боли и страх, к которому она приводит.

Каков этот страдающий человек, с которым мы постоянно сталкиваемся в нашей практике? Что в нем изменилось? Что в нем сломалось?

Присутствовать

Для того чтобы проанализировать это присутствие, то, каким образом человек находится в здесь-бытие, будучи среди других людей, слушая и принимая, мы обсудим качество его настроения, его внимания, поскольку это имеет отношение к тому, что раскрывается вокруг него.

Настроение. Обычное настроение у людей варьирует от веселого и приподнятого до грустного и подавленного. Человек проявляет себя в не только в хорошем или плохом настроении, но еще и в добродушном, веселом, суровом, взволнованном, едком, капризном, насмешливом и пр. От человека непокорного, воинственного или склонного к бунтарству мы не будем ждать теплого приема и благожелательного выслушивания, однако если мы встретим миролюбивого, уступчивого или общительного человека, подобное ожидание вполне вероятно. «...мир виден в сиянии, которое, в зависимости от перепадов настроения, имеет свои взлеты и падения...» [Heidegger 1986, 182].

Опыт боли изменяет настрой человека. Зачастую раздраженный, уставший, в плохом, скорее, даже грустном настроении, человек, которому больно, менее восприимчив к тому, о чем мы его просим или что ему предлагаем; он менее приветлив и доброжелателен.

Внимание. Внимание – это не состояние души, как мы могли бы сказать о настроении, а, скорее, способ бытия, позволяющий воспринимать окружающий мир и настраиваться на него: находиться в состоянии готовности, быть внимательным, усилить внимание, быть бдительным. Человек должен беспрестанно обращать внимание на свое окружение во время собственной деятельности, оставаться внимательным к тому, что может возникнуть вокруг него или внутри него, порой фокусируя внимание на чем-то или на ком-то в соответствии со своими намерениями; «все зависит от направления моего внимания» [Sartre 1943, 44].

Боль частично захватывает внимание человека, который испытывает ее. Человек, обращаясь к поврежденной части своего тела, менее внимателен к тому, что его окружает извне, и к тому, что он делает.

При этом качество его внимания для выполнения конкретных задач ухудшается. Эти задачи зачастую выполняются не так хорошо и требуют большего времени, чтобы сделать их без ошибок.

Интенсивная боль иногда занимает почти все внимание страдающего человека, что приводит его к состоянию, во время которого он «исчезает» из окружающего его мира в том смысле, что он в меньшей степени в «бытии среди людей» [Arendt 1983, 91]. Это хватка боли.

Быть вовлеченным. Вовлеченность представляет собой дополнение к вниманию, позволяющее человеку различать, изучать и быть заинтересованным в чем-то или в ком-то другом. Готовность принимать и слушать открывается благодаря настроению, затем вниманию, но полноценной она становится, если человек вовлечен в то, что раскрывается вокруг него.

В то время как проживание боли касается его в первую очередь, человек, который столкнулся с болью, порой оказывается парадоксально мало обеспокоенным тем, что ему предлагается, например менее наблюдательным в отношении лечения, которое должно быть проведено. Из-за боли, живущей в его теле, человек менее открыт: уменьшается его готовность слушать, и его отношения с другими страдают. Иногда он даже проявляет относительное безразличие к тому, что происходит, или к вопросам, которые ему задают. Он уже больше не тот.

Наблюдение за этими тремя аспектами: настроением, вниманием и вовлеченностью, – показывает изменение степени готовности человека, охваченного болью, к принятию и слушанию, которые могут повлечь за собой парадоксальное поведение больного в отношении соблюдения правил его лечения.

Действовать

Деятельность предоставляет человеку возможность, когда он в достаточной мере открыт, заботиться о себе и обо всем, что его окружает: о предметах, природе и живых существах, в том числе и о других людях [Heidegger 1986]. Это значит существовать и сосуществовать, заниматься своим делом, занимать свое место как человека в обществе. Иначе говоря, «раскрыть» свои способности действовать для самого себя и через себя в зависимости от своих намерений и «развивать» эти возможности.

Открывать. «Открывать» – значит познать свои способности к действию не просто в смысле совершения выбора, а в смысле осоз-

нания возможностей действовать в соответствии со своими намерениями касательно задач и обстоятельств. Каким образом ему действовать?

Столкнувшись с болью, человек обнаруживает, что его возможности для действий ограничены как с точки зрения его заботы о том, что его окружает, так и в его отношениях с другими людьми. Такое ограничение поля возможностей отражается в боязливом взгляде мучимого болью человека, который теперь сталкивается с трудностями в своей деятельности.

Развивать. Человеческий разум увлекает, переносит человека вперед, в «грядущее», в соответствии с тем, что открывается перед ним. Он проектирует себя не в смысле заранее определенного действия, а в смысле самого факта присутствия, движения вперед, открытия возможностей, проецирования себя в будущее. Каждое из пяти чувств – зрение, слух, обоняние, вкус и осязание – вместе с субъективной способностью различать и размышлять призваны развивать возможности действия. Не только понять или осознать, что можно сделать, но и наполнить это смыслом или бессмыслицей и привести свои действия в соответствие со своими намерениями. Если у больного человека нарушается способность действовать, то же самое происходит и с его способностью к развитию.

Страх

Боль изменяет и разрушает самого человека, так же как и его постоянные и неотъемлемые отношения с другими людьми. Каждый человек, кем бы он ни был, здоровым или нет, нормально общающимся или нет, преображается под воздействием боли, делится своим тягостным переживанием, демонстрируя другим иной способ существования: его открытость и способность действовать изменяются. Передавая себя посредством языка [Sartre 1943], человек, столкнувшийся с болью, «освещает» мир иначе – в зависимости от интенсивности боли и того значения, которое он придает ей, что зависит от его культуры, его истории, обстоятельств и задач, которые каждый раз различны. С того момента, как боль овладевает человеком, его взгляд меняется, как и его лицо, жесты, походка, его мысли, интеллектуальные способности, его энергия и т.д. Изменившийся человек опасается обострения болезненных переживаний – как их интенсивности, так и продолжительности. Он страшится, что страдания сделают его менее открытым и будут мешать его деятельности.

«*Страдающий страшится безвозвратной потери*» [Aristote 1991, 203]. Его существование под угрозой. Этот страх должен быть принят тем, кто пытается облегчить его, посвятив себя тому, чтобы страдающий человек почувствовал уверенность в поддержке, внимании, чтобы им не просто занимались как «медицинским случаем», а принимали в расчет его личность.

Страх исчезнет с этим чувством проявленной заботы, признания страданий человека, и боль покажется менее угрожающей.

Заключение

Человек существует благодаря своим неразрывным отношениям с другими людьми. Таков человеческий удел. Столкнувшись с болью, он проявляет свой способ существования в боли на собственном опыте. Боль – это никогда просто симптом, но всегда человек в боли, ощущающий угрозу своему существованию и страшащийся неминуемых потерь.

В зависимости от поражений в теле, обстоятельств и от того, что на кону, а также смысла, придаваемого боли, страдающий человек в той или иной степени изменяется. Его способность воспринимать и слушать, а также действовать изменяется и ухудшается.

Эти изменения должны учитываться, чтобы поддержать и облегчить состояние человека, испытывающего боль. Уверенность в получении заботы и признании его страданий должна возникать в результате практик, предваряющих ситуации оказания помощи.

От переводчика

Феноменология боли, которой посвящена предлагаемая статья Шарля Жюслена, позволяет осуществить более широкий и гуманный подход к человеку, страдающему от боли и зачастую находящемуся в тотальном одиночестве, оставшись наедине со своей болью. Можно ли понять чужую боль так, как ее испытывает тот, чье тело и душу она терзает, исподволь изменяя его личность? Что такое человек, страдающий от боли, остается ли он той прежней личностью, какой был до болезни, или же претерпевает трансформацию по мере развития его болезни?

Шарль Жюслен, которого по праву можно назвать специалистом по боли, утверждает, что личность человека радикально меняется под воздействием боли, и мы должны уметь учитывать эти изменения как в рамках медицинской помощи, так и в обычном

общении с больным. Трансформация личности бывает столь глубокой и порой, увы, необратимой, что иногда трудно поверить, что перед нами тот человек, которого мы знали раньше. На практике с этим сталкивались многие, кому приходилось общаться с людьми, подолгу страдающими от сильных болей, но в данной работе автор исследует данное явление как профессионал – врач, психолог и гипнотерапевт, много лет работающий в системе паллиативной помощи умирающим от терминальной стадии рака, и как философ, который осмысляет эти непростые и печальные реалии нашей жизни.

При лечении человека, страдающего от боли, мы должны сочетать медицину, техники гипноза и работу с уникальной личной историей пациента и теми мучительными переживаниями, с которыми он сталкивается. Такой подход Шарль Жюслен называет «нарративная алгология» (narrative – повествование, algology – направление в медицине, изучающее управление болью), используя его в качестве основания для подбора терапевтических интервенций, которые могут применяться как в рамках медицины, так и в рамках гипноза.

Акцент на борьбе с симптомами болезни, основанный на восприятии боли отдельно от человека, игнорирующий и затмевающий личность больного, его собственную позицию по отношению к его недугу, долгие годы был свойствен патерналистскому подходу в медицине. Бывало, что пациенту, жалующемуся на сильную боль, отказывали в помощи, так как не было наблюдаемых признаков и симптомов, и поэтому, по мнению специалистов, «у него не должно ничего болеть». Сегодня, благодаря все большей технологизации, коммерциализации и бюрократизации медицины, личность больного вновь остается на заднем плане, его тело рассматривается как некий объект, механизм, который попросту подлежит починке.

В то же время продолжают существовать позиции, основанные на причудливой смеси религиозности, эзотерики и своеобразно понятого психологизма (в том числе среди лечащих врачей!), что боль – это расплата за грехи и неправедную жизнь, и поэтому помогать человеку избавляться от боли означает мешать его исправлению и искуплению. Несмотря на то, что мы живем в XXI веке, такие убеждения встречаются довольно часто, возможно, по причине усиления позиций религии во многих странах, включая нашу. Неудивительно, что в эпоху, когда анестезиология только делала свои первые шаги, она столкнулась с враждебным приемом именно в среде духовенства. Особое неприятие встретила идея обезболива-

ния при родах, ее сочли богопротивной, так как согласно библейской легенде Еве было предписано рожать детей в муках. Когда в 1848 году врач-акушер Дж. Симпсон применил наркоз для обезболивания родов у королевы Виктории, церковь яростно его осудила. Однако он нашел остроумный выход из этой ситуации: в ответ на упреки в безнравственности и богохульстве он заявил, что сама идея наркоза принадлежит Богу, так как согласно тому же библейскому преданию Бог усыпил Адама, чтобы вырезать у него ребро, из которого он впоследствии сотворил Еву. Аргументы ученого несколько усмирили пыл фанатиков, хотя отношение к наркозу с обезболиванием долгое время оставалось весьма дискуссионным. Даже знаменитый французский физиолог Ф. Мажанди, учитель Клода Бернара, считал наркоз безнравственным. Причина этого убеждения в том, что пациент под наркозом не только не чувствует боли, но и не осознаёт происходящего. На этом основании выдвигались аргументы этического порядка: наркоз отнимает у больных свободную волю и тем самым подчиняет пациента произволу врачей. Сегодня похожий аргумент (о лишении пациента свободы воли) часто встречается в спорах по поводу применения медицинского гипноза, особенно директивного, хотя облегчение боли при помощи гипноза практикуется во многих клиниках, в частности автором данной статьи Шарлем Жюсленом, его коллегой Жаном Беккио и их учениками в различных странах мира, включая Россию.

Также стоит упомянуть еще один поражающий факт из истории медицины. Долгие годы, вплоть до 1980-х годов, считалось, что новорожденные дети не способны испытывать боли, и их оперировали без наркоза. Из-за этого убеждения, которое сегодня кажется варварским, самым чувствительным и беспокойным грудничкам просто давали миорелаксанты – препараты, лишающие возможности двигаться (дабы они не мешали работе врачей), но при этом сохраняющие чувствительность нервных тканей! Страшно представить, что чувствовали эти дети, страдая от жестокой боли, будучи не в состоянии даже кричать... Современные исследования в медицине и психофизиологии показали, что способность испытывать боль – одна из первых психофизиологических функций, формирующаяся у ребенка еще в утробе матери: приблизительно к 30-й неделе беременности он начинает чувствовать боль [Jones 2017].

Характер боли может зависеть от множества факторов, и сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения, что причин и способов проявления боли может быть множество. Дэвид ле Бретон, различая «сенсорную боль» (чисто физиологическую, объект медицин-

ского рассмотрения) и suffering pain, психологическую сторону страдания, не разделяет их, а утверждает, что боль всегда одновременно воспринимается и оценивается. «Она никогда не чисто физиологична, но подлежит порядку символического», – утверждает он [Breton 2003, 10]. Эта мысль о субъективном восприятии боли проходит красной нитью в предлагаемой статье Шарля Жюслена, а также во многих других его работах.

Медицина зачастую не фокусируется на том, что не существует боли или симптома как таковых, между тем всякая боль – это прежде всего человек и его переживание этой боли; и такой более широкий междисциплинарный подход предлагает Шарль Жюслен. Гуманистический пафос его позиции состоит в том, что физическая боль – лишь верхушка айсберга в океане человеческого страдания, и, памятуя об этом, мы можем стать внимательнее к более глубоким и тонким проявлениям боли в нашей эмоциональной, душевной жизни; это касается как врачей и тех, кто помогает страдающим от боли людям (вспомогательному медицинскому персоналу), так и каждого из нас, так как опыт проживания и переживания боли является важным аспектом бытия каждого человека, и посему данная тема всегда остается актуальной.

БИБЛИОГРАФИЯ

Arendt 1983 – *Arendt H.* Condition de l'homme moderne. Paris: Calmann-Lévy, 1983.

Aristote 1991 – *Aristote.* Rhétorique. Paris: LGF, Le livre de poche, 1991.

Aristote 1992 – *Aristote.* Éthique à Nicomaque. Paris: LGF, Le livre de poche, 1992.

Breton 2003 – *Breton D. Le.* Schmerz: eine Kulturgeschichte. Zürich: Diaphanes, 2003.

Breton 2010 – *Breton D. Le.* Expériences de la douleur. Paris: Métailié, 2010.

Heidegger 1986 – *Heidegger M.* Être et temps. Paris: Gallimard, 1986.

Jones 2017 – *Jones L.* The mystery of how babies experience pain // The Conversation: academic rigour, journalistic flair. 2017. URL: https://theconversation.com/the-mystery-of-how-babies-experience-pain-88714 (accessed: 26.04.2021).

Sartre 1943 – *Sartre J.-P.* L'être et le néant. Paris: Gallimard, 1943.

REFERENCES

Arendt, H. (1983). *Condition de l'homme moderne.* Calmann-Lévy.
Aristote. (1991). *Rhétorique.* LGF, Le livre de poche.
Aristote. (1992). *Éthique à Nicomaque.* LGF, Le livre de poche.
Breton, D. (2003). *Le. Schmerz: eine Kulturgeschichte.* Diaphanes.
Breton, D. (2010). *Expériences de la douleur.* Métailié.
Heidegger, M. (1986). *Être et temps.* Gallimard.
Jones, L. (2017, December 13). T*he mystery of how babies experience pain.* The Conversation. https://theconversation.com/the-mystery-of-how-babies-experience-pain-88714
Sartre, J.-P. (1943). *L'être et le néant.* Gallimard.

Материал поступил в редакцию 27.04.2021
Материал поступил в редакцию после рецензирования 04.11.2022

ЭССЕ / ESSAY

ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ ЗЕЛЕНЫЙ

М. С. Горбулёва
Томский государственный педагогический университет, Россия
black_silver@bk.ru

Рассматриваются разнообразные значения цветовых понятий и анализируются языковые игры, связанные со зрительным восприятием цвета в вариативных параметрах жизненного пространства. Сделана попытка систематизировать символику и обозначить «асимметрию» в толковании зеленого цвета, сформировать заключение о предпосылках и следствиях данного феномена. Полученные выводы могут иметь значение для исследования проблем понимания символики цвета и связанных с ним особенностей восприятия в современной культуре.

Ключевые слова: цвет, зеленый цвет, символика цвета, психология цвета, цвет боли

THE GOOD, BAD GREEN COLOUR

Maria S. Gorbuleva
Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
black_silver@bk.ru

The author explores the symbolism of the green colour. Biologists, chemists, botanists, florists, zoologists, artists, and other scientists have standardized, created catalogs, descriptions of colours and shades to eliminate possible errors and facilitate work. Scientists in various fields of knowledge have been interested in this topic for a very long time and comprehensively, ranging from how and in what order people recognized and named colours to assumptions about how a particular colour can affect a person or large groups of people in different circumstances and contexts. The article discusses the various meanings of colour concepts and analyses the language games associated with the visual perception of colour in the variable parameters of the living space. The history (social, cultural, symbolic) of the green colour is multi-layered and contradictory in different periods. The author made an attempt to systematize the symbolism and designate “asymmetry” in the interpretation of the green colour, to draw a conclusion about the prerequisites and consequences of this phenomenon. In Europe, at different times, it could mean luxury, prosperity, or misfortune, deceit. The green colour meant not

just different meanings, but opposites: youth, love, life, and decay, poison, illness. In modern times, the green colour has a strong connection with life and prosperity. A person quite often expresses their feelings through the use of colour in one way or another. The analysis of the perception and influence of different colours on human behaviour and emotions is of great importance in psychology and related disciplines. At the moment, the basic principles of the impact of colour in marketing, advertising, positioning and brand policy are quite well studied, formulated and used. Green, like other colours, has an important place in communication and the transfer of meanings at various levels of modern culture. At the moment, there are a large number of studies and various sources of information regarding the origin, classification, history and meaning of colour, which confirms the relevance and interest in the research topic. However, blind spots, ambiguity and inconsistency in some of the findings indicate good opportunities for further work.

Keywords: colour, green colour, colour symbolism, colour psychology, colour of pain

DOI 10.23951/2312-7899-2023-1-140-162

Можно ведь прожить жизнь
и не заметить собственного дальтонизма.

Быть зеленым – просто значит не быть желтым.
Быть зеленым – просто значит быть зеленым.

Л. Витгенштейн

Такой разный зеленый: шпинат, олива, землистый зеленый, лайм, молодые побеги, лесная чаща, изумруд (ил. 1). Преобладающий цвет в природе. Зеленый, возможно, самый трудный для смешивания цвет [Доби 2018, 24]. Биологи, химики, ботаники, флористы, зоологи, художники и другие исследователи стандартизировали, создавали каталоги, описания цветов и оттенков для устранения возможных ошибок и облегчения работы. Большой вклад в развитие каталогов внесли художники-флористы: Патрик Сайм, работавший над номенклатурой цветов по Вернеру, и Джордж Брукшоу, создавший таблицу зеленых оттенков [Бейти 2020, 59; Baty 2021, 24–35].

Основа цветового круга – красный, желтый и синий – традиционно считаются основными цветами, а оранжевый, зеленый и фиолетовы – дополнительными, они получаются при смешении основных цветов. Сегодня наиболее популярен цветовой круг Освальда Иттена: три основных цвета (красный, желтый и синий), три вторичных (оранжевый, зеленый, фиолетовый), а также внешнее кольцо третичных цветов, смешанных из вторичных.

Ил. 1. Коллаж «Зеленый цвет». Составлен М. Горбулёвой из общедоступных ресурсов Интернета, не содержащих указаний на авторов материалов и каких-либо ограничений для их заимствования

Цветовой круг был представлен в трактате Исаака Ньютона «Оптика», он был несколько ассиметричен и содержал семь основных цветов: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый. Здесь можно увидеть научный подход к изучению цвета и его связи со светом, длиной световых волн [Шайнбергер 2017, 50].

Цвет и его символика являются, прежде всего, социальным феноменом. Изучение цвета как физической частицы или химического состава не дает полного ответа на вопрос, почему он может иметь то или

иное значение как в культуре, так и для отдельного человека [Пастуро 2018, 10]. Существование цвета в обществе и наделение его смыслами происходит на различных уровнях культуры: в искусстве, красильном деле (технология), моде, языке и лексике, религии, психологии.

Другая теория о цветах и их соответствии различным эмоциям принадлежит Иоганну Вольфгангу Гёте, его круг симметричен и содержит 6 цветов (желтый, оранжевый, красный, фиолетовый, синий и зеленый). Гёте акцентировал значение связи цвета и эмоций [Шайнбергер 2017, 54]. Но начало визуальной семиотики цвета, а точнее – цветовосприятия, было заложено Людвигом Витгенштейном. В своих «Заметках о цвете» он исследует восприятие цвета с помощью теории языковых игр (игры по правилам, из которых выстроена и функционирует система языка и которые должны соблюдаться при выстраивании коммуникации) [Wittgenstein 1977]. По систематике Витгенштейна зеленый относится к основным цветам вместе с красным, желтым и синим, а оранжевый и фиолетовый являются дополнительными. Потому что, в отличие от оранжевого или фиолетового, зеленый нельзя различать как сочетание желтого и синего. То есть, определяя зеленый цвет средним между желтым и синим, необходимо иметь возможность дать следующее наименование: «несколько синевато-желтый», как и в случае с оранжевым (более желтоватый или красноватый) и фиолетовым (более красноватый или синеватый). Это, по логике автора, имеет большое значение [Витгенштейн 2022, 44–49]. Когда Витгенштейн рассуждает о восприятии цвета, он упоминает о возможности различного понимания цвета разными людьми и выделяет некоторые причины этого: нарушения в восприятии цветов и некорректное использование цветовых понятий; существование необычных вариантов, которые находятся в рамках системы и не являются нарушениями; невозможность привести различные языковые игры к общей цветовой системе [Витгенштейн 2022, 44–49, 146–150]. То есть цветовые понятия не могут быть абсолютными, и разные люди могут иметь особенности восприятия. Также языковые игры могут зависеть от того, какие характерные черты имеет цветовое восприятие, от опыта суждений о цветах при внутренних / внешних отношениях, отождествления и связи между языковыми играми и логикой цвета [Wittgenstein 1977; Суровцев, Родин 2018].

Логика цвета образована противоположностью и родственностью цветов и связана с природой и физиологией зрительного восприятия. Зрительное восприятие, в свою очередь, может зависеть от культурных, антропологических, психологических, социальных различий. Существует масса вариантов языковых игр внутри отдельных языков

и цветовых систем. Таким образом, Витгенштейн делает вывод о том, что система цветов не может быть полностью универсальной [Суровцев, Родин 2020]. Логика цвета естественно связана с физиологией зрительного восприятия и функционирования языковых игр, она не может оставаться без изменений в существующих социокультурных, антропологических и психологических ее различиях. В отдельных «вербальных» и «цветовых» системах существуют варианты языка цвета, языковых игр. Поэтому выстраивание универсальной логики цветовых понятий затруднительно, так как существуют различные языковые практики [Витгенштейн 2022, 159]. Соответственно, и в разных культурах в разное время один цвет может иметь различные значения. Это связано с различиями семиотической основы цветовых обозначений. Тем не менее результаты некоторых исследований свидетельствуют о ядре семантического пространства, которое содержит в себе «общие» и «схожие» значения для разных культур, а также «особенные» культурно-специфические значения цвета на периферии данного ядра, которые отражают особенности развития истории и культуры каждого народа [Кудрина, Мещеряков 2011].

Семиотика (в своих исследованиях свойств и динамики знаковых систем) призвана интерпретировать значения цветов и воздействие цвета в качестве отдельных возможностей для коммуникативных связей. Выразительные функции цвета связаны и взаимодействуют с эмоциями и чувственным состоянием реципиента. Основные течения в культуре оказывают влияние на образование знаковой системы. Однако, помимо религиозных традиций, культурных и национальных особенностей, сам реципиент и его субъективное восприятие также играют роль в этих процессах в каждом отдельно взятом случае [Лю, Рыбаков 2020]. Кроме того, то, как используется символика цвета в художественном произведении и возможные «перетекания» значения при переводе на другой язык также оказывают влияние и важны для трансформации значения. В исследованиях можно проследить особенности связи символики с местом, языком, культурой и временным периодом [Turapovna 2021; Мартьянова 2013; Прохорова 2014]. Символику цвета разбирают в отдельных произведениях классиков и современников, будь то вербальные или визуальные искусства. Разные авторы могут применять несколько способов введения «цветовых» слов в контексты, связанные с эмоциями: либо колоративы включаются во внешние характеристики и ситуации, либо используются цветовые тропы, естественные для героя в том или ином контексте [Самсонова 2005; Ромашова, Антонова 2014; Мартьянова 2015; Сологуб 2016; Высоцкая 2019; Cong, Chistyakov 2021; Wei 2021; Isley 2022].

Исследователи античной литературы отмечали «странные» наименования цветов или полное отсутствие их упоминаний, что повлекло за собой предположения о физиологии восприятия цвета людьми исследуемых эпох и об особенностях формирования, развития языков и появления слов для обозначения цвета. За этим последовали череда исследований истории цветовосприятия У. Ю. Гладстона, Л. Гейгера, Б. Берлина и П. Кея и неоднозначные выводы о взаимосвязи языка, цвета и культуры. Релятивисты (Гладстон, Гейгер) полагали, что без обозначения цвета человек не может отличить его от других и «не видит», потому что именно язык оказывает влияние на восприятие. Универсалисты (Берлин, Кей) считали, что в человеке «заложены» основные понятия общих для всех цветовых категорий. Таким образом, единственный неоспоримый вывод: с восприятием цвета все очень непросто. Дети, да и некоторые взрослые, выполняя элементарные задания по различению простых геометрических фигур, могут при этом легко не отличить красный, оранжевый и розовый. Однако из этого не следует, что если нет слова, что-либо означающего, то человек не способен распознать это «что-либо» [Сен-Клер 2020].

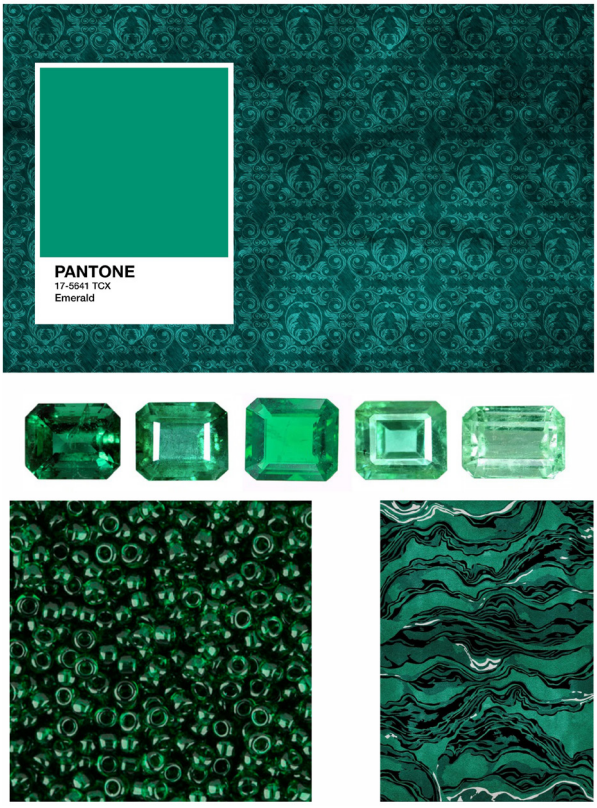
История (социальная, культурная, символическая) зеленого многослойна и противоречива. В Европе в разное время он мог означать роскошь, достаток или несчастье, обман. Зеленый обозначал не просто различные смыслы, но противоположности: молодость, любовь, жизнь – тлен, яд, болезнь. Изначально зеленый пигмент было нелегко добывать, а также добиться его стойкости. Поэтому он либо был непопулярным (считался непрактичным и использовался для окрашивания одежды крестьян), либо за свою редкость считался знаком высокого положения и достатка. Такой зеленый можно увидеть на «Портрете четы Арнольфини» Ян Ван Эйка, а также на украшениях в гробницах фараонов (ил. 2, 3).

Изумруд – драгоценный камень; римляне считали, что он благотворно влияет на глаза и изготавливали снадобья на его основе. Здесь же можно вспомнить волшебный Изумрудный город, в котором исполнялись желания (ил. 4). У Шекспира же встречается словосочетание «ревность зеленоглазая», а зависть и алчность (один из грехов) обычно изображаются в зеленых тонах, как и «тоска зеленая». Также много «плохих» и скандальных историй связано с драгоценностями, например история изумруда Баия. Оттенок «селадон» – это зеленые тона девственного леса, цвет имперской посуды в Китае и имя влюбленного страдальца пастуха Селадона, героя пасторального романа (ил. 5).

Ил. 2. Коллаж «Ирландский зеленый». Составлен М. Горбулёвой
из общедоступных ресурсов Интернета, не содержащих указаний
на авторов материалов и каких-либо ограничений для их заимствования

Ил. 3. Коллаж «Ярь-медянка». Составлен М. Горбулёвой
из общедоступных ресурсов Интернета, не содержащих указаний
на авторов материалов и каких-либо ограничений для их заимствования

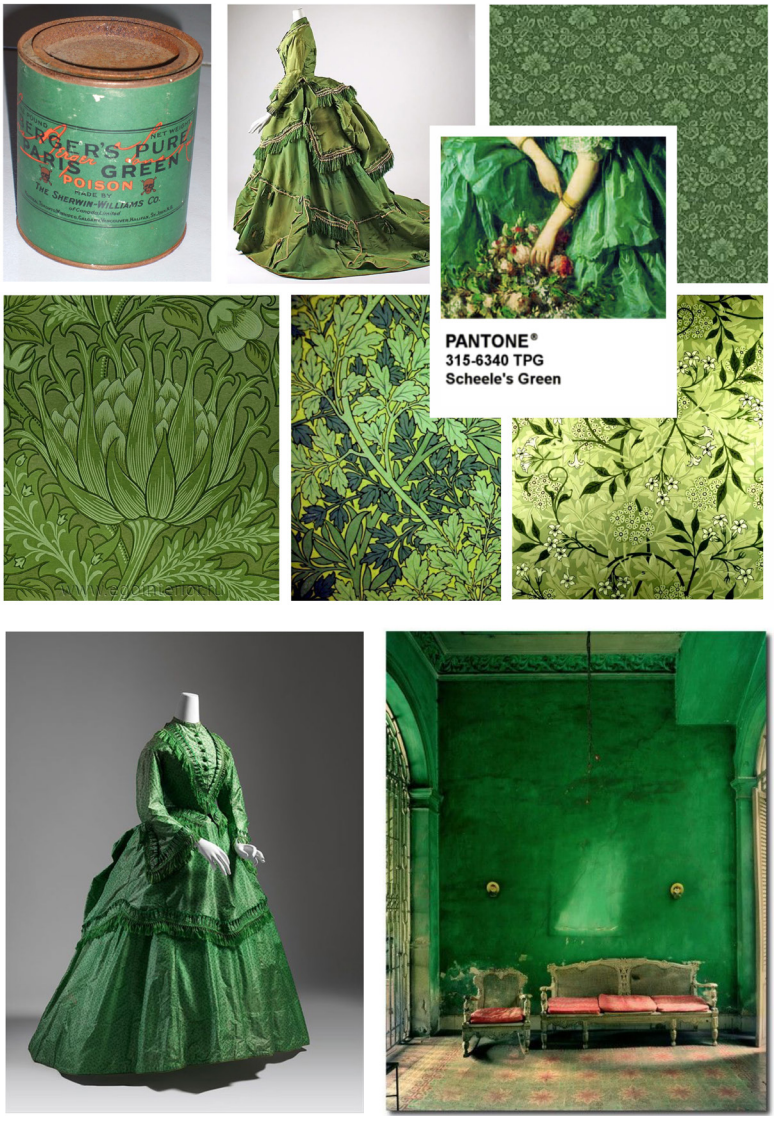
Этот оттенок не обладал стойкостью, отсюда и ассоциации с ним: изменчивость, мимолетность, непрактичность, расточительность – в негативном ключе, а в более позитивном – весна, юность, надежда, игра, деньги, удача, однако эти понятия также связаны с мимолетностью и непостоянством. Глауконит («зеленая земля»), напротив, стойкий, но блеклый, простой, непривлекательный мог символизировать естественность, близость к природе, естественное противоядие. На протяжении Средних веков появляется более явное разделение на «хороший» и «плохой» зеленый, или «веселый зеленый» (светлый, яркий) и «унывный зеленый» (тусклый, печальный, тревожный). Это, с одной стороны, редкость, загадочность, рыцарство, красота, растения и сады, вода, весна, юность, любовь, гармония, а с другой – дьявол и его свита, воплощения (змея, дракон, гидра, крокодил, лягушка, сирена, саранча), приворотное зелье, ведьма (часто зеленоглазая), колдовство. В этом плане Абсент приобрел негативные коннотации, связанные с зельем, ядом, зеленым змием.



Ил. 4. Коллаж «Изумруд». Составлен М. Горбулёвой из общедоступных ресурсов Интернета, не содержащих указаний на авторов материалов и каких-либо ограничений для их заимствования

Ил. 5. Коллаж «Селадон». Составлен М. Горбулёвой
из общедоступных ресурсов Интернета, не содержащих указаний
на авторов материалов и каких-либо ограничений для их заимствования

А вот ирландский зеленый прочно связан с гордостью, культурным наследием, святым Патриком, клевером-трилистником как символом удачи, триединства Бога (см. ил. 2, 3). Оттенок «зелень Шееле», получив изначально признание и став очень популярным цветом, в который окрашивались и отделочные материалы, и текстиль, и домашняя утварь (ил. 6), затем стал символизировать



Ил. 6. Коллаж «Зеленый Шееле». Составлен М. Горбулёвой из общедоступных ресурсов Интернета, не содержащих указаний на авторов материалов и каких-либо ограничений для их заимствования

яд, болезнь, опасность, едкость, коварство, токсичность, так как пигмент содержал мышьяк, вследствие чего пострадало большое количество людей (ил. 7). Таким же образом происходят перемены и с другими положительными значениями: например, «зеленый рыцарь» из молодого, бойкого, смелого, неопытного юноши превращается в зловещего персонажа, несущего ужас и смерть. В легендах и сказках также можно встретить много зеленого цвета с различным, часто противоположным загадочным и магическим подтекстом. Так, различные сказочные представители могут быть

Ил. 7. Коллаж «Яды и зелья». Составлен М. Горбулёвой
из общедоступных ресурсов Интернета, не содержащих указаний
на авторов материалов и каких-либо ограничений для их заимствования

как добрыми (феи, волшебницы, «зеленые дамы», волшебство), так и опасными (ведьмы, болотная и лесная нечисть). Сюда же можно отнести более поздних персонажей современности: зомби, инопланетян, отрицательных героев компьютерных игр, монстров и мутантов (Халк, Фантомас, Гринч, Шрек), – все они различных оттенков зеленого и разной степени отрицательности (см. ил. 7). С переменой цветовых классификаций и способов получения цветов в эпоху романтизма зеленый вновь вернет свои «положительные» характеристики, станет цветом природы, свободы, гигиены, здоровья, спорта и экологии (см. ил. 8). В XX веке зеленый прочно ассоциируется с природой, жизнью, их хрупкостью и необходимостью спасения и защиты. Рост популярности движений по защите природы, экологии приходится на 1960–1970 годы. В это время появляются Greenpeace и другие «зеленые» движения, партии и организации, а на повестке стоят ЗОЖ, зеленая энергетика и т.д. [Элдридж 2016, 24; Пастуро 2018; Сен-Клер 2020].

Ил. 8. Коллаж «Зеленый в рекламе и маркетинге». Составлен М. Горбулёвой из общедоступных ресурсов Интернета, не содержащих указаний на авторов материалов и каких-либо ограничений для их заимствования

Институт цвета Pantone[1] с 2000 года ежегодно объявляет Цвет года: оттенок или оттенки, которые, согласно исследованиям специалистов института, наиболее популярны и точнее передают тенденции наступающего года. Решение принимается на специальных секретных встречах, проходящих дважды в год. Процесс выбора цвета года требует тщательной работы по поиску новых цветовых трендов. Под рассмотрение попадают: индустрия развлечений, снимаемые фильмы, гастролирующие художественные выставки, новые художники, мода, все сферы дизайна, популярные места для путешествий, изменения в социально-экономических условиях, новые технологии, материалы, текстуры и эффекты, оказывающие влияние на цвет, платформы социальных сетей, а также предстоящие спортивные, культурные мероприятия и события, привлекающие внимание всего мира[2]. Зеленый был цветом года в 2013[3] (Emerald / Изумруд, 17-5641) и 2017 (Greenery / Зелень, 15-0343) годах[4].

Пышный, богатый, искрящийся, живой, вызывающий ассоциации с драгоценностями Emerald был представлен в 2013 году как изысканный и роскошный цвет элегантности и красоты. Он должен был нести чувство гармонии и баланса, благополучия и процветания. Мало какой цвет справится с передачей смыслов, связанных с ростом, регенерацией, обновлением и исцелением лучше, чем зеленый. Оттенок Greenery 2017 года, освежающий и бодрящий, был призван обозначить новые начинания. Современный человек все более погружается в скоротечную рутину повседневности, и в противовес этим тенденциям возникает желание погрузиться в естественную красоту, достигнуть баланса с природой. Желто-зеленый оттенок своей свежестью и яркостью напоминает о весеннем возрождении природы, обновлении, восстановлении (см. ил. 8).

Таким образом, в современности зеленый цвет имеет прочную связь с жизнью и процветанием. Одними из первых ассоциаций с самым распространенным цветом в природе, очевидно, являются растения, молодость, свежесть, бодрость, жизнь, мир в целом, спокойствие, комфорт, безопасность, разрешение. Отрицательные

---

[1] Пантон (Pantone; https://www.pantone.com/) – это компания-эксперт в сфере колористики, разработавшая систему стандартизации нескольких тысяч существующих цветов и их оттенков – Pantone Matching System (PMS). Ссоздает палитры оттенков, консультирует по трендам на рынке дизайна. Цветовые схемы Пантон используются в текстильной промышленности, производстве товаров для дома и различных других областях.

[2] https://pantone.ru/articles/color-of-the-year-2021

[3] https://www.pantone.com/articles/color-of-the-year/color-of-the-year-2013

[4] https://www.pantone.com/articles/color-of-the-year/color-of-the-year-2017

коннотации: ревность, зависть, усталость, плохое самочувствие, болезни и вирусы, деньги, удача [Греймас, Курте 1983, 488; Куличенко, Королевская 2020]. Этнопсихолингвистика связывает эмоциональное влияние цвета с традициями цветовосприятия, которые складываются в контексте национально-культурной общности. Человек достаточно часто выражает свои чувства посредством использования цвета в том или ином ключе [Дейк 1989]. Основатель психодиагностического направления в изучении цвета Макс Люшер разработал известный тест для диагностики внутреннего состояния, внутриличностных и межличностных конфликтов [Luscher 1985]. Тест базируется на оригинальной трактовке кодированных в цвете психологических потребностей человека. Зеленый цвет в тесте Люшера связан с потребностью самоутверждения [Люшер 2006].

Анализ восприятия и влияния различных цветов на поведение и эмоции человека получил определенное значение в психологии и смежных дисциплинах. На данный момент достаточно хорошо изучены, сформулированы и используются основные принципы воздействия цвета в маркетинге, рекламе, позиционировании и политике брендов [Уварова, Иванова 2021]. Параллели со свежестью, чистотой, ростом, экологией, природой, здоровьем и жизнью используются для того, чтобы вызвать необходимые ассоциации с продуктом у покупателей [Сысоева 2011; Michels et al. 2022]. Поэтому зеленый и его сочетания с другими цветами очень популярны в фармацевтических компаниях (зеленый крест – аптека), среди эко-брендов (см. ил. 8). Конечно, имеет значение, какие сочетания и какие оттенки будут использованы в зависимости от региона [Семенов 2020, 269].

Связь зеленого с негативными ассоциациями недомогания, болезни, отравления, вируса и противоположными им символами здоровья, здорового образа жизни, экологии, медицины интересно преломилась в исследовании, посвященном цветовому маркированию интенсивности и формы болевых ощущений. Категории «цветового» восприятия боли в исследовании отражались в виде различно окрашенных шкал. У разных групп пациентов цветовые предпочтения при обозначении сильных болей – черный и серый; при болях средней интенсивности – коричневый и красный; при отсутствии боли – желтый и зеленый. Пациенты с психогенным болевым синдромом при болях средней и высокой интенсивности выбирали желтый, фиолетовый, красный, а при отсутствии боли – серый, зеленый [Адашинская, Ениколопов, Мейзеров 2005]. Это обозначает проблемную область, которую можно назвать «цвет боли». Проблема сформулирована в вопросе: «Как можно ощутить чужую боль?» [Хакер 2012]. Следует отметить, что одно из

направлений поиска ответа на этот вопрос возвращает к наследию Витгенштейна [Ладов 2012]. Другое направление поиска ответа, как это ни странно, предлагают нарративы биоэтики, ставя ключевой вопрос: «Как можно принять чужую боль?» В этом вопросе акцент поставлен на сострадании и понимании, т.е. на такой форме выражения сочувствия, которая необходима конкретному страдающему человеку. Именно это действенное сочувствие выражает слово «принять» в формулировке вопроса «от биоэтики». В эпиграфе к статье приведены слова Витгенштейна о дальтонизме. С позиций биоэтики можно говорить о «моральном дальтонизме» [Горбулёва, Мелик-Гайказян, Первушина 2020, 124], для компенсации и / или преодоления которого нужны способы «второй навигации» [Мелик-Гайказян 2016, 101]. Эти способы, в свою очередь, предполагают высокую степень точности процедур ориентации в «слепых» локусах [Мелик-Гайказян 2022а] и процедур диагностики состояний и положений [Мелик-Гайказян 2022б]. Для разработки таких процедур необходимы семиотические шкалы, фиксирующие спектры и гаммы нюансов цветового окрашивания уязвимости и сочувствия к уязвимому положению . На данный момент существует большое количество исследований и различных источников данных касательно происхождения, классификации, истории и значения цвета, что подтверждает актуальность и интерес к теме исследования. Однако «слепые пятна», неоднозначность и противоречивость некоторых выводов свидетельствуют о необходимости продолжения работы, задача и актуальность которой здесь обозначена. Помимо оговоренных аспектов представляет интерес особое место, занимаемое цветом, в коммуникации и передаче смыслов на различных уровнях современной культуры.

В качестве итога можно отметить тот факт, что зеленый цвет является выражением и нормального, и экстремального, т.е. противоположных состояний. Один и тот же цвет может обозначать противоборствующие вещи, а также иметь общие ассоциации как в узких, так и в широких ареалах [Серов 2019, 12]. Исследователи в различных областях знаний интересуются данной темой очень давно и всесторонне, начиная от того, как и в каком порядке люди узнавали и называли цвета, и заканчивая предположениями о том, как конкретный цвет может влиять на человека или большие группы людей в различных обстоятельствах и контексте. Именно распределение зеленого цвета в ареалах хорошего и плохого, нормального и экстремального делает любопытной палитру его оттенков, представленную здесь в составленных коллажах.

БИБЛИОГРАФИЯ

Адашинская, Ениколопов, Мейзеров 2005 – *Адашинская Г. А., Ениколопов С. Н., Мейзеров Е. Е.* Боль и цвет // Психологический журнал. 2005. № 26 (3). С. 74–80.

Бейти 2020 – *Бейти П.* Анатомия цвета: об истории красок и цветовых решениях в интерьере. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. 352 с.

Витгенштейн 2022 – *Витгенштейн Л.* Заметки о цвете / пер. с нем. В. А. Суровцева, К. А. Родина; под общ. ред. В. А. Суровцева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. 160 с.

Высоцкая 2019 – *Высоцкая В. В.* Символика цветовых сочетаний в романе М. Булгакова «Белая гвардия» // Art Logos. 2019. № 3 (8). С. 92–104.

Горбулёва, Мелик-Гайказян, Первушина 2020 – *Горбулёва М. С., Мелик-Гайказян И. В., Первушина Н. А.* Инициативы педагогической биоэтики // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 6. С. 122–128.

Греймас, Курте 1983 – *Греймас А. Ж., Курте Ж.* Объяснительный словарь теории языка // Семиотика / Составление, вступительная статья и общ. редакция Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 483–550.

Дейк 1989 – *Дейк ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Доби 2018 – *Доби Д.* Песня цвета. Уроки цвета и композиции. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 160 с.

Куличенко, Королевская 2020 – *Куличенко Ю. Н., Королевская Е. М.* Символика зеленого цвета во фразеологической картине мира: сопоставительный аспект (на материале русского, английского, немецкого и итальянского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 13 (8). С. 262–265.

Кудрина, Мещеряков 2011 – *Кудрина А. В., Мещеряков Б. Г.* Семантика цвета в разных культурах // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2011. № 1. С. 1–17.

Ладов 2012 – *Ладов В. А.* Витгенштейн и Хакер о языке ощущений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 135–140.

Лю, Рыбаков 2020 — *Лю Л., Рыбаков М. А.* Цветовая символика в русском и китайском языках и семантика гидронимов с цветовым компонентом // Litera. 2020. № 6. С. 44–55. doi: 10.25136/2409-8698.2020.6.33075

Люшер 2006 – *Люшер М.* Цветовой тест Люшера. М.: Эксмо, 2006. 192 с.

Мартьянова 2013 – *Мартьянова Н. А.* «Символическое» цветообозначений в русской лингвокультуре // Филология и человек. 2013. № 4. С. 056–067.

Мартьянова 2015 – *Мартьянова Н. А.* Колоративы как средство выражения эмоций в произведениях М. Горького // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования. Барнаул, 20–24 октября 2015 г. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2015. С. 2861–2866.

Мелик-Гайказян, Мелик-Гайказян 2016 – *Мелик-Гайказян И. В., Мелик-Гайказян М. В.* Систематизация результатов социологических опросов волонтеров для выявления семиотических механизмов нелинейной динамики образовательных систем. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2016620267, 19.02.2016. Заявка 2015621691 от 28.12.2015.

Мелик-Гайказян 2016 – *Мелик-Гайказян И. В.* Вавилонская башня – метафора о «семиотическом аттракторе» динамики Hi-Tech // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 1. С. 92–103.

Мелик-Гайказян 2022a – *Мелик-Гайказян И. В.* Об одной географической метафоре // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 27–31.

Мелик-Гайказян 2022b – *Мелик-Гайказян И. В.* Семиотическая диагностика расщепления траекторий мечты о прошлом и мечты о будущем // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, № 4 (114). doi: 10.18254/S207987840021199-7

Пастуро 2018 – *Пастуро М.* Зеленый. История цвета. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018. 168 с.

Прохорова 2014 – *Прохорова А. М.* Цветовая символика в английских и русских устойчивых словосочетаниях // Перспективы науки и образования. 2014. № 1 (7). С. 252–255.

Ромашова, Антонова 2014 – *Ромашова Е. В., Антонова Т. А.* Цветовая образность в книге // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 5 (166). С. 136–141.

Самсонова 2005 – *Самсонова Н. В.* Зеленый цвет у Чехова-драматурга и прозаика // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. 2005. № 1. С. 75–77.

Семенов 2020 – *Семенов А. К.* Психология и этика менеджмента и бизнеса. М.: Дашков и К, 2020. 276 с.

Сен-Клер 2020 – *Сен-Клер К.* Тайная жизнь цвета. М.: Бомбора, 2020. 320 с.

Серов 2019 – *Серов Н.* Символика цвета. СПб.: Страта, 2019. 201 с.

Сологуб 2016 – *Сологуб Е. А.* Проблематика и поэтика литературно-критической статьи Андрея Белого «Луг зеленый» // APRIORI. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 3. 10 с. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-i-poetika-literaturno-kriticheskoy-stati-andreya-belogo-lug-zelenyy/viewer

Суровцев, Родин 2018 – *Суровцев В. А., Родин К. А.* Людвиг Витгенштейн о логике цветовых понятий // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4. С. 222–234.

Суровцев, Родин 2020 – *Суровцев В. А., Родин К. А.* «Заметки о цвете» Людвига Витгенштейна: от логики цвета-к социологии цвета // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 2. С. 25–38.

Сысоева 2011 – *Сысоева С. В.* Использование цвета в рекламе // Сибирский торгово-экономический журнал. 2011. № 12. С. 147–149.

Уварова, Иванова 2021 – *Уварова Л. Н., Иванова В. Д.* Психология цвета в маркетинге // E-Scio. 2021. № 1 (52). С. 399–403.

Хакер 2012 – *Хакер П.* Могут ли разные люди чувствовать одну и ту же боль? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 141–156.

Шайнбергер 2017 – *Шайнбергер Ф.* Акварельный скетчинг. Как рисовать и рассказывать истории в цвете. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 160 с.

Элдридж 2016 – *Элдридж Л.* Краски. История макияжа. М.: Одри, 2016. 240 с.

Baty 2021 – *Baty P.* Nature's Palette: A colour reference system from the natural world. Thames & Hudson, 2021. 290 p.

Cong, Chistyakov 2021 – *Cong G., Chistyakov A. V.* The color symbolism in the works of M.A. Bulgakov // Revista EntreLinguas. 2021.

Isley 2022 – *Isley G.* Science in Color // The Mall. 2022. № 6 (1). Art. 5. https://digitalcommons.butler.edu/the-mall/vol6/iss1/5

Luscher 1985 – *Luscher M.* The Luscher test. Personality assessment through color choice. Reinbek: Rowohlt, 1985. [2], 185 p.

Michels et al. 2022 – *Michels N., Debra G., Mattheeuws L., Hooyberg A.* Indoor nature integration for stress recovery and healthy eating: A picture experiment with plants versus green color // Environmental Research. 2022. Art. 113643.

Tarasenko et al. 2016 – *Tarasenko V. F., Melik-Gaykazyan M. V., Gorbuleva M. S., Melik-Gaykazyan I. V.* «Rabbit Effect»: The Reasons of Volun-

teer Movements as the Diagnostics of the Role Transformations of Human Resource Management // сборнике: Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth: Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference. 2016. P. 2179–2182.

Turapovna 2021 – *Turapovna I. S.* Semantics of the lexeme "green" // ACADEMICIA: An International Multidisciplinary Research Journal. 2021. Vol. 11 (9). P. 440–448. doi: 10.5958/2249-7137.2021.01936.4

Wei 2021 – *Wei L.* Color Symbolism and American Dream in Luhrmann's The Great Gatsby // International Conference on Educational Innovation and Philosophical Inquiries (ICEIPI 2021). P. 10–14.

Wittgenstein 1977 – *Wittgenstein L.* Remarks on Colour / ed. by G. E. M. Anscombe. Oxford: Basil Blackwell, 1977. 63 p.

REFERENCES

Adashinskaya, G. A., Enikolopov, S. N., & Meyzerov, E. E. (2005). Bol' i tsvet [Pain and color]. *Psikhologicheskiy zhurnal*, *26*(3), 74–80.

Baty, P. (2020). *Anatomy of Color: The Story of Heritage Paints & Pigments.* Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).

Baty, P. (2021). Nature's Palette: A colour reference system from the natural world. Thames & Hudson.

Cong, G., & Chistyakov, A. V. (2021). *The color symbolism in the works of M. A. Bulgakov*. Revista EntreLinguas.

Dijk, T. A. van. (1989). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English. Progress.

Dobie, J. (2018). *Making Color Sing: Practical Lessons in Color and Design.* Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).

Eldridge, L. (2016). *Face Paint - The Story of Makeup.* Odri. (In Russian).

Gorbuleva, M. S., Melik-Gaykazyan, I. V., & Pervushina, N. A. (2020). Pedagogical Bioethics Initiatives. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, *29*(6), 122–128. (In Russian). https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-6-122-128

Greimas, A. J., & Courtes, J. (1983). Semiotics and Language: An Analytical Dictionary. In Yu. S. Stepanov, (Ed.), *Semiotics* (pp. 483–550). Raduga. (In Russian).

Hacker, P. M. S. (2012). Can Different People Have the Same Pain? A Philosophical Entertainment. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, *4*(20), 141–156. (In Russian).

Isley, G. (2022). Science in Color. *The Mall. 6*(1), 5. https://digitalcommons. butler. edu/the-mall/vol6/iss1/5

Kudrina, A. V., & Meshcheryakov, B. G. (2011). Semantika tsveta v raznykh kul'turakh [Semantics of colour in different cultures]. *Psikhologicheskiy zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka "Dubna"*, 1, 1–17.

Kulichenko, Yu. N., & Korolevskaya, E. M. (2020). Green Colour Symbolism in Phraseological Worldview: Comparative Aspect (By the Material of the Russian, English, German and Italian Languages). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, *13*(8), 262–265. (In Russian).

Ladov, V. A. (2012). Wittgenstein and Hacker on the language of sensations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, *4*(20), 135–140. (In Russian).

Liu, L., & Rybakov, M. A. (2020). Color Symbolism in Russian and Chinese Languages and Semantics of Hydronyms With a Color Component. *Litera*, 6, 44–55. (In Russian). https://doi.org/10.25136/2409-8698.2020.6.33075

Luscher, M. (1985). *The Luscher test. Personality assessment through color choice.* Rowohlt.

Luscher, M. (2006). *The Luscher color test.* AST; Sova. (In Russian).

Mart'yanova, N. A. (2013). "Simvolicheskoe" tsvetooboznacheniy v russkoy lingvokul'ture ["Symbolic" colour terms in Russian linguistic culture]. *Filologiya i chelovek*, 4, 56–67.

Mart'yanova, N. A. (2015). Color words as a means of expressing emotions in the works of M. Gorky. In *Lomonosovskie chteniya na Altae: fundamental'nye problemy nauki i obrazovaniya* [Lomonosov Readings in Altai: Fundamental Problems of Science and Education] (pp. 2861–2866). Conference Proceedings. Altai State University. (In Russian).

Melik-Gaykazyan, I. V. (2016). Tower of babel as the metaphor of hi-tech dynamics "semiotic attractor". *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*, *21*(1), 92–103. (In Russian).

Melik-Gaykazyan, I. V. (2022a). About One Geographical Metaphor. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 69, 27–31. (In Russian). https://doi.org/10.17223/1998863x/69/4

Melik-Gaykazyan, I. V. (2022b). Semiotic diagnostics of the trajectory splitting between a dream of the past and dream of the future. *Istoriya*, *13*:4(114). (In Russian). https://doi.org/10.18254/S207987840021199-7

Melik-Gaykazyan, I. V., & Melik-Gaykazyan, M. V. (2016). *Systematization of the results of sociological surveys of volunteers to identify semiotic mechanisms of the nonlinear dynamics of educational systems.* Database registration certificate RU 2016620267, February 19, 2016. Application No. 2015621691 of December 12, 2015. (In Russian).

Michels, N., Debra, G., Mattheeuws, L., & Hooyberg, A. (2022). Indoor nature integration for stress recovery and healthy eating: A picture experiment with plants versus green color. *Environmental Research*, 212(Pt E), 113643.

Pasturo, M. (2018). *Zelenyy. Istoriya tsveta* [Green. The history of the colour]. Novoe Literaturnoe Obozrenie.

Prokhorova, A. M. (2014). Tsvetovaya simvolika v angliyskikh i russkikh ustoychivykh slovosochetaniyakh [Colour symbolism in English and Russian set phrases]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, *1*(7), 252–255.

Romashova, E. V., & Antonova, T. A. (2014). The Colour Figurativeness in the Book. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, *5*(166), 136–141. (In Russian).

Samsonova, N. V. (2005). Zelenyy tsvet u Chekhova-dramaturga i prozaika [The green color in Chekhov the playwright and prose writer]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 1, 75–77.

Scheinberger, T. (2017). *Urban Watercolor Sketching: A Guide to Drawing, Painting, and Storytelling in Color.* Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).

Semenov, A. K. (2020). *Psikhologiya i etika menedzhmenta i biznesa* [Psychology and ethics of management and business]. Dashkov i K.

Serov, N. (2019). *Simvolika tsveta* [Symbolism of colour]. Strata.

Sologub, E. A. (2016). Perspective and Poetics of Andrey Bely's Literary Critique "the Meadow Green". *APRIORI. Ceriya: Gumanitarnye nauki*, 3.

St Clair, K. (2020). *The Secret Lives of Colour.* Bombora. (In Russian).

Surovtsev, V. A., & Rodin, K. A. (2018). Ludwig Wittgenstein on Color Concepts and Their Logic. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 4, 222–234. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-222-234

Surovtsev, V. A., & Rodin, K. A. (2020). Wittgenstein's "Remarks on Colour": From Colour Logic to Social Studies of Colour. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 2, 25–38. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2020-2-25-38

Sysoeva, S. V. (2011). Ispol'zovanie tsveta v reklame [The use of colour in advertising]. *Sibirskiy torgovo-ekonomicheskiy zhurnal*, 12, 147–149.

Tarasenko, V. F., Melik-Gaykazyan, M. V., Gorbuleva, M. S., & Melik-Gaykazyan, I. V. (2016). "Rabbit Effect": The Reasons of Volunteer Movements as the Diagnostics of the Role Transformations of Human Resource Management. In K. S. Soliman (Ed.), *Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth. Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference* (pp. 2179–2182). International Business Information Management Association.

Turapovna, I. S. (2021). Semantics of the lexeme "green". *ACADEMICIA: An International Multidisciplinary Research Journal*, *11*(9), 440-448. https://doi.org/10.5958/2249-7137.2021.01936.4

Uvarova, L. N., & Ivanova, V. D. (2021). Psikhologiya tsveta v marketinge [Psychology of colour in marketing]. *E-Scio*, *1*(52), 399–403.

Vysotskaya, V. V. (2019). Symbolism of Color Combinations in the Novel "White Guard" by M. Bulgakov. *Art Logos, 3*(8), 92–104. (In Russian).

Wei, L. (2021). Color Symbolism and American Dream in Luhrmann's The Great Gatsby. In *International Conference on Educational Innovation and Philosophical Inquiries (ICEIPI 2021)* (pp. 10–14). https://doi.org/10.54254/chr.iceipi.2021153

Wittgenstein, L. (1997). *Remarks on Colour.* Edited by G. E. M. Anscombe. Basil Blackwell.

Wittgenstein, L. (2022). *Remarks on Colour*. Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya". (In Russian).

Материал поступил в редакцию 07.06.2022
Материал поступил в редакцию после рецензирования 10.12.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Брызгалина Елена Владимировна
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
Философский факультет.
Кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии образования.
Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, Москва, 119991, Россия.
E-mail: evbrz@yandex.ru

Буренина-Петрова Ольга Дмитриевна
Цюрихский университет.
Лаборатория славистики.
Доктор филологических наук.
Plattenstrasse 43, Zürich, CH-8006, Switzerland.
E-mail: olga.burenina@access.uzh.ch

Гиздатов Газинур Габдуллавич
Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана. Кафедра международных коммуникаций.
Доктор филологических наук, профессор.
Ул. Муратбаева 200, Алматы, 050026, Казахстан.
E-mail: gizdat@mail.ru

Горбулёва Мария Сергеевна
Томский государственный педагогический университет.
Кандидат философских наук, старший научный сотрудник кафедры истории и философии науки.
Ул. Киевская 60, Томск, 634061, Россия.
E-mail: black_silver@bk.ru

Дорофеев Даниил Юрьевич
Санкт-Петербургский горный университет.
Доктор философских наук, профессор кафедры философии.
21-я линия Васильевского острова, д. 2, Санкт-Петербург, 199106, Россия.
E-mail: dandorof@rambler.ru

Жюслен Шарль

Университет Париж-Дидро.
Университетская больница
Биша-Клода Бернара в Париже.
MD, PhD. Руководитель отдела
паллиативной помощи.
46, rue Henri-Huchard, Paris, 75018, France.
E-mail: charles.joussellin@aphp.fr

Майленова Фарида
Габделхаковна

Институт философии
Российской академии наук.
Доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник сектора
гуманитарных экспертиз и биоэтики.
Ул. Гончарная 12, стр. 1, Москва, 109240,
Россия.
E-mail: farida.mailenova@mail.ru

Рожкова Тамара
Валентиновна

Самарский государственный медицинский
университет.
Кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой иностранных
и латинского языков.
Ул. Чапаевская, д. 89, Самара, 443099,
Россия.
E-mail: rozhkovatamarav@yandex.ru

Сидорова Татьяна
Александровна

Новосибирский государственный
университет.
Кандидат философских наук, доцент
кафедры фундаментальной медицины.
Ул. Пирогова, д.1, Новосибирск, 630090,
Россия.
E-mail: t.sidorova@g.nsu.ru

Сопиева Баян
Абдужапаровна

Казахский университет международных
отношений и мировых языков
имени Абылай хана.
Аспирант.
Ул. Муратбаева 200, Алматы, 050026,
Казахстан.
E-mail: bayan.sopieva@mail.ru

AUTHORS

Elena V. Bryzgalina	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: evbrz@yandex.ru
Olga D. Burenina-Petrova	University of Zurich, Zurich, Switzerland. E-mail: olga.burenina@access.uzh.ch
Gazinur G. Gizdatov	Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan. E-mail: gizdat@mai.ru
Maria S. Gorbuleva	Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: black_silver@bk.ru
Charles Joussellin	Paris Diderot University, Paris, France. E-mail: charles.joussellin@aphp.fr
Daniil Yu. Dorofeev	Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: dandorof@rambler.ru
Farida G. Mailenova	Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: farida.mailenova@mail.ru
Tamara V. Rozhkova	Samara State Medical University, Samara, Russian Federation. E-mail: rozhkovatamarav@yandex.ru
Tatiana A. Sidorova	Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: t.sidorova@g.nsu.ru
Bayan A. Sopieva	Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan. E-mail: bayan.sopieva@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы для публикации в журнале принимаются в электронном формате через форму на сайте https://praxema.tspu.edu.ru в разделе «Разместить статью». Если у Вас есть вопросы, Вы можете связаться с редакцией журнала по адресу: Praxema@tspu.edu.ru

Информация о правилах оформления и размещения статей, критерии отбора материалов для публикации, редакционная политика журнала размещены на нашем сайте: https://praxema.tspu.edu.ru/

Правила для авторов. Порядок представления материалов к публикации: https://praxema.tspu.edu.ru/praxema-for-authors.html

Порядок рецензирования. Критерии отбора материалов для публикации: https://praxema.tspu.edu.ru/praxema-review-procedure.html

Публикационная Этика Издания. Принципы издательской этики: https://praxema.tspu.edu.ru/praxema-editors-publisher-ethics.html

---

INFORMATION FOR AUTHORS

All materials for publication in the journal must be submitted in digital format through the form on the website https://praxema.tspu.edu.ru in the Place Article section. If you have any questions, you can contact the editorial office at Praxema@tspu.edu.ru

Instructions for preparing and submitting manuscripts, selection criteria for the submissions, the principles of publication ethics are posted on our website: https://praxema.tspu.edu.ru/en/

Information for authors. Guidelines for preparing manuscripts for submission: https://praxema.tspu.edu.ru/en/praxema-for-authors.html

Peer-reviewing procedure. Selection criteria for submitted manuscripts: https://praxema.tspu.edu.ru/en/praxema-review-procedure.html

Editors' publication ethics. The principles of publication ethics: https://praxema.tspu.edu.ru/en/praxema-editors-publisher-ethics.html

Издательство ТГТУ